

Х. Х. Боков

Записки публициста

Х. Х. БОКОВ

ЗАПИСКИ ПУБЛИЦИСТА

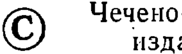
ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГРОЗНЫЙ — 1973

С2 (Инг)
Б78

Эта книга — продолжение повести «Тайна старой землянки». События ее происходят в наши дни. Герои повести — партийные работники, молодые учителя, рабочие совхозов — ведут решительную борьбу против религиозных святош, карьеристов, против всего старого, реакционного.

Оформление художника
В. П. Глушкова

Б 0733—033 / М135(03)—73 25—73

ПОЧЕМУ ИСЧЕЗЛА ПРЕЖНЯЯ ДРУЖБА?

Первый год самостоятельной работы учителем в школе оказался нелегким для Гапура. На практике приходилось биться над многими вопросами, которые на институтской скамье казались легкими и простыми. На помощь приходили опытные учителя, директор школы Асиев. Но все больше тяготила Гапура какая-то холодная неприязнь к нему со стороны Усмана и Хасана. Ни радостный труд учителя, стать которым он мечтал с детства, ни сладкое бремя постоянной занятости школьными делами и общественными поручениями, а они все чаще стали выходить за пределы его прямых обязанностей, — ничто не могло отвлечь его от мысли о том, что породило такое отчуждение между ним и его первыми в жизни друзьями. Он никак не понимал, когда и где могла прерваться нить их былого единомыслия.

— Значит, его не было, — убеждал себя Гапур. — Ведь говорят же, что дружба, которая прервалась, в самом деле и не существовала. Но почему же эти двое, так часто ссорившиеся в годы их совместной учебы, теперь объединились и при всяком удобном случае пускают в него ядовитые стрелы злобы?

Вопросы один за другим возникали вновь и вновь. А ответ всегда один и тот же — между ними не было настоящей дружбы, не было единомыслия.

Зато с другими своими однокурсниками по институту — Адамом и Любой — Гапур встречался почти каж-

дый выходной день. Он приезжал к ним. Между ними всегда шли откровенные разговоры. Они часто спорили, иногда резко говорили друг другу все, что думают о том или другом деле. Бывали и разногласия. Но они не мешали взаимному уважению. Все меньше вспоминали об Усмане и Хасане. Больше думали о делах, о том, как лучше оправдать высокое звание учителя.

В одну из встреч разговор зашел о взаимоотношениях школы и родителей.

— Без постоянной работы среди родителей невозможно нормально учить самих детей, — горячился Гапур. — А пока школа и некоторые родители по-разному воспитывают их. И в этом наша беда. Не так ли? Разве я неправ?

Адам с Любой переглянулись, будто уступая друг другу право ответить ему.

— Не во всем, — сказала Люба. — В общем-то наши желания в воспитании детей совпадают с мечтой родителей.

— Гапур настроен, как всегда, революционно, — улыбнулся Адам. — У него почти не бывает середины. Если плохо, то вообще плохо. Хорошо — так хорошо. И здесь в оценке допускает перегибы. Заявить, что все родители плохо воспитывают своих детей! Чепуха!

Гапур еще больше горячился, пытался доказать свою правоту, приводил примеры, факты.

— Тебе нужно самому научиться, — продолжал Адам, — видеть больше хорошего, ведь на положительном лучше воспитываются и взрослые и дети.

— Я думаю то же, — соглашался Гапур. — Но хорошего-то никто у нас не отнимет, оно с нами и останется. Я говорю о плохом, чтобы его не было.

— А о хорошем говорят для того, чтобы его было больше, — улыбнулась Люба.

— Значит, мы все хотим одного, — вставил Адам. —

Мы все хотим, чтобы было больше хорошего и меньше плохого.

— Не меньше, — слегка ударил Гапур по плечу друга, — пусть его вообще не станет.

— Так бы было лучше, — добродушно ответил Адам. — Но для этого еще много нужно работать.

— А разве я не о том говорю, что нужно много работать? — оживился Гапур. — Если взяться за это по-настоящему, все люди будут воспитаны в духе нашего строя. Только мы виноваты, что у нас есть еще родители, которые воспитывают своих детей вопреки этому духу.

Гапур поглядел на часы и поднялся. Пора уезжать. Утром — на занятия, в школу. Адам пошел его проводить.

— Ты все еще на своем коньке, — говорил он ему, шагая рядом по улице села. — Твои громкие слова без конкретных дел останутся пустым звуком.

В ответ Гапур лишь махнул рукой, сказал что-то неопределенное и поспешил на автобус, который уже подошел к остановке.

— Горячая голова наш Гапур, — рассуждал Адам, вернувшись домой. — Все рвется, все спешит. В последнее время он сильнее стал нервничать. Боюсь, как бы не нарвался на скандал.

Люба отодвинула в сторону тетради, которые кончила проверять.

— Поддержать его там некому. Скорее подсидеть могут, — с сожалением ответила она. — И этот идиот Хасан там, рядом с ним, и этот лицемер Усман в роли руководителя... Конечно, трудно ему, пока не появятся около него настоящие друзья.

— Очень нужен ему рядом и авторитетный старший наставник, чтобы сдерживал его пыл и правильно направлял его энергию, — добавил Адам.

— Люба! — прервал разговор голос матери Адама.— Корова домой пришла.

— Иди-иди, крестьянка, — пошутил Адам, — занимайся, раз хозяйством обзавелась.

Мать, уговорив Любу, против воли Адама неделю тому назад купила корову. И теперь всем соседям хвалилась, что ее невестка не только хорошая учительница в школе, но и хорошая хозяйка в доме.

Это радовало Адама. Ему даже удовольствие доставляло, когда в каком-нибудь мелком домашнем споре он оказывался один против матери и жены, выступавших заодно...

ДИРЕКТОР—НАСТАВНИК

После занятий директор школы Асиев все чаще приглашал к себе Гапура, говорил с ним на различные темы, рассказывал о виденном и пережитом.

Гапур внимательно слушал, но иногда мысленно не соглашался с ним.

«Работали бы вы так, как рассказываете, не было бы таких темных пятен в нашей жизни, которая вот уже столько лет строится по самым справедливым законам человеческого общества», — думал он.

Высокая и чуть сутуловатая фигура Асиева, его белые руки с длинными и тонкими пальцами, манера держаться и разговаривать — все это при первом знакомстве показалось Гапуру архаичным, чем-то директор напоминал учителя-ментора, знающего только то, что некогда формально заучил.

Но каждая встреча убеждала Гапура в обратном. Он стал видеть в директоре хорошего наставника и интерес-

ного собеседника. Только с одним по-прежнему не соглашался молодой педагог — что в те далекие уже тридцатые годы учителя были более боевитыми, чем сейчас.

«Поговоришь с инженером старой гвардии, — думал Гапур, — услышишь ту же оценку своей деятельности в тот период. Врач, агроном, партийный, советский работник — то же самое».

Пристальный взгляд старого учителя иногда смущал Гапура, ему казалось, что этот взгляд имеет свойство насквозь просвечивать человека и читать его мысли. Но чувство собственного превосходства, сидевшее где-то в глубине, вновь говорило ему: «А все же не то. Больше хвалитесь. Вот мы — это совершенно другое».

Это затаившееся чувство было тайной Гапура. Он не замечал, как старший, опытный коллега с каждой встречей все больше раздвигал завесу, скрывавшую его.

Их встречи и беседы не были поединком умов разных поколений. Они скорее походили на искусные уроки старого учителя своему молодому коллеге, большие теоретические знания которого не были закреплены еще опытом жизни.

Ироническая улыбка, появляющаяся на губах молодого собеседника, не мешала опытному педагогу видеть его решительные и твердые взгляды на жизнь, на свое место в ней. Излишняя горячность и запальчивость Гапура говорили о том, что он человек сильных страстей и ему нужен опыт, как компас бесстрашному мореплавателю.

Сегодня они задержались в школе особенно долго. Время за разговором летело незаметно.

— И мы в годы своей молодости пытались предъявить счет старшему поколению революционеров, — неожиданно сказал Асиев, встал, нагнулся, открыл ящик стола, достал папиросу и нервно затянулся табачным дымом.

Гапура будто кольнуло. Он сделал движение и, сам того не замечая, потянулся к коробке спичек на столе.

— Хотите закурить? — спросил директор. — Вы ведь не курите?

— Нет, я просто так.

Гапур взял из коробки несколько спичек и нервозно стал их ломать. Это волнение не ускользнуло от опытного взгляда Асиева.

— Строя новую жизнь в те далекие годы, мы тоже думали: почему наши отцы и старшие братья, совершив революцию, не уничтожили всего, что мешает этой жизни. Вместе с этим «почему» мы внушали себе: «Вот мы дадим, как говорится, мы свое дело сделаем получше».

Директор говорил с длинными паузами, затягиваясь табачным дымом, иногда он подходил к окну и вглядывался куда-то в даль улицы, освещенной желтым светом электрических фонарей.

При этом вставал и Гапур, как бы отдавая дань старшинству собеседника. Его возбуждение и внутреннее волнение смягчались спокойным и ровным состоянием опытного педагога и старшего товарища, говорившего ему не заученные истины, а слова, идущие от открытого и доброго сердца.

«Но почему же «и мы», «мы тоже...»? — думал Гапур. — Где, когда я высказывал претензии к старшему поколению?»

«Ты их не высказывал, но они у тебя есть», — подсказывал внутренний голос.

— У нашего поколения судьба была куда труднее. Но мы гордимся этим. Именно в ее огне и закалялись наши сердца, крепла наша воля к победе.

Гапур переживал трудные минуты.

«У нас, конечно, судьба куда легче, чем ваша, — думал он. — Но значит ли это, что воля наша слабее?»

На лице его отражалась борьба противоречивых чувств. И это видел наставник. Он был убежден, что имеет дело не с молодым человеком воскового сердца, которому любая опытная рука может придать желаемую форму. Он ценил в нем волю, стремление бороться с тем, что сегодня мешает жить и строить.

Это была далеко не первая дружеская беседа старого коллеги с молодым. Но сегодня больше обнажалась главная цель разговора. Этого хотел Асиев. Это чувствовал Гапур.

— Каждое новое поколение продолжает дело старшего, ибо оно само есть его продолжение. С высоты сегодняшнего свежему глазу может показаться, что был другой, более удобный путь к этой вершине. Но если бы вам пришлось возвратиться на пройденный нами путь, то вы бы убедились, что другого пути сюда не было и нет. Мы, борцы среднего поколения, взяв из рук старших оружие дальнейшей борьбы и окунувшись в эту борьбу за новую жизнь, поняли, что не было иного пути, и гордились, что кровью завоеванное знамя свободы передали нам. Мы не старались с высоты своего времени ставить оценки нашим отцам, а делали все, чтобы оправдать их надежду. Мы получили свободу и право на счастье. Пользуясь этой свободой, не жалея себя, не щадя своих сил, мы построили его. На долю нынешнего поколения выпала миссия охранять это счастье и строить дальше. Еще много в мире темных сил, покушающихся на наши достижения.

Асиев говорил тихо и спокойными жестами подчеркивал важные мысли.

— Я все это стараюсь внушать моим ученикам,— сказал он, словно оправдываясь за назидательную беседу.

— Да, — ответил Гапур задумчиво и серьезно, — преемственность поколений, верность и преданность революционным, боевым и трудовым традициям отцов — эти качества и воспитывают учителя истории.

Асиев вновь закурил и устало облокотился на письменный стол.

— Конечно, — продолжал Гапур с той же задумчивостью, — было бы глупо, придя на смену старшему поколению, пытаться зачеркнуть все, что было до этого, и воображать, что начинаешь на голом месте.

— Это настроение у некоторых молодых людей, — улыбнулся учитель, — и в наше время встречалось. Потом жизнь их доучила. Главное вот в чем, — поднялся он со стула, — воспитывать каждое новое поколение так, чтобы оно видело себя продолжателем священного дела, начатого народом еще в революционные годы.

Гапур поднялся тоже, чувствуя, что директор заканчивает разговор. Было уже девять часов вечера. Они вместе вышли из школы и направились по тротуару широкой улицы райцентра. Гапур ждал коммунальной квартиры в новом доме, а пока жил у старого коммуниста, персонального пенсионера Сулеймана Джахотова, недалеко от Асиева.

— Не должно же каждое новое поколение, — прервал молчание Гапур все еще под впечатлением беседы, — только повторять или углублять то, что делало старшее, следуя, как по ниточке, по его следам. Должно же быть у него свое отношение, свои пути к решению назревших задач.

— Свои пути?! — быстро ответил директор. — Путь один. Он определен еще первым революционным поколением. Он известен. Но другое дело — методы, формы движения по этому пути. Они могут быть различные. И только та форма и тот метод приемлемы для нашего народа, которые без излишних путаниц ведут его по этому пути.

— Да, я понимаю, — согласился Гапур и вдруг, сжав кулак, процедил сквозь зубы: — Вот тех бы, кто путается под ногами, мешает нормальному шествию по этому пути, одним махом в бездонную пропасть!

— Кто это «те», кого в пропасть? — спросил спокойно директор.

— Как кто? — уставился на него Гапур. — Всякие там спекулянты, воры, клеветники, тунеядцы, те, кто еще держится за старые, вредные обычаи, девочек в школу не пускает, людей разных национальностей друг на друга пытается натравливать. Почему еще здравствуют они, наши противники? Разве это не наша слабость?

— Не совсем так, — вздохнул директор, — есть и другие причины.

— Капиталистическое окружение, агрессивность империализма, разные формы и методы борьбы против социализма, различные ревизионистские теории антикоммунизма и так далее, — быстро проговорил Гапур, будто желая сказать старшему коллеге, что обо всем этом он не хуже его знает. — Я сейчас имею в виду те пороки, которые еще существуют только из-за слабости нашей воспитательной работы и робости в борьбе с ними.

Эти слова напомнили Асиеву о том, что группе работников, в том числе ему и Гапуру, поручено участвовать в составлении мероприятий райкома по атеистическому и интернациональному воспитанию людей. Через месяц их предложения должны быть готовы. Работа предстояла большая.

— Да, вопросы эти очень сложные и спешка в их решении не годится, — спокойно ответил директор одновременно и на горячую речь Гапура и на свои собственные мысли. Он остановился около своего дома, пригласил Гапура к себе.

Гапур отказался, попрощался и быстро зашагал дальше.

— Спешка, спешка, — прошептал он с досадой. — Какая же это спешка, уже сколько лет прошло!

У калитки дома он встретился с хозяином квартиры, который тоже возвращался откуда-то.

ВОЗМУЩЕНИЕ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА

— А, это ты Гапур? — Хозяин был немного не в духе. — Черт знает что! — кивнул он куда-то в сторону.

Гапур знал нрав старого партизана. Его не нужно было расспрашивать, пока он не успокоится и не начнет рассказывать сам. Он пропустил старика вперед и вошел за ним в его комнату.

Это отец посоветовал ему поселиться у Сулеймана. Они знают друг друга еще с гражданской войны. Сулейман Джахотов был командиром красной сотни. Отец Гапура служил в той сотне. В период коллективизации Сулейман был организатором одного из колхозов, вел борьбу с кулачеством. Был ранен из кулацкого обреза. А в Отечественную войну возглавлял бригаду по строительству оборонительных сооружений. И сейчас, на пенсии, он оставался активистом района. О смелости, честности и преданности Сулеймана отец много и восхищенно рассказывал.

— Будешь слушаться Сулеймана, — говорил он, — не оступишься, он много знает, потому многому у него можно научиться...

Навстречу старику поднялась жена:

— Что? Опять с кем-то поругался? Не ходил бы ты туда и не лез бы не в свои дела.

— Чье же это дело, если не мое? — проворчал он в ответ. — Не позволю, чтобы плевали в нашу душу. Прохвост, — стукнул он палкой об пол и сел на убранную кровать.

Отпив немного поданного ему старухой кислого молока, он придвинул к себе подушку и облокотился на нее. Гапур присел на низкой скамеечке. Так просидели минут пять, пока Сулейман не заговорил, обратившись к Гапуру:

— Была бы у меня твоя грамота, показал бы я им, чего они стоят. С моей грамотешкой я с них шкуры сди-

рал в свое время, оказывается, не совсем еще содрал.

— С кого это?

— Не твоего женского ума дело, — оборвал он старуху. — Я сам знаю точно, что он был кулаком, сам я его раскулачивал, выселял отсюда. Кровопиец. В войне против фашистов нам не только не помогал, а в лесу скрывался да на конюшне, в тюрьме несколько лет сидел. А сейчас пенсию назначили. Так это же сволочь! — выругался он и прилег, по обыкновению закрыв часть лица уже потертой папахой из черной мерлушки.

— А куда же начальство смотрит? — решительно спросила старуха Хани, пытаясь все же включиться в разговор. — За что тебе пенсию платят, понятно. Ты вон весь израненный. О, — повернулась она к Гапуру, — сколько я с ним мучилась. Жизни не знала. День и ночь боишься: вот-вот привезут мертвым. Все ночи напролет у калитки просиживала, ожидала его. Бывало, раздастся выстрел, думаешь все, погиб: в него стреляли.

Она еще долго рассказывала о муже, при этом все чаще вставляя в воспоминания слова о том, как ей приходилось трудно. Старик не спал. Но он на этот раз не перебивал ее.

— Ты объясни толком, — обратилась она наконец к мужу, — кому это пенсию дали?

— Этой сволочи! — приподнялся он и опустил ноги в калоши. — Этому Мухти, этому бездельнику, который ничего полезного для народа не сделал, людей до сих пор обманывает. Элберд его должен знать, — обратился он к Гапуру. — В последние годы он, говорят, жил с ним в одном селе.

— И я его знаю, — крайне удивился Гапур. — Он был руководителем секты мюридов в том селе, где жил отец. Так он и сам рассказывал, что отбывал

несколько лет в Сибири за антисоветскую агитацию. Оказывается, он еще и бывший кулак.

— Ну вот, — еще больше оживился старик, — ему назначили пенсию. Сегодня прихожу получать свою, а он там — пришел тоже за пенсией. Я оттуда в исполком. Хочу узнать, почему ему назначили пенсию. Председателя не было, стучусь к заму, к Кулацкову этому, что из Грозного недавно прислан. Молодой такой и с образованием. Целый час доказывал ему, что неправильно назначена пенсия этому бандиту. А он все толкует о каких-то свидетельствах, вроде бы кто-то дал справку, что он красный партизан, был сельским активистом, в войне против гитлеровцев участвовал, да оттуда какие-то привез бумажки, что работал в совхозе. И вот этот молодой человек и слушать меня не хочет, потому что у Мухти все бумаги в порядке. Тогда я зашел к Аюбу, что со мной раскулачивал его. А он, — старик покачал головой и процокал несколько раз, как он делал всегда, когда чему-то удивлялся, — говорит: «Какое тебе дело до него. Что, он из твоего, что ли, кармана получает эти деньги? Я тоже дал бумажку, что он красный партизан. И тебе советую не вмешиваться в это дело». «Почему?» — спрашиваю. Он молчит, как в рот воды набрал. Аюба не узнаю, — развел он руками. — Бегу к Сардалу, рассказываю ему все это. А тот пожимает плечами, молчит и только улыбается. «Чего же ты молчишь, ведь ты-то хорошо знаешь этого пса?» Сардал мне отвечает: «Его-то я знаю хорошо. Но я знаю и то, чего не знаешь ты». — «А что ты знаешь?» — «Этот заместитель председателя исполкома его внучку засватал. И еще... Там, в Грозном, какой-то друг его стал работать на важной работе. Мухти долго жил с ним в одном селе. Теперь, брат, у него поддержка большая. Нам лучше молчать и ни во что не вмешиваться».

— Господи, зачем тебе все это? — завозилась у печки старуха. — Сиди себе и отдыхай.

— До самого верха дойду, — указал старик куда-то в сторону, — но так это дело не оставлю.

— Ну, а сам-то Сардал? — спросила Хани.

— Он возмущался крепко, но боится, как бы худа не вышло для его сыновей, что устроены на каких-то постах. — Старик улыбнулся и добавил: — Все были бы такие, как Сардал в свое время, не было бы несправедливости. Таких бы честных людей назначали на такие посты, как завсобесом.

— Но нет же, — возмутилась старуха, — находят каких-то босяков, ни отцов, ни матерей не имеющих.

Это уже она говорила, чтобы подладиться под настроение мужа. Но, видно, не угодила старику.

— Делай свое дело, — сказал тот. — При чем тут отцы и матери? Надо дельных, умных людей сажать на такие места, а не тех, чья фамилия крупнее и чьи родители и родственники влиятельнее.

— Как же могли дать ложные свидетельские показания люди честные и добросовестные, как, например, тот же Аюб? — спросил наконец Гапур.

— Эти люди, — одобрительно посмотрел старик на Гапура, — сами по себе честные. Аюб бы не стал получать незаслуженной пенсии. Но он просто боится, как бы чего не вышло, если не выполнит просьбы родственников влиятельных людей.

Старик задумался. Установилась тишина. Лишь треск дров в печи да шипение чайника нарушали ее.

— В наше время, — продолжал старик тихим голосом, — это называлось круговой порукой. Она губила многих честных людей. Многих и многих, — повторил он еще раз.

Он вновь замолчал, присел к печке и помешал горящие поленья.

— Давайте ужинать, — прервала молчание старуха, собрав на маленьком столике небогатый набор блюд.— Гапур, наверное, голоден.

Присаживаясь к столу, Сулейман продолжал:

— Сто подлецов, а их скрывала по этой круговой поруке, по разным родственным связям тысяча честных людей. А тысяча боялась мести. И так, — вздохнул он, наливая горячий чай из стакана в блюдце, — запутали честных людей, которые всеми силами боролись за Советскую власть, за нашу жизнь, но потом, напуганные, ушли в сторону, будто не замечая тех бандитов...

ТРУС, СКРЫВАЮЩИЙ ПРЕСТУПНИКА, САМ ПРЕСТУПНИК

Гапур впитывал весь этот разговор старого партизана и словно наполнялся гневом, который вот-вот взорвет его. Он готов был обрушиться на кого-то. Но на кого? Может быть, потому и название такое этому гадкому пороку — круговая порука, что все кругом так изгадит, что и не видно, где бы можно пристать справедливости. Откуда она — эта мерзость?

— Тысяча честных, говорите?! — не выдержав, вспылил Гапур. — Нет! Это несправедливо, что считаете вы честными таких людей, которые, видя преступления, скрывают их. Не может честный человек скрывать преступление, — горячился он. — Тот, на чьих глазах совершается преступление, а он молча созерцает его, не может считаться честным. Он — не меньший преступник, чем совершающий преступление. Значит, эта тысяча — бывшие честные, а потом они стали соучастниками преступления, прикрывающими преступников.

Старик молчал. По выражению его лица чувствовалось, что он согласен с молодым учителем.

— А тот Аюб, ваш друг, — продолжил Гапур, — разве честный человек? Среди белого дня обворовывают государство, незаконно выплачивают пенсию бандиту и проходимцу Мухти, а он считает, что это не его дело. А

Сардал, который знает об этом преступлении, сегодня разве лучше того же Мухти? Он еще и трусом стал.

— Вот именно, — стукнул старик кулаком по столику.

— Вы говорили об Аюбе и Сардале как о смелых партизанах, служивших в вашей сотне. Да, я верю вам, вы храбро защищали Советскую власть. Вы не боялись смерти, шли на вооруженного до зубов врага. Я знаю, что Сардал, Аюб и многие, многие другие в том суровом девятнадцатом году с кинжалами бросались из окопов на вооруженных винтовками деникинцев.

Старик все больше оживлялся, выпрямлялся за столом, отставил даже стакан с недопитым чаем.

— Да, — сказал он гордо, — это было.

— Но почему же, — не выдержал Гапур, — эти герои сегодня боятся проходимца Мухти?

— Вот именно, — сказал Сулейман, — боятся. Все это та же круговая порука, — поднял он кверху палец и произнес эти слова будто с гордостью за то, что он столько времени помнил их и сегодня поставил в центр беседы с тем, чтобы продолжить борьбу против этого зла.

Гапур смотрел на него и вспоминал сегодняшнюю беседу с директором школы. «Да, — подумал он, — действительно я — это продолжение старшего поколения. Но кого именно? Мухти? Нет! Даже не Сардала, не Аюба! Я продолжение миллионов таких, как Сулейман, и миллионов других людей из всех национальностей нашей страны».

Он гордился своей принадлежностью к поколению, которое продолжает священное дело старших революционеров. И тут же к горлу подступил комок ненависти к тем, кто сегодня безнаказанно плюет на нашу святыню. Плюет под прикрытием темной пелены круговой поруки, плюет под прикрытием родственных связей, религиозной тьмы, ложно понятых национальных традиций, маскируясь подчас прежними заслугами.

— Я это дело так не оставлю! — твердо повторил Сулейман. — Есть у меня еще друзья, которые вместе со мной разоблачат эту ложь. Ты, Гапур, не думай, что мы уже иссякли. Пусть там Аюб и Сардал прячутся в кусты...

НОЧНЫЕ РАЗДУМЬЯ

Гапур перед сном вышел на улицу. Стояла тихая осенняя ночь. Небо казалось совсем близким. Звезды будто все высыпали созерцать эту земную тишину. Сколько их, больших и малых, ярких и совсем тусклых, наверное, таких далеких, что даже свет от них еле доходит до земли. Вдруг одна яркая-яркая звезда сорвалась с неба, словно какая-то сила ее толкнула, полетела вниз и тут же растаяла во мгле. В детстве он слышал, как девушки спешили произнести слова желания, пока не угасла падающая звезда. Обычно говорили: ножницы, наперсток, нитки и игла. Это значит — хотели быть искусной портнихой. Вот сорвалась еще одна звезда, еще.

«Что же мне загадать?» — улыбнулся в душе Гапур, то ли оттого, что всплыли в памяти эти приметы, то ли оттого, что вспомнил свою сестру, которая в такие ночи очень жалела, что нет магических слов для мужчин, и сама придумала их. «Меч, винтовка, лошадь и седло»,— говорила она, мечтая видеть брата джигитом.

«Вот что желала мне моя сестра, — вспомнил Гапур свое детство. — Звезды падают и падают сколько уже лет. Ни сестра не стала портнихой, ни я не стал джигитом».

«Ты, Гапур, не думай, что мы иссякли», все еще чудился ему решительный голос старика.

«Вы, Сулейман, тоже не думайте, что мы — ваше продолжение — такие, как Усман и Хасан», — мысленно отвечал ему Гапур.

Долго еще ходил он во дворе. Долго не мог заснуть,

вернувшись в комнату. Казалось, что в эту ночь его источит угрызение совести перед стариком Сулейманом, директором Асиевым за то, что в его поколении есть еще такие, как Усман, которого часами невозможно убедить, что нельзя расхищать государственные деньги, есть и такие, как Хасан, который ради собственной карьеры готов все предать — и дружбу и честь — и который ни во что не ставит святыню нашего общества — дружбу советских народов.

В воображении Гапура, как немые кинокадры на оранжево-красном экране, пронеслись картины, от которых его сердце заколотилось в груди, в горле пересохло. Вот могильный курган на краю села Долаково. Здесь в обнимку лежат ингуши, те, кто восстал, чтобы не пропустить черные банды Деникина на город Владикавказ, русские юноши, что учились в пехотном училище и пришли на помощь долаковцам, чеченцы и многие другие. Они здесь лежат за счастье, братство и за все хорошее, что мы имеем и будем иметь. А на кургане стоит Хасан и зло делит советский народ на «своих» и «чужих».

Представляется Гапуру Усман, который, не успев еще ничего полезного внести в общую народную чашу накопления, раздает из нее добро тем, кто этого не заслуживает. И делает он это не по неопытности, а с корыстью, с думой только о себе, о своем благополучии. Обидно стало за Хасана и Усмана. Просидев, задумавшись, в темной комнате с полчаса, он встал, зажег лампу, открыл форточку, взял книгу, долго читал и заснул лишь под утро. А к восьми на работу...

НА СЕМИНАРЕ

В школе действовал теоретический семинар по проблемам научного атеизма, руководил им Асиев. Занятия проходили живо. Темы были близки к местным условиям,

интересовали каждого, давали возможность убедиться, что религиозные верования — не безобидные тени прошлого, а большая помеха в овладении людьми коммунистическим мировоззрением. А без этого мировоззрения нет ни сознательности, ни активности в труде.

Наступил день очередного семинара. Асиев предоставил слово первому докладчику. Он говорил о развитии экономики и культуры республики.

Отсталой окраиной царской России был до революции край вайнахов. Светской грамотой владели лишь царские чиновники, а духовенство — божьими мудростями. Одни грабили народ именем царя, его наместников, другие — именем аллаха и его пророков. Первые общались с темным народом посредством нагаек и оружия, тюрем и ссылок, вторые посредством корана и шариата. И те и другие вместе создавали и сохраняли сплав физического и духовного угнетения народных масс.

И вдруг содрогаются горы, замолкает монотонный хор, славящий аллаха и царя за горькую участь в этой «дольной жизни», за возможность вечно блаженствовать там, в загробном мире. Прозвучали совершенно новые слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», могучая рука русского рабочего протягивается на помощь обездоленным. И как было массам не понять этих слов и как им было не увидеть в этой руке руку друга! Разделилась Чечено-Ингушетия на большую и малую. Между ними вспыхнула смертельная война.

— Обманут большевики! — кричали слуги царя, встав на малую сторону, одновременно поливая свинцом большую сторону.

— Обманут гяуры-большевики! Аллах покарает за непокорность! — пугали слуги царя и аллаха — муллы, кораном и шариатом освящая свинец и меч карателя. Коран и четки, винтовка и меч — все стало орудием в малой Чечено-Ингушетии.

— Нет жизни другой, кроме как на земле, — сказали большевики, — сбросьте ярмо векового угнетения, мы придем вам на помощь, мы навеки с вами.

— Навеки с вами, — ответили народные массы вайнахов, — только с вами.

И сотни вихрей пережила и тысячи проклятий отмела трудовая масса Чечено-Ингушетии в те суровые годы, встав навеки рядом с великим народом России.

Великая страна стала общим домом для всех наций и народностей. В этом общем доме у каждой и у каждого из них есть свой угол. О каждом заботятся все вместе и каждый в отдельности. Ведь дом-то общий для всех. И каждый угол укреплялся всеми вместе. Добротный дом должен иметь одинаково крепкие углы и стены.

— Украшайте его — разноцветье всех наций и народностей, говорите, читайте, пишите на любых языках, одевайтесь на свой вкус, — сказал хозяин этого дома, — не забудьте, что вы в единой семье. Содержание ваше единое на веки веков. А хозяин-то — народ. Сам народ так решил. Но кто же народом управляет? Управляет его ум, мозг. А ум и мозг его — это наша партия — партия Ленина. Она руководит действиями, всей жизнью нашего общества.

В этой великой семье у каждого из нас есть собственная мать. Но у всех нас есть и общая мать — наша великая Родина. Все мы для нее одинаково родные, на каком бы языке мы ни говорили и как бы ни одевались. Для всех она добрая, но и к ошибкам строга. Она за заслуги похвалит, за ошибки накажет. Она умеет и прощать. Поэтому каждый из нас беспредельно любит нашу общую мать.

Но в семье-то, говорят, не без урода. Есть уроды и в нашей семье. И если эти уроды не поддаются лечению, отвергают, ненавидят всех нас и нашу общую мать-Родину, то мы отвергаем их, потому что они чужие для нас. И в нашем доме добротном нет места чужим.

Находятся еще у нас и такие личности, что заявляют:

«Эта республика моя и земля эта моя, а не ваша, уезжайте на свою землю, туда, откуда приехали». Тяжело, что есть такие.

И как было бы обидно любому из нас: чеченцу, ингушу, армянину и грузину, если бы среди русских нашелся человек, который бы сказал: «Езжайте отсюда в свою Чечено-Ингушетию, Армению, Грузию. Это моя Москва или Ленинград или какой другой город Советской России».

За каждый угол нашего общего дома каждый в ответе, он дорог каждому из нас. Защищая этот дом, все питомцы его не различали, где, в каком углу его очаг. Каждый за всех, все за одного — вот общее правило нашего дома.

В докладе приводилось много конкретных цифр. Например, до революции в Чечено-Ингушетии на сто жителей грамотных насчитывалось девять, а теперь из миллионного населения республики одна треть учится, а неграмотных нет вообще. На каждые десять тысяч жителей студентов у нас больше, чем в самых высокоразвитых странах капитализма. На все население республики раньше было всего лишь полсотни врачей. Сейчас их у нас больше, чем в Турции и Иране, вместе взятых. Это лишь несколько цифр. А их сотни и тысячи, и все они говорят о том, как вырос этот угол нашего общего дома. Его строили вместе с чеченцами и ингушами люди всех наций и народностей.

Кто-то из слушателей спросил докладчика:

— Вы хвалитесь укреплением и украшением именно своего уголка — Чечено-Ингушской республики. Вы ратуете и за дальнейший ее расцвет. Значит, вам она ближе всех других. Вернее, это даже не вопрос, а скорее упрек.

— Да, — ответил докладчик, — я действительно говорил о цифрах и фактах роста экономики и культуры именно Чечено-Ингушетии и ратую за ее дальнейшей расцвет. Ближе мне эта республика потому, что я здесь тружусь так же, как труженики всех других нацио-

нальностей. Но я знаю, что расцвет Чечено-Ингушетии достигнут благодаря общему расцвету всей нашей страны, а следовательно, всех республик, краев и областей. Ратую я за ее расцвет не в ущерб другим, а вместе с ними. Но дела каждого совершаются в определенном месте и на определенном участке. Поэтому я стремлюсь работать лучше, чем вы, например, но не в ущерб вам, а, наоборот, рад вашим успехам, если они даже больше моих. Я хочу, чтобы наша школа была лучше, чем другая в этом селе, не желая плохой работы той. Я буду радоваться ее успехам, если они будут даже выше наших. Я хочу, чтобы наш район был лучше других, хотя и не желаю худа другим. Я буду радоваться успехам другого района, если даже наш отстанет от него.

Сделав минутную паузу, он продолжил:

— Очень хочу, чтобы наша республика имела самые большие успехи, но не в ущерб другим. Вместе с этим меня не меньше радуют успехи любой другой республики, области и края, потому что в общем-то они тоже мои. Но было бы гнусно со стороны любого, если бы он добивался чего-то лучшего для коллектива, где он работает, района, республики, где он живет, в ущерб нашему общему дому или же какой-нибудь другой республике или области.

— Да, — вмешался Асиев, — становится больно, когда руководитель бахвалится, что он, вопреки всему и всем, всякими правдами и неправдами, добился строительства какого-нибудь объекта у нас в республике или в районе, хотя по справедливости оно было намечено в другом месте.

— Так это же тоже элемент местного национализма,— сказал кто-то.

— А если этот руководитель не чеченец и не ингуш?— спросил другой.

— Чувство местничества, — ответил Асиев, не глядя на него, — тоже не менее вредно в общем деле страны.

— В общем, — заключил докладчик, отвечая на упрек, — я говорил о том, что за большие успехи нашей республики мы боремся не как эгоисты и националисты, а как дети одной семьи, которым народ поручил определенный участок общего дома. Я ответствен за предмет, который преподаю в двух восьмых классах. Затем — за эти классы, затем — за школу в целом, за район, за республику и, наконец, за всю страну. Я отвечаю за преподавание моего предмета перед всей страной.

После докладчика поднялся руководитель семинара Асиев.

— В формах проявления пережитков религии, — сказал он, — есть свои особенности в каждой республике, области, я бы сказал, даже в каждом районе. Поэтому на нашем семинаре и стоит вопрос об особенностях проявления религиозных пережитков в республике, в районе и, следовательно, об особенностях атеистической работы с ними. А выскажется по этому вопросу Гапур Элбердович.

Гапур вышел к трибуне, разволновался, как ему свойственно, и минуты две читал, не отрываясь от написанного текста. Это были общеизвестные истины о необходимости «расширить», «углубить», «улучшить» работу по атеистическому воспитанию.

Руководитель семинара сидел, смотрел не на него, а куда-то в сторону и вроде бы одобрительно кивал головой, тихо стуча тупым концом карандаша о крышку столика. Но когда Гапур отложил написанный текст и стал говорить без бумажки, он повернулся к нему с еле заметной улыбкой. Голос Гапура, звучавший незвонко и монотонно, теперь будто окреп.

— Ввиду существующей здесь традиции преклоняться перед старшими, и особенно перед стариками, проповедники ислама хитро переплели религиозные обряды со многими народными обычаями и нравами. Настолько переплели, что даже некоторые представители националь-

ной интеллигенции очень робко еще рвут религиозные путы, как бы боясь нарушить национальные традиции...

Его внимательно слушали. Было видно, что большинству такой откровенный разговор понравился. Лишь где-то в середине комнаты изредка слышался чей-то неопределенный шепот — то ли одобрения, то ли порицания.

— И потому, — продолжал докладчик, — если мы хотим по-настоящему вести научно-атеистическую работу среди школьников и среди всего населения, то должны разобраться в самих себе, подготовлен ли каждый из нас к такой работе. Не сделаю открытия, если скажу, что не совсем еще четко понимающие свою роль учителя, даже еще не порвавшие с религиозными пережитками, хранящие их в своем быту как национальные традиции, к сожалению, есть и в нашем педагогическом коллективе.

— Кто? Назови конкретнее! — выкрикнул кто-то нервозно.

— Пусть называет! — повторил другой голос. — А то общие слова.

Гапур продолжал выступать, будто эти реплики его вовсе не касаются.

— Получается, что один он сознательный, а остальные — это так себе, — говорил все тот же голос.

Гапур обернулся к руководителю и спросил:

— Может быть, вопросы лучше задавать в конце?

Асиев утвердительно кивнул. Было видно, что и в зале согласились с этим.

Гапур говорил о целом ряде особенностей распространения религиозных пережитков среди учащихся и среди всего населения. Он приводил примеры, предлагал конкретные меры организации настоящей работы по борьбе с антирелигиозными пережитками и усилению научно-атеистического воспитания людей. Исчерпав время, отведенное ему для доклада, Гапур обратился к Асиеву:

— Теперь, если мне позволите, я назову конкретно

тех из нашего коллектива, кто под видом национальных традиций придерживается религиозных обрядов, — и, не дожидаясь ответа, тут же продолжил: — Вот вы, Макшарип Измайлович, старый учитель, на днях выдали свою дочь замуж. Скажите, под видом приданого для невесты сколько денег, то есть какой калым, взяли вы с родителей жениха?

— Я не просил их, — вспылил учитель, — мне их дали, вернее, их дали не мне, — стал он заикаться, — а ей, то есть чтобы она, точнее я, мы купили ей приданое.

— Сколько все-таки? — спросил уже руководитель семинара.

— Но я не знаю, — мялся тот, — это женщины взяли, это их дело.

— Да что это в конце концов? — возмутился другой учитель, сидящий рядом с ним. — Допрос это, что ли?

— Да, в самом деле, что ты вмешиваешься в мои семейные дела? — зло спросил Макшарип Измайлович и сел.

— Вот это и есть, — сказал Гапур, — один из тех, о ком я говорил. А такие большая помеха в нашей атеистической работе. Вот в прошлую субботу, — обратился Гапур к залу, — был религиозный праздник — окончание уразы. Верующие, прославляя этот день, высказывают друг другу пожелания, чтобы ураза, что держали они, была принята аллахом за вознаграждение на том свете. Это всем понятно.

— Так в чем же дело, кто этого не знает? — пытался иронизировать учитель, сидящий рядом с Макшарипом Измайловичем.

— Но дайте же человеку досказать, — не выдержала учительница, что приехала из Пензенской области и работала здесь первый год, — не все же это знают, а должны знать.

— Не обязательно вам это знать, — бросил тот в ее адрес, — это наше дело, а ваше дело предмет преподавать.

— Вы неправы, — снова поднялся директор школы, — каждый учитель, независимо от того, какой предмет он преподает и какой он национальности, должен знать эти вещи, чтобы суметь бороться с ними.

В зале воцарилась тишина.

— Вы это знаете, тем хуже для вас, — спокойно обратился Гапур к учителю, который был недоволен острым разговором.

— Вы так же, как и те верующие, обходили дома своих родственников и знакомых и, как они, произносили пожелания. Не один ваш ученик это слышал. Многие из них мне об этом говорят.

— Правильно, правильно, — одобрительно закивали головами несколько учителей в зале.

— Это национальная традиция! — пытался возражать тот.

— Нет, — ответил Гапур, — это религиозный обряд, освящающий один из реакционных пережитков — уразу, которая вредит не только здоровью, но и наносит моральный ущерб. Не поэтому ли отчасти, что вы так считаете, некоторые из учеников в тот день в школу не явились, а бегали по дворам, прославляя этот день и месяц уразы, гарцевали на лошадях, нацепив на палки белые флажки с эмблемой мусульманской религии. Это ли национальная традиция?! — вспылил Гапур, садясь на стул рядом с раскритикованным учителем.

Тот отодвинулся, будто боясь обжечься или испачкаться.

Асиев обобщил выступления, отметил, что борьба с религиозными пережитками требует терпения и выдержки, что процесс освобождения людей от религиозных воззрений долгий и поэтому поспешность в этом деле не менее вредна, чем пассивное созерцание.

В заключение он добавил, что основой основ для успешного преодоления религиозного мировоззрения и утверждения научного атеизма являются улучшение мате-

риального благосостояния людей, повышение их культурного и общеобразовательного уровня и, безусловно, патриотическое воспитание.

— А чего, — не выдержал Гапур, — этим двум учителям не хватает? Материальный уровень невысокий? Или образование низкое? Ведь они вот уже по двадцать лет учителями работают.

Асиев не ответил на реплику, закрыл семинар, дал Гапуру знак, чтобы он зашел к нему в кабинет.

Выходя из зала, учитель физики шепнул Гапуру:

— Ты хорошо выступил, правильно сказал некоторым в глаза. Так нужно делать всем. Нечего прикрывать лицемеров.

Долго еще беседовали Асиев с Гапуром. Директор одобрил его доклад, советовал и впредь так выступать, но не горячиться. Однако он усомнился в необходимости говорить публично о недостатках своих коллег.

— Не согласен с вами, — вспылил Гапур. — Нужно против таких говорить еще резче. Что это за учителя! Позор! Советская школа строит учебно-воспитательный процесс на основе материалистической теории, научного мировоззрения и социалистической идеологии. Поэтому ее учитель не может, не имеет права быть религиозным, хотя бы даже формально. Любой человек имеет право быть религиозным, но учитель — нет. Если он религиозный, тогда пусть уходит из школы — коммунистическое воспитание и религиозные предрассудки вещи несовместимые. Пусть он пользуется своим правом на свободу вероисповедания вне нашей советской школы.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Было уже одиннадцать ночи. Шел мелкий холодный осенний дождь. На немощеной улице грязно. Липкая глина с трудом отпускала ноги Гапура, иногда

оставляя в своем плену калоши, надетые на хромовые сапоги. Было темно. Только где-то в стороне тусклая лампочка освещала небольшой магазинчик. Гапур шел медленно, перебирая и мысленно анализируя все, чем занимался за день, и думая о том, что предстоит сделать завтра. За последнее время он впервые не согласился с мнением Асиева.

«И все же я прав», — думал он.

Это не было упрямством. Всем сердцем настроенный против того, что мешает в жизни, он считал, что нельзя осторожничать в критике тех, кто по своему общественному положению должен вести борьбу с пережитками прошлого, а на деле поддерживает их.

Гапур не был высокомерен, не ограничивался тем, что знает, внимательно выслушивал добрые советы старших коллег. Отличался он от многих, даже хороших преподавателей тем, что высоко было его представление о роли учителя как в школе, так и во всей общественной жизни села и района. Ему казалось, что учитель в ответе за все, что делается людьми.

Вдруг Гапур услышал шепот. Из-за толстого тополя около самой дороги навстречу ему вышли двое. Бледные лучи далекой электрической лампочки очертили только высокие тени.

— Ты что, учить нас приехал? Тебе в своем районе нет земли для могилы? — услышал он голос, и над головой его блеснул сверкающий предмет. Гапур отскочил в сторону и сильным ударом сбил нападающего с ног. Второй поднял приятеля, и они кинулись прочь от дороги.

Гапур не сказал хозяину о случившемся. Не хотелось его огорчать. Ведь по местным хорошим обычаям, обида гостя — позор для хозяина. Долго он не мог уснуть. Оскорбленное самолюбие отгоняло сон и покой. Было обидно за такой «сюрприз».

Утро принесло некоторое облегчение.

«Из-за куста, ночью нападают нечестные люди, скрывающие свои планы и действия от большинства, потому что они неправы. Если этим нечестным личностям я не по нутру, значит, я на правильном пути. Буду действовать еще активнее. Но почему же так слабо ведется в районе всеобщая борьба с пережитками прошлого, коль о их вреде говорят многие и в райкоме, и на семинарах, и на собраниях?» — этот вопрос все чаще задавал себе Гапур.

Позже выяснилось, что в руководстве получились разногласия при обсуждении мероприятий по усилению этой борьбы. Некоторые работники, как гриппом, заразились ложным понятием, что руководители не должны открыто выступать перед населением на антирелигиозные темы. А о тех, кто пытался вбить клин в единство и братство всех трудящихся района, почему-то считали тоже лучше не говорить открыто.

Наступил небольшой период затишья в антирелигиозной работе. Только в тех коллективах, где были люди, глубоко убежденные, с истинно научным мировоззрением, продолжалась работа по атеистическому воспитанию. А в целом вся эта работа представляла собой картину темной ночи в степи, где в разных местах сверкают светлячки.

И в этот период стали активизироваться собравшиеся вновь в район муллы, руководители различных сект, другие религиозные активисты, которых война разбросала на несколько лет. В селах заново стали возрождаться те же секты. Из нелегальных пропагандистов религиозной морали они уже превратились в наступающих. Вновь появились те же третейские шариатские суды кхел. Создалась уже особая каста тех, кто приобрел «искусство» в работе кхел, росла их ложная популярность среди части населения. Кхел начали нелегально соперничать с народными судами...

ЗЛОДЕЙСТВО КХЕЛ

Ранним утром к дому родственников Абайдулы подъехали на арбе двое — Мухти и еще один мужчина. Они собирались стать посредниками между родственниками Баадула и Абайдулы.

После приветствий гостей пригласили в комнату. Закончились традиционные вопросы о здоровье.

— Мы долго не задержимся. Поэтому нет смысла готовить еду, — предупредили гости.

— Как таких дорогих гостей, в первый раз посетивших мой дом, я отпущу, не угостив тем, чем богат по воле аллаха? Сейчас быстро все приготовят, — уговаривал хозяин.

— Нас прислал к вам, — с расстановкой начал Мухти, ударяя при этом длинным посохом, украшенным золотистыми кругами, о деревянный пол, — ближайший родственник Баадула по отцу. В эту минуту он сидит у меня дома и ждет нас.

Другой посланец кивал головой и не то чертил палкой на полу какие-то знаки, не то гонял соринку туда и обратно.

Мухти для важности кашлянул, высморкался, достав из кармана большой батистовый платок. В комнате распространился запах дорогих духов. Затем он уселся поудобнее, положив ногу на ногу, поднял нависшую над мохнатыми бровями папаху из каракуля сине-голубого цвета и продолжил:

— Он получил известие о том, что его ближайший родственник Баадул, арестованный по доносу твоего близкого родственника Абайдулы, в колонии умер.

Наступила пауза. Хозяин опустил голову, подпер ее обеими руками и так просидел несколько минут.

Кто-то из любопытных, вероятно, подслушивавший у чуть приоткрытой двери, быстро удалился, в коридорчике затопало несколько пар ног.

Хозяин дома, словно обжегшись горячим бульоном от жирной баранины, вздрогнул, выпрямился и уставился на гостя.

— Мухти, — сказал он, — Абайдула мне не родной брат и даже не двоюродный. В те годы, будучи там, — указал он назад, за плечо, — со мной не жил. Я, как всем известно, жил совсем в другом районе. А сейчас судьбе было угодно свести нас с ним в этом селе. Я приютил его у себя... Просто от людей неудобно. Фамилия-то одна. Толку от него, сами знаете, ни мне, ни другому. Но работу, какую ему дадут, он выполняет. Здесь он будет копаться как червь. Другими словами, пастух он. На днях мы решили избавиться от него — женить его на такой же работящей, как он сам, и куда-нибудь отправить от себя. Может, совхоз какую конурку выделил бы.

Хозяин был тоже из тех, кто пресыщен нетрудовыми доходами. Он свысока смотрел на честных тружеников и даже не скрывал чувства своего превосходства над многими. Считался он только с такими влиятельными людьми, как Мухти и другие, о которых в определенных кругах говорили как о настоящих мужчинах — ведь они все могут делать, обходя законы, им все сходит с рук, потому что их родственники на важных постах.

— Передай Абдуле, родственнику Баадула, — продолжал хозяин, — что я здесь непричастен. Без меня все это происходило и без меня должно завершиться. Абайдула там, в тракторной бригаде, и пусть говорит он с ним о своих делах.

Мухти ехидно улыбнулся:

— Абайдула — слишком маленькая плата за такого человека, как Баадул. Абдула сказал, что он не посчитает себя отомстившим, если убить только Абайдулу.

— Он на сына твоего имеет виды, — выпалил другой посланец.

— На сына?! — подскочил хозяин. — В таком случае скажи Абдуле, чтобы он готовил свое оружие. Я его не боюсь. И больше у меня с ним нет никаких дел. И знать я его не хочу.

Мухти вновь распространил в комнате острый запах духов, достав из кармана белый платок. Он потер им шею под воротом гимнастерки из дорогой коричневой шерсти и затем вложил его в карман широких галифе. Взяв в правую руку серебряный конец кавказского ремня, которым был подпоясан, и покрутив его, он сказал хозяину важно и спокойно:

— Не горячись. Быстро текущий ручеек, говорили наши предки, до моря не доходит. Ты подумай хорошо. А мы с ним посоветуемся и узнаем, за какую сумму он готов простить вам кровь Баадула.

— Ни одной копейки не получите, — послышался голос из коридора, и в комнату, ко всеобщему удивлению, вошел сам Абайдула. Он вернулся из ночной смены и слышал почти весь их разговор. — Я был бы рад, — продолжал он, — если бы там и Абас умер. Еще больше бы я радовался, если бы умер и ты, Мухти. Ты всю жизнь был обманщиком. Я только недавно узнал, что ты и пенсию стал обманом получать. Скоро я и тебя пошлю туда, куда послал Баадула и Абаса. Дай бог, чтобы ты оттуда не вернулся.

Все оцепенели. Абайдула повернулся к хозяину.

— Я тебе не родственник? Тогда зачем ты получил на меня тринадцать тысяч ссуды и построил себе вот такие хоромы? Значит, ты меня собираешься выгонять! Значит, ты хочешь, чтобы меня убили!

Крупные капли слез покатились из его глаз, оставляя следы на пыльных щеках. Он повернулся, тихо прикрыл за собой дверь и ушел, накинув на плечи старую телогрейку. Никто его не остановил. Вскоре он скрылся за высокими деревянными воротами, украшенными петухами и полумесяцем.

А здесь в комнате прозвучали слова, которые и решили судьбу Абайдулы.

— Да, — сказал Мухти хозяину протяжно, — вижу я, не виновен ты здесь совсем. Абайдула к тебе не имеет никакого отношения. Он тебя не слушается. Он тебе чужой.

— Это гяур, — хмурил Мухти брови через полчаса у себя дома перед Абдулой. Абдула рассчитывал сорвать большой куш на этом деле и был недоволен результатами переговоров, которые принесли ему тамада мюридов и признанный в кругах член кхел.

— Эх! Баадул, Баадул, кровь твоя праведная, обращается душа твоя к родственникам, взывая о мести за себя, — Мухти вытер платком глаза, делая вид, что из них текут слезы, понизил голос, словно плачущий. — Гяур! — показал он указательным пальцем через окно на поле. — Там этот безбожник Абайдула, безродная свинья!

— Я поехал, — решительно поднялся Абдула. В глазах его засверкали желто-зеленые огоньки ненависти.

Мухти показалось мало и этого заряда Абдуле:

— Он сегодня или завтра собирается донести властям и о том, что ты послал нас предъявить кровную месть. А это знаешь, чем пахнет.

Проводив гостя, Мухти крикнул:

— Эй!

Сразу подбежали несколько женщин и два парня, чуть ли не толкая друг друга, ухватились за его протянутую ногу. Чести снять сапоги удостоилась невестка младшего сына. Затем Мухти со вкусом выпил стакан свежезаваренного крепкого чая, сняв со стены четки, прилег на высокую подушку и, шевеля губами, стал отсчитывать черные бусинки...

Тем временем Абайдула лежал в вагончике тракторной бригады, подстелив под взлохмаченную голову свою телогрейку, и задумчиво глядел в потолок, будто видел там нерадостную картину своей жизни. Он то хмурился, крепко сжав кулаки и стиснув зубы, то вдруг улыбался, широко раскрыв глаза и моргая длинными черными ресницами. Детство, какое бы оно ни было, всегда представляется в розовом цвете. Вспомнил он себя девятилетним мальчиком, еще до войны. Как он радовался, когда отец брал его с собой и они на арбе ехали на мельницу, и за свежим сеном, и за дровами. Он разрешал сыну управлять лошадью. Случалось даже, что, оставаясь рубить лес, отец отпускал Абайдулу одного на нагруженной дровами арбе. Мать бывала на седьмом небе. «Скоро вырастет кормилец, да он и сейчас свою мать может обеспечить», — говорила она соседям. Учился Абайдула в первом классе отлично. «Способный», — утверждали учителя. Когда черная туча войны заволокла небо нашей страны, отца призвали на фронт, а через год мать получила весть о его гибели. Когда война подкатилась к самой сакле Абайдулы, ему было уже около двенадцати лет. Он стал настоящим помощником матери по хозяйству, четыре класса закончил. Писал невесть куда письма отцу. Мать скрыла от него похоронку, и он не знал о его смерти. Немцы превратили их родное село в полуразвалины. Большинство жителей покинули его и ушли в лес. Лишь несколько семей не бросили домов, остались на свой риск у родных очагов. Среди них были и Абайдула с матерью. Говорят, что несчастье не всегда чередуется со счастьем. Иногда оно тянет за собой другое несчастье. Так Абайдула, лишившись отца, потерял и мать. Она погибла от осколка вражеского снаряда, который угодил прямо во двор...

Война разбросала людей во все концы страны. Абайдула с одинокой соседкой-старушкой очутился в Сибири. После смерти старой попечительницы его поместили в

детский дом. Он снова сел за парту, жизнь начала налаживаться. Но через два года двоюродные братья отца разыскали его и увезли к себе. Однако ненадолго хватило их доброты. Вскоре начались намеки: четырнадцатилетнему уже пора самому себя обеспечивать, мужчиной становятся именно с этого возраста. Намеки превратились в упреки: вот сидит лентяй на чужой шее. Бросил Абайдула школу, пошел работать пастухом. Ночью пас быков, а днем отдыхал, что-то делал на полевом стане бригады. Так было весной, летом и до глубокой осени. Его даже стали называть бригадным сыном. В суровые зимы юноше приходилось возвращаться к двоюродному дяде. Но ни помощь в хозяйстве, ни скромное поведение не смогли приблизить его к чужой семье.

Насмешки, постоянные обиды, наносимые то одним, то другим, заставили его броситься на поиски родственников матери, которых он знал добрыми и ласковыми к нему.

Безуспешными были поиски. Вновь он оказался у родственников отца, только в другом районе, в том самом Зандаре, где он и вырос почти в бригаде, работая там и прицепщиком на пахоте, и загребальщиком сена на косовице, и возчиком зерна на уборке, и пастухом на зимних пастбищах.

Наконец приобрел он полюбившуюся ему специальность механизатора и стал работать на тракторе. Трудился он без устали, не боялся ни зноя, ни холода, всегда был довольным. Он редко когда сердился на кого-нибудь. Лишь немногие не были его друзьями, ведь он никому не делал зла. Он всегда был наивно правдив. Его правда, которую хотя и принимали в селе за простые шутки, все же не была безопасна для темных личностей. Его правда разоблачила тунеядца и спекулянта, лицемера и обманщика Баадула, злостного нарушителя всяких морально-бытовых устоев и такого же спекулянта Абаса. И эта нехитрая правда в обстановке разгула

вновь воскресших самых реакционных пережитков прошлого: кровной мести, круговой поруки и многих других — оказалась причиной его трагедии.

— Магомет, а Магомет, — обратился он к бригадиру тракторной бригады, — я хочу жить один. Пусть мне директор дает комнату.

— Почему один? — отшутился тот. — Мы женим тебя. Соберем деньги на калым и женим.

— А... — махнул рукой Абайдула. — Ты лучше скажи директору про комнату.

— А дядя твой не обидится на тебя?

— Нет, — ответил он, — ему сейчас нельзя, чтобы я жил у него. Его убить хотят за меня.

— За что?

— А... — снова махнул он рукой. — Тебе не надо это знать.

— Но за что же? — уже серьезно стал спрашивать бригадир.

Абайдула молча направился к двери вагончика — пора идти в поле, к трактору, который оставил там сменщик после дневной пахоты. Абайдуле предстояло проверить готовность машины и работать в ночной смене.

— Постой! — задержал его бригадир. — Скажи, за что?

— Там, давно уже, в Казахстане, я сказал, что Баадул и Абас спекулянты. Их посадили. Баадул умер в тюрьме. Абас вернулся. Родственник Баадула приехал к дяде, говорит, что убьют его сына за это.

Рассказывая, Абайдула смотрел куда-то в сторону, будто вспоминал что-то далекое, безрадостное.

— А почему его сына? — спросил вдруг бригадир.— Он-то в чем виноват?

Абайдула сжал пальцы так, что послышался треск суставов. Видно было, что он еще больше заволновался. Губы искривились в холодной улыбке:

— Говорят, что я глупый человек, Баадул был умный, сын дяди тоже умный. Поэтому надо его убить...

А там, в другом селе, в десяти километрах отсюда вершился суд по заранее определенному Мухти и Абдулой приговору.

— Убить самого гяура! — вот нехитрое решение родственников Баадула.

— Жить невозможно из-за чужих упреков, что не отомщена кровь брата, — уже который раз говорили несколько собратьев умершего по фамилии. Все эти упреки, намеки стекались в дом Абдулы, в котором готовился заговор против работающего сегодня в ночной смене Абайдулы.

Разведки не требовалось. Она была проведена еще до обеда.

Мнимая угроза со стороны Абайдулы, который, по утверждению Мухти, завтра же собирается ехать в Грозный и заявить об объявлении ему кровной мести, ускоряла исполнение приговора.

— Это сделаю я сам! — подзадоривал Абдула не столько своего сына, сколько молодых племянников, собравшихся здесь сегодня по его срочному вызову. Ведь речь шла, как он важно сообщил в первую же минуту, не о чести его собственной семьи, а о чести всей фамилии.

— Там, в других районах,— говорил он, зло и решительно размахивая то одной, то другой рукой, — где люди наши жили разобщенно, не так этот позор чувствовался. Сейчас же все знают об этом, все говорят, смеются, что нет среди нас мужчин, чтобы за кровь брата отомстить. Многие намекают, что был бы у Баадула сын или родной брат, не была бы его кровь потеряна.

— До тебя здесь есть несколько молодых, — отозвался один.

— Ты старший в нашем роду, тебе решать, кому это сделать, — сказал другой более спокойно.

— Что решать? Я это сделаю! — вышел в круг Байал — мужчина лет сорока. — Нет у Баадула никого ближе меня. Все вы знаете, что наши отцы были родными братьями.

— Если бы это было так, — процедил зло старик Абдула, — не тянулось бы это до сих пор.

Алчность привела сегодня Абдулу к Мухти. Деньги «виновных» могли бы успокоить взывающую к небу за отмщением «праведную» кровь Баадула. Люди бы не упрекали никого из их рода, если бы пять тысяч денег перекочевали от родни Абайдулы в карман Абдулы — старшего из рода погибшего. Достойная была бы месть. Абдула смог бы утихомирить всех и даже того, кого сегодня упрекнул за нерешительность в мести!

Но неудовлетворенная алчность и трусость сейчас стряпали коварнейшее злодейство.

— Никто не должен делать это раньше меня, — еще решительнее заявил Байал и вышел из комнаты.

Воцарилась тишина. Старик Абдула сидел на кровати, поджав под себя ноги. Быстро бегающие, небольшие глаза, покрасневшие веки, на которых не видны были ресницы, тоненькие седые бровки, узкий лоб, длинный, загнутый вниз тонкий нос и вытянутая шея делали его похожим на коршуна, высматривающего добычу. Хитрый и коварный злодей. На его счету много злых дел. Но он их ловко прячет от людских глаз под личиной фанатичной веры и постоянной дружбы с такими влиятельными в бытовых делах мужчинами, как Мухти. Его тело — вместилище зла для многих честных людей — не знало справедливого возмездия за это. Он еще не вкушал сам плоды своего зла, а кормил ими других.

Кто-то въехал во двор на мотоцикле, прошел по длинному коридору. Нет, не чужой. Это он, Байал, вернулся с оружием в кармане, став сам оружием в руках злодея.

Старик понял все без дополнительных расспросов.

— Может, кого с собой возьмешь? — спросил он.

— Мне никто не нужен, — последовал решительный ответ.

— Оружие надежно?

— Да.

Старик стал объяснять, где поле, на котором работает Абайдула. Многие из присутствующих знали это место. Конец поля примыкал к бригаде их совхоза, где не раз бывал Байал и днем и ночью — ездил воровать кукурузу.

— А нет ли с ним прицепщика? Ведь если их двое, дело может сорваться. Я поеду тоже.

Старик посмотрел и оживился. Это говорил Хаматхан — родственник, выросший среди них без отца. У матери он был один, и потому все из их фамилии дразнили его маменькиным сынком и даже между собой называли его не сыном такого-то, а сыном такой-то. Это считалось оскорбительным. Что сделаешь? На всех невозможно обижаться. Но при удобном случае он пытался выделиться, угодить, чтобы о нем подумали как о достойном парне в этой фамилии.

— Да, — сказал Абдула, — езжай ты с ним. Мало ли что может и с мотоциклом случиться. Вдвоем лучше...

Абайдула не знал, что ждет его в эту ночь. Он ехал, оставляя за собой черный пласт земли, которая дает людям жизнь, радость. Он ехал и слегка дремал под монотонное гудение нового трактора. Как сквозь дымку он видел себя живущим отдельно в своей комнате, женатым. Хозяин он сам. С ним кто-то дома считается, уважает и даже в бригаду ему приносят, как другим, горячую пищу.

На краю загона он поднимал голову и руки протягивались к рычагу, автоматически поднимающему плуг.

«Что это Магомет ночью приехал? — подумал он, увидев на краю загона мотоцикл. — Может быть, радость мне привез? Может, дали мне комнату?»

На секунду он вновь представил себя в своей комнате.

Остановив трактор, Абайдула спрыгнул на землю и медленно пошел к человеку, который нагнулся над мотоциклом.

«А, там еще кто-то в коляске мотоцикла, наверное, агроном», — решил Абайдула, с улыбкой приближаясь к людям, которые привезли ему смерть.

Он подошел к ним почти вплотную. Человек резко повернулся к Абайдуле и что-то прошептал. Это были слова молитвы, слова заклинания, чтобы кровь Абайдулы очистила душу Баадула, взывающую к мести.

Абайдула вздрогнул, увидев пистолет в руках человека, который, как ему казалось, должен был привезти ему радость.

Ветерок, будто нарочно, чтобы показать луне это коварное злодейство или же чтобы Абайдула последний раз взглянул на этот свет, отогнал тучу. Раздались выстрелы. Один, второй, третий. Абайдула медленно, как будто на отдых, опустился на колени в борозду, проложенную им самим, и рухнул лицом вниз.

Убийца был расчетлив. Он не растерялся. Спокойно сел за рычаги трактора, включил скорость, дал газ и, медленно отпуская муфту сцепления, высунулся из кабины. На жертву, придавленную гусеницей и колесом плуга, первый лемех положил жирный пласт черной земли. Развернув трактор в обратную сторону, убийца спрыгнул с него и поспешил к мотоциклу, где его соучастник уже держал газ наготове.

Молча вошли они в комнату, где никто еще не расходился.

— Что? — приподнялся навстречу старик, чуть откинув назад голову и поставив руки на пояс. — Удачно?

— Все как нужно, — сказал Байал, зачем-то вытащив из одного кармана пистолет ТТ и переложив его в другой.

— Хорошо проверили? Насмерть? — зачастил старик.

— Даже запахал, — ответил тот дрожащим голосом.

— Где мотоцикл? — вдруг в замешательстве подбежал старик к окну. — Немедленно убери, немедленно заметите двор, водой полейте и двор и улицу у ворот, сейчас же убери мотоцикл! — кричал он в неистовстве.

Все забились в кучу, не понимая ничего.

— Я, я...—начал было заикаться Байал, но старик не дал ему и опомниться.

— Сейчас же уезжай, убери мотоцикл, — закричал он. — Поставь его вот к ним, — и указал на Хаматхана, втянутого в это злодейство.

— Я к себе отведу мотоцикл сам, — спохватился юноша.

Байал широко раскрытыми глазами посмотрел на старика, затем понимающе кивнул головой.

— Клянусь, — сказал он, обняв Хаматхана за плечи, — лучшего парня ни одна мать не рожала. Товарищ что надо. Вместо тысячи других мужчин взял бы его с собой на любое опасное дело. Даже перед смертью он не моргнет. Я сам, чего скрывать, немного струсил после убийства. А он как герой. Если бы не он, я бы ничего не сделал, — с этими словами Байал вытащил из кармана пистолет и протянул ему.— Пусть он будет твой, достойнее тебя нет никого, чтобы носить любое оружие.

— Да, — сказал старик, погладив Хаматхана по голове. — И отец его был бесстрашный человек. Он готов был умереть за любого из нашей фамилии. Клянусь создателем земель и небес, чтобы любой из нашей фамилии не потерял даже мизинчика, он готов был сам идти на смерть.

— Клянусь могилой наших предков, — сказал горячо Байал, — и Хаматхан такой.

— Что в нем толкового, — продолжил старик, садясь на кровать, — так это, что он матери не слушается. Мать есть женщина. Я сам никогда правды не говорил и ниче-

го не давал знать своей матери. Все говорил наоборот. А сейчас быстро отгони к себе мотоцикл и без всяких разговоров с матерью ложись спать. Пистолет спрячь куда-нибудь в свою подушку или матрац. Завтра, как проснешься, никому не показываясь, приходи в тот яр, что недалеко от вашего дома. Я буду тебя ждать там.

— А мотоцикл? — спросил Хаматхан.

— Мотоцикл пусть несколько дней побудет у тебя. Если хочешь, то можешь понемногу и кататься на нем...

— Погубили меня! Погубили моего единственного! — рыдала средних лет женщина, вырывая из головы клочья седых волос. — О люди, за что меня погубили, — бросалась она к двери, откуда выходили мужчины в высоких папахах и несколько женщин, вытиравших концами темных платков слезящиеся глаза. Ее отвели, силой усадили в грузовой автомобиль, затем взобрались туда сами и уехали.

Бледный и худенький, с наголо остриженной головой, в наручниках шел к машине юноша. Его вели два солдата с автоматами.

Машина с осужденным ушла, оставив за собой клубы серой пыли.

Люди еще долго не расходились. Там и здесь стояли они маленькими группами и делились впечатлениями.

— Господи, — говорила женщина, что работает в суде уборщицей, — какой еще молоденький. Мой сын в таком возрасте даже курицу резать боялся. А этот, видели как, застрелил человека ни за что, да еще нагло смотрел на всех, будто подвиг совершил.

— Воспитание... — сказал мужчина средних лет. — В отдельных семьях с детства учат этому.

— Валлаги-биллаги, — широко улыбался Мухти, показывая два ряда золотых зубов, запрокинув голову в высокой серой папахе, из-под которой виднелся край мюридской тюбетейки. Он распахнул полы серого китайско-

го макинтоша, зацепил большими пальцами рук пояс с серебряными украшениями. — Этот парень глазом не моргнул, когда ему объявили расстрел. Молодец он!

— Сказано в коране... думаю я, — поднял голову Юсуп-мулла, стоявший тут рядом, — каковы, аллах, твои тайны! Ведь этого парня и знать не знал покойный Баадул, да благословит его аллах в рай, а посмотри, отомстил он за его кровь.

— Баадула аллах благословит в рай, — пробасил высокий и тучный Абас. — Его кровь отомщена. Дай бог каждому из нас таких сыновей, как этот, которого сегодня судили.

— Чем сотни живых, лучше иметь одного такого, хотя и мертвого, — сказал Абас. Недалеко стояли его два сына, примерно такого же возраста, как и осужденный.

Все слушали внимательно.

Мулла поднял палец к небу:

— Тот умен и счастлив, кто, не считаясь с этой дольной жизнью, стоит на страже своей чести, чести своей семьи, фамилии своей.

Все закивали головами в знак согласия:

— О аллах! Велики твои тайны.

— Пусть вам, вашей фамилии, —обратился Юсуп-мулла к Абдуле, — этот юноша, я не уловил его имя, будет в награду на том свете. Пусть заберет он сегодня все настоящие и будущие беды и печали ваши.

— Хаматханом его звали,— сказал Абдула, — спасибо и вам всем, что пришли сегодня на мое несчастье.

Мухти вытащил из нагрудного кармана гимнастерки большие золотые часы, висящие на черной тесьме с позолотой, посмотрел на них, отведя от себя на вытянутую руку и щурясь:

— По-моему, пора на обеденную молитву.

Мужчин десять отправились туда, где должны были сегодня, в пятницу, для моления собраться истинно веру-

ющие мусульмане, которые имели авторитет и вес. Это такие же, как Мухти, Юсуп-мулла, Абдула, Абас и другие.

Они шли туда, где без ведома местных органов открыли что-то наподобие мечети, в которой не столько молились, сколько обсуждали земные дела, такие, как у Абаса, тоже пострадавшего от рода Абайдулы. Он обязан узнать, сколько должны ему заплатить родственники «виновного» за то, что он отсидел в колонии.

— Абдула за свое рассчитался с ними, — сказал Абас, — а за себя я сам рассчитаюсь. То, что положено, до гроша заберу, если весь род их не исчезнет с лица земли...

КАК ЕЩЕ СОЗДАЕТСЯ АВТОРИТЕТ МРАКОБЕСА

В клубе проходило собрание районного актива. Выступал здесь новый областной руководитель Киясов.

— Я спрашиваю, — стучал он кулаком по трибуне,— когда будет покончено с безобразиями? До каких пор будут религиозники в районе? Почему актив не выступает?

— Вот это дает, — говорили некоторые в зале.

— Да, — качали головами другие.

— Почему воруют кукурузу? Почему в частных хозяйствах держат лошадей?

И еще десять, сто «почему» из разных сторон жизни, независимо от повестки дня, гвоздил Киясов в полный людьми зал.

Никто из выступающих не ответил ни на одно «почему». Они заверяли «настоящее собрание районного актива», что в течение короткого времени ликвидируют всех лошадей, уберут без потерь весь урожай кукурузы, все сделают в честь приезда его в этот район. Некоторые, «воодушевленные» приездом нового начальства и таким

ярким выступлением, кроме всего того, что перечисляли другие, обещали ликвидировать и мулл...

Этой речью был «воодушевлен» даже председатель сельсовета из того села, где живет Адам. Он Адаму в тот же день передал ее содержание.

— А как же вы? — улыбнулся Адам. — Вы ведь тоже мулла.

— Да не обо мне он говорил, — сказал тот, зло махнув рукой. — Я работаю, не ворую, не устраиваю всяких кхел-мел. Он говорил о тех, что целыми днями ходят по улицам в длинных балахонах, с четками в одной руке и палками в другой.

— Тогда понятно, — иронизировал Адам, — у вас четки в кармане, палки не носите, одежду одеваете современную. О вас, видимо, и речи нет.

...После заседания Киясова окружили земляки. Он ведь из этого района родом.

— Салам алейкум, Мурад, — протискиваясь через плотный круг, каждый пытался пожать ему руку и показать свое почтение.

— Ва алейкум салам, — отвечал тот.

Каждый, хотя и слышал ответ начальника предыдущему земляку на вопрос о здоровье, все же спрашивал самостоятельно. В свою очередь начальник тоже не оставался в долгу — он спрашивал о том же и у них.

— Ассалам алейкум, — обнял его Мухти, подойдя внезапно.

Многие отступили в знак уважения к столь известному старцу. Усман, конечно, вообще скрылся от деда своей невесты. Это в знак глубочайшего почтения к нему.

— Ва алейкум салам, — ответил Киясов и тоже обнял его. — Ты совсем помолодел, Мухти, — сказал он, оглядывая его с ног до головы. — Только вот палку зря таскаешь, а то девушка замуж за тебя не пойдет.

— Так, — сказал Мухти, сделав серьезное лицо, нахмурив брови, — сейчас уже вечер. Хозяйка знает, что ты

сегодня должен сюда приехать. Сейчас мы едем к нам, а то будет скандал. Житья мне старая ведьма не даст.

Вместе с ним были приглашены на ужин и районные руководители более высоких чинов. За обильным столом шел веселый и громкий разговор. Киясов и Мухти делились воспоминаниями. Все остальные благоговейно смотрели на них. Некоторые даже слезы умиления платочками вытирали.

— Да, — многозначительно сказал Киясов, — нелегко там было руководить. Крупнейший партком возглавлял я. Ни один из здешних людей не пользовался таким огромным доверием, как я. Скажи, что не так, — толкнул он Мухти.

— Валлаги-биллаги, так, — ответил тот, покачав головой.

— А атеистическая работа как была поставлена? А вечера какие проводили? Помнишь, Мухти, ты мне помогал провести один очень сложный вечер. Антирелигиозный он был.

— Не говори, — отвечал Мухти с гордостью.

— Вот на таких активистов нужно вам в своей работе опираться, — сказал Киясов районному руководителю, указав на Мухти. — Во всех делах я опирался на него, сильный активист, дай бог ему здоровья.

— Да, — будто скромничал Мухти, — здоровье-то пока бог дает. С радостью я буду помогать руководству своего района.

Тост поднимался за тостом. Дважды пожелали Мухти всякого благополучия и в семейных делах и в общественных.

За столом поговорили о тех больших задачах, что стоят перед районом. Еще и еще заверяли Киясова, что не подведут, сделают район образцовым. Тот в свою очередь обещал помогать во всем и разрешил районному начальству по любым вопросам обращаться к нему.

Все вышли, преисполненные чувства местного патриотизма, уважения к земляку-начальнику, готовому помочь им во всем.

Проводив высокого гостя, они еще долго не расходились. Теперь уже в центре внимания был Мухти — близкий друг Киясова. Немало вреда принес мракобес Мухти своему селу и району. Пользуясь знакомством с Киясовым, он активно пытался влиять на дела в районе. Сколько дел, посредничая, он запутал! Этого никто еще не считал...

НЕОПРАВДАВШАЯСЯ НАДЕЖДА

...Наконец собралась в райкоме группа людей, которой было поручено изучить состояние антирелигиозной пропаганды и внести предложения. Здесь на этот раз присутствовали два новых товарища, которые занимали главенствующее положение. Гапур догадался, что это новые руководители: первый секретарь райкома партии Саваров и председатель райисполкома Иналуков. Он знал из газеты, что руководство поменялось, но видел их впервые. Где-то в глубине души у него потеплело от чувства надежды, что они наконец-то покончат с недооценкой этой работы среди людей.

«Да, — думал он, сегодня будет полезный разговор. Теперь нагрузка увеличится и на учителей. Вовлекут в активную работу среди населения. Но зато толк будет. Оба руководителя местные. Видимо, хорошо знают здешние особенности, — продолжал думать Гапур, исподтишка поглядывая на них. — Сегодняшняя встреча с пропагандистами научного атеизма — это несомненно их инициатива».

С обобщенными предложениями и мероприятиями по улучшению антирелигиозной работы собравшихся ознакомил секретарь райкома Алиев, ведающий вопросами идеологии.

В мероприятиях были учтены все предложения, которые так тщательно разработали Гапур и Асиев вместе с некоторыми другими учителями. В мгновение Гапур представил хорошо налаженную систему атеистического воспитания.

«Конечно, — думал он, — никакая система не даст результатов тут же, немедленно. Но сегодня будет видно, что ею охвачены все стороны жизни».

После Алиева о мероприятиях решил сказать сам первый секретарь райкома.

«Видимо, куда-то по чрезвычайно важным делам торопится, — подумал Гапур. — Сейчас он сделает некоторые замечания, даст целый свод ценнейших предложений и, оставив нас для раздумья над ними, уедет, а потом, наверно, вернется, послушает нас, возможно каждого, и своим веским словом закрепит эти мероприятия еще до бюро, которое официально должно утвердить их и сделать обязательными».

— Эти мероприятия, — начал Саваров на русском языке, проглатывая целые слоги, — ничего не дадут ни животноводству, ни полеводству. Молла-чолла потом успеем гнать. Сейчас наша задача собрать кукурузу, заготовить корма. Лекции, конечно, надо читать больше. Надо читать на разные темы. Все темы для нас важны. Воспитывать людей нужно.

Он говорил так быстро, что трудно было различить и понять смысл даже тех слов, которые оставались неотгрызанными. Акцент его был необычен. Лучше получалось у него на ингушском языке.

Гапур не сразу сообразил, что происходит. Но когда руководитель, слегка похлопав по плечу Алиева, сказав ему ласково: «Давай-давай, ты тоже занимайся делом поконкретнее, а мы поехали на поле, на ферму», вышел вместе с председателем райисполкома и уехал, Гапур все понял.

Алиев чувствовал себя неловко перед товарищами за

то, что так случилось. Он сидел несколько минут, задумавшись, затем встал и сказал:

— Мероприятия охватывают основной круг вопросов. Не ожидая решения бюро райкома, мы размножим план и дадим всем, кто этим непосредственно должен заниматься.

— А какое вы имеете право это делать, — спросил Усман, важно облокотившись на стол и в упор взглянув на Алиева, — если первый секретарь райкома сделал нам серьезное замечание и сказал, что сейчас нужно заниматься делами более важными, чем эти?

— Мы и занимаемся делами важными и конкретными, — сказал Алиев, покраснев.

— Товарищ Алиев, — продолжал Усман, напустив на себя важный вид, — вопрос о национальных чувствах — это не рядовой вопрос, и вы должны понимать, что имеете дело именно с национальными чувствами, вы не забывайте, что находитесь в самом крупном районе, где свои сложившиеся традиции и порядки.

Это был намек на то, что Алиев из другого района, горного, где живут люди разных национальностей.

Но тут встал директор школы Асиев, сидевший рядом с Гапуром, и, не дожидаясь ответа Алиева на реплику Усмана, произнес такой монолог, что Усман чуть не спрятал голову под напором его железной логики. Все свое выступление он свел к тому, что в данном случае Алиев намного лучше понимает обстановку в районе и интересы его населения, чем Усман, который умышленно или по своему непониманию путает национальные чувства с религиозным мировоззрением людей. Он поддержал Алиева и в том, что инициативный работник никогда не будет страховаться мнением и взглядом руководителя на каждый вопрос, который ему нужно решать.

Гапур понял, что недопонимание некоторыми руководителями важности воспитательной работы среди населения еще не означает невозможности ее проведения. Но

такая обстановка помогала Хасану и Усману и еще некоторым таким, как они, сознательно тормозить эту работу в своих корыстных целях в угоду Мухти, Юсуп-мулле, Абасу и еще целому ряду жаждущих темноты.

Дело осложнилось еще и тем, что по чьему-то совету и настоянию Хасан оказался секретарем районного отделения общества по распространению политических и научных знаний. Он поднялся сюда как на трамплин, откуда легче можно будет сделать прыжок на более высокую руководящую должность.

Для Гапура это было неожиданностью, которая его глубоко огорчила. Ему стала известна еще одна новость: Хасан — член партии. Оказывается, уезжая из института после его окончания, он взял оттуда рекомендации и здесь вступил в кандидаты. Прошел год, и он уже член партии.

Он хорошо знал Хасана, и единственным утешением для него могла быть надежда, что в скором времени этот карьерист разоблачит себя.

Но Хасан оказался хитрее. Он хорошо умел, как говорится, пускать пыль в глаза.

Составив длинный список всех ответственных работников района, он принес его к первому секретарю райкома партии и предложил, чтобы их утвердили на бюро лекторами-общественниками. Тот поддержал эту идею и посоветовал Алиеву пригласить их вместе с Хасаном в райком, побеседовать с ними и внести на бюро предложение об утверждении группы лекторов-докладчиков из районного актива.

К исполнению приступили немедленно. Приглашали, беседовали, а потом собрали всех вместе и сказали, что они отныне докладчики и лекторы райкома. Хасан разбил их по группам, или секциям, как он их потом назвал. Была здесь и секция научного атеизма.

— Вот эти пять человек, — сказал он Алиеву, — будут читать лекции по научному атеизму.

— Это хорошо, — одобрил Алиев. — Но ведь здесь же почти все русские учителя.

Учтя замечание секретаря райкома, Хасан добавил к ним Гапура и еще одного активиста.

Через месяц на районном собрании членов общества «Знание» называлась внушительная цифра лекций, прочитанных по атеизму. Приводились в пример фамилии лучших лекторов-атеистов, которые, по выражению докладчика, «глубоко раскрывают антинаучную сущность религии, убедительно показывают вред религиозных пережитков».

Районная газета на следующий день сообщила всему населению эти цифры и эти положительные факты.

Хасан прослыл энергичным работником, которого якобы должны выдвинуть на какую-нибудь руководящую должность. Этого с нетерпением ждал и он сам.

ЛЕКЦИЯ ПО ХАСАНУ

Не ради простого любопытства, а потому, что он глубоко переживал за состояние этой работы в районе, Гапур пошел в одну из организаций послушать лекцию хваленого лектора. Тема «О сущности и вреде пережитков ислама и формах борьбы с ними» очень заинтересовала его. Она оказалась рекомендованной из республиканской организации общества.

Лектор — работник районного масштаба, лет пятидесяти, член партии. Районная газета уже несколько раз расхваливала его.

Отпив глоток воды из стакана и отложив в сторону напечатанный на машинке текст лекции, присланный из Грозного, он важно начал:

— Товарищи! Посмотрите вокруг себя, лучше и краше нашей земли нет на свете. Посмотрите на наши сов-

хозы, на наши заводы. Люди пожилые хорошо помнят, как сорок лет тому назад здесь были почти одни пустыри. Там, где раньше стоял ветхий дом, сейчас возвышается прекрасная школа...

Сравнения, сравнения! На фактах было доказано, что мы сейчас живем куда лучше, чем сорок лет назад, да чего там греха таить, даже двадцать лет назад. Этим доказательствам было посвящено полчаса.

Началась другая часть, как говорится, кульминационная и заключительная. Здесь уже лектор и ворот расстегнул, выпил остаток воды. С таким темпераментом, что даже пот на носу выступил, он начал перечислять пережитки: и хулиганство, и пьянство, и воровство и т. д. и т. п. Но о религиозных пережитках ни слова не было сказано.

Только доказывая, что хулиганство, пьянство, воровство вредят нашему обществу, он коснулся ислама и корана.

— Ни советский закон,— сказал он, решительно сжимая кулаки, стискивая зубы, подаваясь всем корпусом вперед, будто говоря «вот бейте меня, разорвите меня на куски, если это не так»,— ни ислам, ни шариат, ни коран нам не говорят, чтобы мы терпели эти пережитки...

В зале была полная тишина.

— Так кого же мы хотим слушаться,— спросил он в упор,— если мы не слушаемся ни советский закон, ни ислам, ни шариат, ни коран?

Лекция закончилась. Лектор с видом победителя окинул взором зал и посмотрел на того, кто сидел рядом с ним за столом. Тот понимающе встал и спросил, есть ли у кого вопросы к лектору. Их не оказалось. Гапур услышал шепот. Молодые рабочие предприятия, сидевшие впереди него, возмущались:

— Что же это он нам доказывает — прогрессивную роль ислама, корана и шариата?!

— Вранье несусветное!

— Я хочу у него спросить, не мулла ли его прислал к нам для агитации?

— Молодец! — говорил один мужчина другому, выходя из зала. — Ей-богу, он правду говорил.

— Ну, конечно, правду говорил, — восхищался второй, — ведь какой мулла когда говорил, чтобы дрались, пьянствовали, резались? Мулла учит только хорошему.

— Чепуху он говорил, этот лектор,—пробасил здоровяк лет пятидесяти, — он не лектор-атеист, а лектор-мулла. Конечно, мулла не дурак, чтобы говорить. «Деритесь, режьтесь». Но он предпринимает все, чтобы люди это делали. Ему так выгодно. А что он будет иметь, если все будут с умом, все будут вести себя как следует. А кого он тогда обманывать сможет, кого мирить за деньги?

Так закончилась одна из лекций хваленого лектора-атеиста.

А в другом конце района верующим ингушам читалась лекция «О происхождении и социальной сущности христианской религии». Лекцию читал лектор-ингуш...

ИНАЛУКОВ—УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

В совхозе, который отставал с уборкой кукурузы, председатель райисполкома Иналуков проводил собрание актива, состоящего из одних только мулл, тамад и турков различных религиозных толков и сект. Это было, как называли его, собрание авторитетных стариков. Их здесь собралось человек тридцать.

Выступление руководителя состояло из трех частей. В первой рассказывалось о тяжелом положении с уборкой кукурузы в совхозе. Во второй говорилось о том, что местные партийная, профсоюзная, комсомольская организации, а также сельсовет и дирекция совхоза оказались неспособными организовать дело так, чтобы не от-

ставать, и на сегодняшний день выглядят беспомощными. И, наконец, главная суть заключалась в третьей, самой важной части. В ней просилась помощь у этих «авторитетов». Воздействуйте, мол, на непослушных людей своею святостью, святостью своих наставников, пригрозите адскими муками и небесными карами тем, кто их не послушает.

«Актив» важно восседал, поглаживая то бороды, то шеи или просто вертя четками. Некоторые продолжали отсчитывать бусинки, шевеля губами, произнося молитвы.

— Хорошо, — поднялся важно один из «активистов», — мы все сделаем.

Это был самый главный мулла в этом селе.

Все поднялись, поднялся и районный руководитель. Главный мулла повернулся спиной к председателю и направился к выходу, остальные — за ним.

Ни один человек не прибавился на уборке утром следующего дня.

Но этот «актив» не смог уменьшить числа людей, работавших на совесть. Они трудились в полную меру своих сил, им было не до религиозных «авторитетов» и их собраний.

Поздняя весна и ранняя осень создали напряженную обстановку в совхозе. Партийная организация в эти дни работала среди тех людей, которые с раннего утра до позднего вечера убирали урожай, заготавливали корма и утепляли помещения для животных. И все это без нервозности, без нажима, потому что каждый знал, что это его дело.

— А кто здесь в длинной кожанке расхаживает, — спросил один рабочий другого, — и что он нашему директору говорит, размахивая кулаками? Почему он к нам не подходит?

— А кто его знает, — ответил другой. — Вот Идрис должен знать, он ведь партиец.

Идрис будто не слышит. Все энергичнее разрезая за-

сыревшие от ночного дождичка кукурузные рубашки, он выламывает белые початки кукурузы и бережно кладет их в перекинутый через плечо мешок. Наполнив его, он идет высыпать початки на кучу, возвышавшуюся посреди поля.

«Газик» подхватил человека в длинной кожанке и, легко подпрыгивая, покатил по полю в направлении автострады.

— Рабочие интересуются, кто это был?— спросил Идрис, подойдя к директору.

— Уполномоченный, — ответил тот, глядя куда-то в сторону.

— Уполномоченные мы все, — улыбнулся Идрис, — а кто он именно?

— Еще не хватало, чтобы и вы все стали уполномоченными, — пробубнил директор, — тогда бы меня и до обеда не хватило.

— Э, — пошутил Идрис, — подумаешь беда. Что, он съест у тебя десяток индюшек? Он особый уполномоченный. А мы все просто уполномочены делать свое дело.

— Да не в индюшках дело, а душу терзают. Это приезжал председатель райисполкома, он направлен райкомом в совхоз для ускорения уборки. Предупредил строго, что если за шесть дней не закончим уборку, то меня из партии исключат, — посмотрел директор на Идриса.

— Он, видимо, перепутал свои обязанности, — сказал спокойно Идрис. — Кукурузу убрать — это наше дело. Мы ее уберем. А ему бы в обеденный перерыв — да, кстати, уже перерыв — надо собрать рабочих и рассказать новости, послушать наши претензии, предложения, а может, и какие просьбы есть.

— Давай-давай, — махнул ему директор рукой, — ты занимайся своим делом. Не с тебя спросят, а с меня. Поэтому тебе легко рассуждать.

Еще несколько минут постояли они друг против друга, пуская клубы папиросного дыма.

Посмотрел на него Идрис с иронической улыбкой, попрощался за руку, пожелал счастливого пути и пошел к людям, присевшим на отдых.

За обедом шутили, смеялись. В коллективе всегда находятся весельчаки. Кто умеет работать, умеет веселиться и отдыхать.

Заиграла гармоника. Вышел в круг мужчина в кирзовых сапогах, брезентовой куртке, сделал в такт несколько шагов, наклонился, встал напротив одной девушки и настойчиво посмотрел ей в глаза. Та приняла приглашение на танец. Хлопанье в ладоши, крики одобрения, свист — все смешалось в один веселый шум.

— Время торопит,— говорил Идрис в небольшом кругу собравшихся у кукурузной кучи. Лица людей были сосредоточены, будто их не касалось то веселье, что разгорелось в двадцати шагах.

— Сегодня же ночью утеплить культстан и с завтрашнего дня обосноваться здесь всем, — решительно потребовал пожилой мужчина, — а то по нескольку часов затрачиваем на поездки домой и обратно, да и там не все сразу собираются — один раньше, другой позже. И машины бесполезно гоняются и простаивают.

— Если к нашей работе прибавится по три часа ежедневно, — подсчитывал кто-то, полулежа на кукурузной куче, — мы закончим ровно через десять дней.

Недолго длилось это беспротокольное и беспрезидиумное собрание партийной группы. Предложения были деловые, осталось только посоветоваться со всем коллективом.

А здесь танцы в разгаре. Кто-то упал в кругу, попытавшись лучше всех станцевать. Звонкие звуки гармоники и гул хлопанья в ладоши — не помеха, чтобы пускать друг в друга безобидные колкости.

— Жена плохо кормит, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Живот-то большой, — отвечал другой, — а толку мало. Оказывается, не в животе сила.

А тот, не обращая внимания на шутки, с таким серьезным и даже злым видом выплясывал лезгинку, будто, кроме танца, ему нет дела ни до чего на свете.

Лихо сплясал в свою очередь и Идрис. Легко откланявшись девушке, он дал понять, что час потехи закончен и нужно приниматься за дело.

Еще несколько минут не утихали веселые шутки, дружеские колкости. Затем все двинулись к своим рабочим местам.

— Две минуты на то, чтобы посоветоваться,— остановил их Идрис.— Время не ждет. Ожидается похолодание. Нужно решить, как скорее убрать урожай. Мы предлагаем оставаться здесь ночевать.

Идрис мотивировал эту необходимость и заявил, что он и еще несколько человек сегодня же здесь приведут в порядок помещение культстана, в отдельных домиках могут разместиться женщины.

Предложение одобрили. Лишь двоим оно не понравилось.

— У меня дома больные дети,— сказала одна женщина.

— Лучше ее перевести отсюда ближе к селу, на другую работу, ей будет спокойнее,— подсказали люди.

— Кто как хочет, — возразил мужчина,— но я в воскресенье не могу здесь остаться.

— А... понятно,— протянул кто-то.— Он мюрид Кунта-Хаджи.

В ночь с воскресенья на понедельник мюриды проводят зикр.

— Да ладно, пропустишь один-два раза — дадим тебе справку,— шутил другой,— я в прошлом году пять занятий пропустил в агрокружке, и то ничего не случилось.

— Неужели один ты только в рай хочешь, а другие хоть пропади?

— Давайте отпустим его завтра, только с условием, что он будет просить там рая и для нас.

После некоторых колебаний мюрид молча взял свой мешок и приступил к делу. Больше он о поездке домой не напоминал — остался со всеми вместе.

— Что хотите, то и делайте со мной, — объяснялся директор с уполномоченным, который уже по телефону успел передать в райком, что здесь и дирекция и парторганизация саботируют уборку, сознательно хотят оставить кукурузу под снегом, чтобы потом разворовать ее. — По моим подсчетам, мы уборку закончим не раньше чем через тринадцать дней.

— А по моим подсчетам, — зашевелился председатель, шурша коричневой кожанкой и снимая с головы массивную шапку-ушанку из серебристого каракуля, — вы должны закончить уборку через шесть дней.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел секретарь парткома совхоза. Поздоровавшись, он сел в сторонке и внимательно слушал разговор между уполномоченным и директором.

— Почему секретарь парткома в этот ответственный момент не на месте? — вдруг повышенным тоном обратился к нему председатель. — Где партийная организация, чем вы занимаетесь? Почему коммунистов не видно? — распекал он, не желая слушать ответа секретаря парткома.

— Сегодня же, — обратился секретарь парткома к директору, — нужно отправить на «Дальний» нашего завхоза с плотниками и с небольшим количеством досок, чтобы уже завтра привести в порядок помещение культстана. Люди решили там ночевать эти десять ночей, пока не закончат уборки. Я сегодня по пути из овчарни туда заезжал. Идрис мне показал свои расчеты и попросил нас помочь.

Глаза директора повеселели.

— Сам туда поеду и завтра заночую с ними, — сказал он радостно.

— Нет, ни вам, ни мне завтра нельзя там ночевать, —

возразил секретарь парткома. — Завтра вечером оттуда нужно семь коммунистов забрать.

— Зачем? — удивился директор.

— Закрутился... — улыбнулся тот. — Ты даже забыл о политзанятии.

— А... —протянул директор. — Извини, но я подготовился хорошо.

Недовольный тем, что секретарь парткома, не ответив на его замечание, начал разговор с директором совхоза, председатель райисполкома перешел на крик:

— Никаких политзанятий, никаких кружков, никаких сетей политпроса, пока вы не уберете всю кукурузу! Кукуруза — вот где сейчас ваша политика и ваши кружки! Категорически запрещаю собирать завтра коммунистов!

— Это чье указание? — спокойно спросил секретарь.

— Мое, — грубо ответил тот, — и райкома, если вам этого недостаточно!

Секретарь позвонил в райцентр.

— Товарища Алиева, — попросил он телефонистку.

Доложив секретарю райкома о делах на уборке, он подробно стал рассказывать о ценных начинаниях передовиков производства из различных отраслей хозяйства.

— Да нет, не нужно, — отвечал он на какое-то предложение Алиева, — пока рано поднимать газетную шумиху. Закрепим, а потом — пожалуйста. Да, да, агитбригаду обязательно пришлите, только на обеденный перерыв.

В конце разговора он пригласил его на политзанятие. Было понятно, что тот обещал приехать.

— Значит, занятие завтра будет, — повернулся он к председателю райисполкома.

— Я вам запрещаю, — настаивал тот, — я член бюро райкома.

— Вот бюро и приняло решение о регулярном проведении занятий, — спокойно сказал секретарь парткома. —

Решение бюро не может отменить один из его членов. К тому же партийное собрание совхоза приняло решение о проведении занятий именно в эти дни. А как вы знаете, решение собрания надо выполнять. Это закон нашей партийной жизни.

Наступила пауза. Слышно было порывистое дыхание председателя да шуршание коричневой кожанки.

— Вы играете с огнем, — сказал он, стараясь уже быть спокойным. — Уборка урожая — это огонь. Вы можете угодить под следствие за каждый неубранный центнер кукурузы.

Директор молчал, опустив голову и черкая какие-то бессмысленные линии на листе бумаги. Видно было, что он не хотел ввязываться в скандал. Он знал, что руководитель района рекомендован на эту должность самим Киясовым, с которым они вместе работали в тридцатые и сороковые годы.

— Нет никакого огня, — ответил секретарь парткома, — уборка на сегодняшний день — задача первоочередная. Мы ей потому и уделяем больше внимания. Но есть и другие задачи, которые нельзя проваливать. Вы уполномочены отвечать за одну только уборку. А мы здесь уполномочены решать все дела, не проваливая ни одного.

— Вы еще молоды меня поучать, — вскипел тот.

— Но тем не менее мы персонально ответственны за дела в совхозе, — ответил секретарь.

ПРОТИВОРЕЧИЯ

Так в противоречиях, в борьбе нового со старым двигалась жизнь.

В борьбе закалялись те, кому дальше вести дело, кому идти в ногу с прогрессом. Они не прятались за спиной отживших традиций, не приспосабливались к тому, что

лежит на поверхности, каким бы красивым и заманчивым оно ни казалось. Сегодняшние неудачи не воспринимали как жизненный провал...

Мероприятия по усилению атеистической работы в районе вышли из стен райкома партии не в виде решения бюро, а в виде рекомендации отдела пропаганды и агитации.

Сколько ни пытался Алиев доказать, что воспитание марксистско-ленинского мировоззрения людей — это дело бюро райкома прежде всего, ничего у него не получилось. И первый секретарь и председатель райисполкома, который особенно был настроен против Алиева за инцидент в совхозе во время уборки, не поддержали его. Хуже того, чуть не обвинили его в идеализме.

— Ведь нельзя так, — встал на сторону Алиева второй секретарь райкома Иванов, — у нас все дела решаются сознательно, все построено на сознании.

Он волновался, горячился и не мог понять, почему так все это делается.

— То есть как, — перебил его председатель райисполкома, — извиняюсь. Марксизм учит, что сознание вторично. А Алиев куда клонит?

— Да-да, — подтвердил первый секретарь, — это азбука марксизма. Ты должен знать, что идеология — это надстройка. И ты и Алиев еще молодые. Горячиться не надо. Слушать надо старших.

— Но, товарищи, — смутился Иванов, — зачем так далеко заходить. Я ведь вношу предложение утвердить мероприятия, которые по поручению райкома еще задолго до вашего приезда, еще при Борисе Ивановиче, были подготовлены целой группой толковых товарищей, которые в этом деле разбираются.

Председатель райисполкома вскипел:

— Вы не забывайте, что здесь сейчас не Борис Иванович. Помните, что не он теперь первый секретарь, а

Саваров. Произносите чаще имя Мажита Исивича! Пора уже к этому привыкать! А то все Борис Иванович.

Сам довольный сказанным, он посмотрел вокруг.

Видимо, не желая дальнейшего осложнения, председательствующий более мягким тоном объяснил, что молодости обычно свойственно горячиться, что Иванов и Алиев — оба молодые еще люди, хотя и работают они не первый год секретарями райкома, а до этого были и заведующими отделами райкома. Да и комсомол им дал большую закалку и опыт общественной работы.

По натуре своей Саваров был человеком добрым, отзывчивым, но это не мешало ему губить ценную инициативу любого работника, если она не укладывалась в его понятие, не соответствовала его опыту прошлых лет. Несмотря на уже преклонный возраст, он был слишком упрям и считал, что один способен решать любой вопрос, что один разберется во всем, коль доверили ему такой пост.

— Садитесь, садитесь, — сказал он с улыбкой Иванову, — не надо горячиться, спокойно надо. Мероприятия пусть сам Алиев расскажет людям. Не обязательно решение бюро. Он пускай работает, делает свое дело.

Считая, что с этим вопросом закончено, он сел и глубоко вздохнул, наклонив голову над столом и глядя на повестку заседания бюро.

Еще несколько членов бюро попытались доказать, что нужно утвердить мероприятия, что они очень хорошо подготовлены. Но Саваров был неумолим. Он перешел к другому вопросу повестки дня заседания.

ЗИНА

Получив эти мероприятия, одни секретари партийных организаций начали работу по их рекомендациям, другие, прочитав, положили под сукно, туда, где лежит мно-

го почти забытых бумаг. Но таких секретарей было меньше.

По-настоящему работа развернулась в селе, где Адам был учителем школы. Ведь он сам участвовал в составлении этих мероприятий. Здешние учителя постоянно вели атеистическую пропаганду. Однако при проведении в жизнь стройной системы мероприятий обнаружились тревожные факты: отдельные люди, которые должны были вести эту работу, оказывались не только в стороне, но и пытались ей мешать. Словом, в каждом селе находились такие, как Хасан и Усман.

— Так нельзя, — выступил однажды на общем партийном собрании управляющий отделением совхоза. — Зачем детям говорить, аллах есть или нету. Им надо учиться. Зачем комсомол спрашивает у моего мальчика, бог есть или нет его.

— Да, товарищи, — поддержал его один из учителей, — таким путем мы можем дойти до того, что к нам в школу родители не будут пускать своих детей. Наша задача — дать детям знания, а на основе этих знаний они сами придут к атеизму. Детям не надо говорить о боге, не надо их отпугивать от школы.

Адаму приходилось держать бой:

— Не думал я, что мне, беспартийному, на партийном собрании придется отдельным коммунистам разъяснять общеизвестную азбуку, что религиозность и даже примиренческое отношение к религии несовместимы с пребыванием в партии.

— Зачем беспартийных пригласили на партсобрание? — выкрикнули из зала.

— Мы учителей всех пригласили, — объяснил секретарь парторганизации.

— Говорите, говорите, Адам Ахметович, правильно вы говорите, — подбадривала его коммунистка, доярка совхоза Зина Арипаева. Это была та самая Зина — жена Султана — двоюродного брата Гапура. Они несколько

К стр. 41

месяцев назад приехали сюда жить. Султан, тоже член партии, пошел работать бригадиром тракторной бригады.

Адам говорил спокойно. Крепко досталось учителю, который забыл, что школа наша с первых же классов воспитывает материалистическое мировоззрение.

Партийное собрание закончилось тем, что решили усилить атеистическую работу и привлечь к участию в ней всех коммунистов.

Зина оказалась хорошим агитатором на ферме. До нее здесь среди доярок не было ни одной комсомолки. Теперь нескольких девушек-ингушек приняли в комсомол. Троих готовила для вступления в партию. Вела она и занятия по ликвидации малограмотности среди доярок.

— Черт, а не женщина, — бубнил себе под нос заведующий фермой. — За свои шестьдесят лет много пережил, но такого шайтана не видал. Везде нос сует, все считает. Каждый день спрашивает, на сколько литров меньше стало молока. Грамотная, черт, а работает дояркой. Всех здесь взбаламутила.

Однажды он специально подстерег Султана и повел с ним такой разговор:

— Я с тобой буду говорить как мужчина с мужчиной.

При этом он чихнул, прочитал вслух молитву, как положено по мусульманской религии.

Султан видел его впервые. Он ни разу не был на ферме и на собраниях как-то не приходилось с ним встречаться.

— Мы оба ингуши, хотя ты и коммунист, — подчеркнул заведующий. — Жена твоя тоже коммунист. Это не мое дело. Твоя жена, ты сам знаешь. Но ни в моей семье, ни в семьях близких таких женщин нет. Я в твою работу не вмешиваюсь. Моя жена тоже в твою работу не вмешивается. Зачем твоя жена лезет в мои дела? — Он еще раз чихнул, вновь повторил молитву. — Моя же жена не лезет в твои дела. А почему твоя мешает мне? Если у те-

бя нет со мной личных счетов, то останови свою жену. Если ты ее муж, конечно. Что она коммунистка — это ваше дело, не мое. Она грамотная, может быть, умная, перевел бы ты ее куда-нибудь на более легкую работу. Потом там мужчины у нас молодые есть. Зачем тебе всякие лишние разговоры? Пойдет разговор, а потом попробуй доказывать людям, что это не так.

Султан слушал его внимательно, думая, как ему ответить.

— Я ей не хозяин, — сказал он наконец, улыбнувшись.

— Как? — отпрянул тот назад. — Разве ты не муж ей?

— Да, муж, — ответил Султан, — но не хозяин.

— А кто же твоей жене хозяин — я, что ли?

— Еще этого не хватало, — ответил Султан все с той же улыбкой, — она сама себе хозяйка.

— Ты со мной не так будешь разговаривать, если что с ней случится там.

— А что с ней может случиться?

— Ни одна скотина без хозяина не обойдется.

— Но это же не скотина.

— Хуже, — ответил он, — плохую скотину можно и продать, а эту куда денешь. Я говорю не о твоей жене, а о женщинах вообще.

Султан с минуту постоял, молча глядя на него и будто измеряя взглядом с ног до головы, и сказал спокойным тоном:

— Вот что. Иди и занимайся своими делами. Ко мне больше с такими разговорами не приходи. Ты говори с ней об этом, а не со мной. Она тебе сама ответит лучше, чем я.

— О аллах! — воскликнул тот. — Что это за семья, где женщина голова!

— Вот такая наша семья, жена сама решает, что ей делать и как когда поступить.

— Но смотри, — вспылил завфермой, — ты сейчас так говоришь, посмотрим, как ты запоешь, если она что-нибудь натворит. Я не прощу вам, если она мне навредит. Я не буду спрашивать с нее. Она женщина, я спрошу с тебя.

— Гляди, — спокойно послал ему вдогонку Султан, — как бы с тебя не спросили, да так, что больше ни с кого не вздумаешь спрашивать.

Завфермой остановился, поднял руку, растопырив пальцы:

— Пять сыновей у меня, каждый из которых за меня умереть готов.

Султан махнул рукой и ушел.

На следующий день против воли заведующего на ферме состоялось собрание. Доярки выступали прямо и смело говорили о том, что такой человек не может руководить фермой — он не разбирается в самом простом деле, нет у него нормального отношения к людям, неграмотный, еле расписывается, поэтому держит учетчика — лишнюю единицу в штате. Без всякого протокола решили послать к директору совхоза одну из доярок, пригласить его на ферму и сказать ему то же самое.

Так и сделали. Приехал на ферму зоотехник. Он не поддержал просьбу доярок о замене заведующего. На его взгляд, неприлично было женщинам ставить вопрос о снятии начальника, тем более мужчины, который по возрасту каждой из них в отцы годится.

Зоотехник был человек солидный, пожилой — ровесник заведующего. У него большой стаж. Он еще до войны работал на этой должности, хотя имел образование ниже среднего. Поговорив с доярками о том, о сем, постыдив их, что выступили против мужчины, он уехал.

На следующий день по поручению доярок Зина была уже в райкоме партии у первого секретаря Саварова.

— А какое у тебя образование? — спросил он Зину.

Разговаривали на ингушском языке.

«Неужели меня могут понять неправильно, — подумала Зина. — Зачем я поехала сюда? Прислали бы другого».

— Не стесняйся, ты еще молодая, еще выучишься, — уговаривал ее секретарь, уверенный, что она стесняется сказать о своей неграмотности.

Но за Зину уже ответила заведующая отделом по работе среди женщин. Она ее охарактеризовала за две-три минуты.

— Как, как? — оживился секретарь, с улыбкой глядя на Зину. — Среднее образование, говоришь? Вот как раз тебя и назначим.

Зина побледнела. Она окончательно решила, что ее неправильно поняли, и чуть не расплакалась от обиды.

— Нет, — сказал она, — я не могу туда пойти. Так я выезжаю, оставляя коров другим дояркам, хотя это тоже плохо. А там я совсем не смогу отрываться.

— Это куда же ты ездишь?

— Я учусь в институте заочно.

— В каком? На какую специальность? — придвинулся к ней Саваров. Было видно, что его обрадовало и удивило сообщение Зины о себе.

— В сельскохозяйственном, — ответила Зина, — на зоотехника.

— На каком же курсе?

— На третьем.

— Молодец, — секретарь встал, потирая руки. — Вот, плохо работаете, — обратился он к завотделом. — Вы должны знать такие кадры.

Он стал звонить кому-то по телефону. Но ему не ответили.

— Здесь мы днем с огнем специалистов ищем, особенно из женщин, — продолжил он, положив телефонную трубку, — а тут на тебе, доярка на третьем курсе института.

Он набрал другой номер телефона. Через несколько минут в кабинет вошел Иванов.

— Доярка, — показал он на Зину, — член партии, учится на третьем курсе института. Вот вам пожалуйста и оргработа, и идеологическая работа, и атеистическая работа. Вот надо побольше таких. Молодец она,— закончил он. — Заведующий фермой неграмотный старик, а доярка с незаконченным высшим образованием. Ты оргвопросами занимаешься, а не знаешь, что есть такие коммунисты, такие кадры. Надо знать таких. Вот и надо ее выдвинуть заведующей этой фермой.

— Вы что думаете? — вдруг поднялась Зина, преодолев свою скованность. — Я пришла сюда должность выпрашивать? Мне это не нужно. Мне работать на этой ферме стыдно из-за того, что такой порядок там. Мы обращались в дирекцию совхоза, не помогли. Решили сюда пожаловаться. А меня поняли по-другому...

Трижды Зину вызывали в райком, уговаривая ее принять ферму. Уже два месяца на ней не было заведующего. Временно его обязанности исполнял зоотехник.

Наконец после того, когда второй раз приходили послы от бывшего заведующего с претензией и предупреждением объявить месть, если Зина пойдет на эту должность, Султан уговорил ее дать согласие.

— Передайте, что я его мести не боюсь, — сказал Султан четвертому посланцу. — Пусть только никого больше ко мне с предупреждением не посылает.

— О аллах, что делается, — поднял тот глаза в небо,— шайтан стал посредничать между людьми. Ни со старшинством, ни с фамилией, ни с верой не считаются.

— Что ты хочешь сказать? — спросил его Султан.

— Я хочу сказать, что ты неправ.

— Почему так считаешь?

— Потому что вы со своей женой сняли человека с работы и отняли у него хлеб.

— Его сняли не мы, а дирекция совхоза.

— Директор совхоза поклялся, что он тут не виноват. Он сказал, что твоя жена ездила в райком, пожаловалась там и его заставили подписать приказ. Люди знают, — моргнул он ехидно, — как эти вещи делаются. Вы там дали...

Султан не выдержал.

— Вон отсюда, — крикнул он, — чтобы больше не было твоей ноги в этом дворе!

— Где двор твой, где твоя фамилия, откуда ты взялся? — зачастил посредник, пятясь к выходу.

— Иди, иди, — сказал ему Султан, — защитник обиженных нашелся. Проходимец!

— Ты — проходимец, без рода, без племени! — донеслось уже издали.

— Почему, папа, мы без рода и племени? — спросил Султана позже его десятилетний сын, который во время скандала незаметно для отца стоял за дверью.

— Нет, — ответил Султан сыну, — мы не без рода и племени. Это у него и таких, как он, нет ни племени, ни рода. А у нас есть все. Мы — из рода. Нас очень много, миллионы и миллионы. Мы честные люди. Все делаем для народа. А он и такие, как он, хотят еще жить за счет честных и не работать.

Мальчик кивал в знак того, что понимает отца. Они еще долго разговаривали, пока не вернулась мать с работы.

С уставшим и печальным видом она подсела к ним и, глубоко вздохнув, вымолвила:

— Зачем все это нам? Из-за него одного? — и обняла сына за плечики.

— Не надо, не надо из-за меня, — обнял ее сын. — Я сам буду...

Султан с иронической улыбкой посмотрел на Зину:

— И человек ты из-за него, и в партии ты из-за него, и...

— Ну хватит, хватит критиковать, — сказала Зина, — теперь пошел мораль читать. Вот мне бы твой характер — работала бы себе, ни за что не переживала. Пусть все там что хотят говорят, а я бы делала свое дело.

— Но делай и ты так же, бери мой характер и делай.

— Правда, мама, бери, а, — обрадовался сын.

Все трое засмеялись. Прошел еще один обычный вечер в маленькой семье коммунистов...

Дела на ферме пошли на поправку. Надои молока почему-то очень скоро, со второго же дня работы Зины заведующей, резко поднялись. Доярки, переглядываясь, улыбались, слушая вечером цифры своих суточных надоев.

Через неделю в районной газете появилась статья корреспондента об успехах фермы. Они объяснялись тем, что во главе ее стала коммунистка, заочница третьего курса сельхозинститута Зина Арипаева. Озаглавлена была статья броско — «Крупные успехи в производстве молока».

А еще через неделю Зина выступила на районном активе работников сельского хозяйства. Он был созван специально по вопросам животноводства.

— Газета прошумела на весь район о достижениях коллектива нашей фермы. Эти заслуги приписываются мне как заведующей. Это так и не совсем так, — начала Зина свое выступление, краснея и глядя куда-то в сторону, в окно.

В зале зашептались, оживился президиум.

— Молодец, — слышался чей-то подбадривающий голос.

— Нескромно соглашаться, что это ее заслуги, — осуждали другие.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Саваров.

— Не моя заслуга, — продолжила Зина, — что сняли с должности завфермой человека, который ничего не смыслил в животноводстве и заботился лишь о своих личных интересах, а не об интересах фермы и совхоза.

— Это уж слишком, — шепнул Саварову председатель райисполкома и на виду у всего зала покачал головой. — Его уж сняли, так зачем же еще поносить при всех?

Саваров чуть поднял руку, призывая к тишине и вниманию.

— Моя заслуга в том, — продолжила Зина после небольшой паузы, — что ферма стала больше давать государству молока, но надои еще не увеличились. Для этого многое нужно сделать.

— Вот какая, — не выдержал председатель.

— Дело в том, что для этих достижений не потребовалось много ума. Я просто прекратила хищение молока на такое пока количество, на какое больше стали сдавать его государству.

В зале поднялся шум. Большинство одобрительно смотрели на Зину. Лишь немногие, переглядываясь друг с другом, сидели с кислыми минами.

Саваров посмотрел в сторону председателя райисполкома, на лице которого уже не было недовольства выступающей. Наоборот, он будто придвинулся, наклонился в ее сторону, приставил руку к левому уху и внимательно слушал.

— Этот нехитрый резерв у нас еще не исчерпан, — продолжала Зина. — Нам на ферме не нужен учетчик. Все наши доярки теперь могут измерять молоко и заполнять табель. У нас эту работу будет выполнять старшая доярка.

— Правильно она говорит, — слышалось из зала.

— Правильно, — одобрил председатель райисполкома. — Это еще и государственные деньги сэкономит. — С этими словами он достал из кармана пиджака блестя-

щую ручку, взял чистый листок бумаги и стал что-то считать, показывая это секретарю райкома.

— Нам на ферме не нужен зоотехник, — неслось в зал. — Я могу сама выполнять его функции. Вот те резервы, которые мы можем сразу же найти.

— Молодец, молодец, — похвалил ее во всеуслышание Саваров.

— Все бы были такие, — поддержал председатель райисполкома Иналуков.

— Она еще скажет, чтобы и директора сократили! — выкрикнули из задних рядов. То был старший зоотехник того же совхоза.

А Зина уже перешла к другим, более глубоким резервам, над которыми нужно было думать и дирекции и всей партийной организации совхоза. Она приводила в пример передовое хозяйство соседнего района, где успела побывать, и поделилась своими впечатлениями об их успехах.

Зина хорошо сказала и о том, что партийная организация недостаточно уделяет внимания их ферме — этому крупнейшему участку хозяйства.

— Ведь недавно же обсуждали на партсобрании вопрос об этой ферме, — бросил реплику секретарь парткома совхоза. Видя, что никто ему замечания не сделал, он добавил: — В этом квартале уже три раза обсуждали.

— Да, — ответила ему Зина, — обсуждали, целыми вечерами, до полуночи обсуждали. Но во время обсуждения с фермы была только одна я — рядовая доярка. Больше у нас нет коммунистов. Даже завфермой был беспартийный. Он и не знал, о чем там шла речь. Я пыталась ему рассказывать, а он машет рукой и говорит: «Это ваше дело, это дело безбожников». Все эти ночи я не могла уснуть, — продолжала Зина с серьезным видом.— Ведь все, кто выступал с критикой, обращались ко мне. Ведь я-то там была одна. Одна я только не выступала, о чем мне было говорить? Правильно все отмечали.

Зал проводил Зину аплодисментами.

В конце собрания на трибуну поднялся Саваров. Все ожидали, что он произнесет длинную речь, как бывало на прежних активах. Однако он очень коротко повторил выводы докладчика об организации зимовки скота, затем остановился на выступлении Зины и потребовал уделять особое внимание подбору и воспитанию кадров в животноводстве.

— А нельзя ли вернуться к этому бывшему завфермой и посадить его за хищение молока? — обратился он с трибуны к прокурору.

— Нет налицо состава преступления, — ответил прокурор, поднявшись из середины зала.

— Как нет? Как нет? — возмутился Саваров, уже посмотрев на Иналукова.

— К сожалению, — развел руками председатель райисполкома, — пока так стоит вопрос: «Если не пойман, — значит, не вор». А вчерашнего дня уже не вернешь.

— Интересно, — пожал плечами Саваров, — все в зале знают, что он вор, а прокурор не видит состава преступления.

— Мало, что все знают, — вновь подтвердил председатель райисполкома, — но фактов нет. Без этого уголовного дела не возбудишь.

Прокурор одобрительно кивнул головой.

— Интересно, интересно, — повторял Саваров, — все знают, что он вор, а фактов нету. Это интересно.

В зале опять поднялся шум.

— Плохо работаете, товарищ прокурор, — возмущался Саваров.

В зале притихли.

— Факт сам не прибежит к вам, — продолжал секретарь райкома. — Его надо обнаружить.

— Обнаружили! — встал начальник милиции. — Целую флягу украденного на ферме молока нашли. Но прокурор не дал санкции на арест.

— Не было свидетелей, — ответил прокурор. — А возчик дал показание, что это молоко его, что он купил его у людей.

— Но это же неправда! — удивился Саваров. — Зачем ему целая фляга молока? И почему оно оказалось среди тех фляг молока, которые везли на молзавод? А анализа почему не сделали?

— Опрошенные по делу жители подтвердили, что это они ему продали молоко, а анализ, сделанный в лаборатории завода, показал, что это не совхозное молоко. Вот и все дело, — пожал плечами прокурор. — А завфермой вдобавок ко всему подтвердил, что он действительно давал ему пустую флягу.

— Это ж круговая порука, — возмутился Саваров и, покачав головой, опять повторил: — Плохо работаете, товарищи, плохо. Еще раз проверьте это дело.

— Вот вам и базис и надстройка, — вспомнил Иванов разговор на бюро, когда обсуждались мероприятия по воспитательной работе среди людей...

НЕ ТОТ СХОД

В селе Агалеевка, где жили Адам, Зина и Султан, готовились к сходу граждан. Сход собирали по инициативе председателя райисполкома, применившего, как он называл, «новую форму по борьбе с пережитками прошлого, в частности с кровной местью...» Его официальная записка с подробным описанием фактов кровной мести, их последствий и мер по предотвращению этих последствий обсуждалась на бюро райкома партии.

Предложения Алиева, поддержанные Ивановым и еще двумя членами бюро, о том, как нужно проводить эту ра-

боту, не были одобрены первым секретарем, а автор записки принял их чуть ли не за личное оскорбление.

На сход приехали многие руководители района.

Гапур тоже был там по приглашению Алиева, да и Адам ему сообщил о сходе.

Собралось много людей — и старые, и молодые, и мужчины, и женщины, и даже дети — школьники в пионерских галстуках и без них. День выдался хороший — не по-осеннему яркий, солнечный. На площадке около клуба сухо. Люди стояли широким кругом у квадратного столика и двух десятков стульев, четыре из них возвышались за столом, по восемь — справа и слева от него. Особо нетерпеливых уговаривали не уходить, потому что скоро уже придут те, которых ждут, и весь сход продлится недолго. А потом можно успеть съездить и на базар. Сегодня ведь базарный день. Отгоняли вездесущих детей, пролезавших вперед, чтобы посмотреть, что там в середине.

Вдруг толпа расступилась, образовав неровный коридор. Показалась группа людей. Впереди шел невысокий, чуть сгорбившийся пожилой человек, который был кем-то вроде сельского муллы, рядом с ним председатель райисполкома Иналуков, в длинной коричневой кожанке, в хромовых сапогах такого же цвета, в массивной, почти как папаха, каракулевой ушанке с верхом, покрытым хромом тоже коричневого цвета. За ним двигались два односельчанина. А замыкали группу председатель сельсовета и начальник райотдела милиции в длинном макинтоше, на боку у него бугром выпячивался пистолет. Он вызвал особый интерес у ребятишек — они не отрывали от него глаз, а самые храбрые, пробираясь поближе, даже пытались будто случайно притронуться к нему.

Председатель райисполкома сел за стол, остальные— справа от него. У всех были суровые лица, что, конечно, сразу же повлияло и на настроение людей. Все притихли, затаив дыхание.

Теперь образовался коридор с другой стороны. По нему также пошли люди. Среди них были секретарь парткома и директор совхоза, еще трое из местных жителей, которых знали здесь все, прокурор и заместитель начальника милиции. Эти сели на стулья, что с левой стороны стола.

Оповестив людей о своем приближении короткими, но мощными сигналами, подъехал черный автомобиль. Из него вышли трое. Их посадили за стол, где до этого возвышался один Иналуков.

— Сам Киясов из Грозного, — прошептал один мужчина в толпе, гордясь тем, что знает его. — Ну а этот — наш первый секретарь райкома.

— А это, это, как его, тьфу на шайтана, это — Мухти, — сказал тракторист совхоза, в недоумении пожав плечами. — Почему он здесь очутился? Это ж большой пройдоха и обманщик. О его черных делах чего только не рассказывают. Нехороший человек, — повторил он, подходя к Адаму и поглядывая на незнакомых ему Иванова, Алиева и Гапура, стоявших здесь.

— Тш...ш...ш, — толкнул его кто-то.

— Товарищи! — поднялся из-за стола председатель райисполкома. Он говорил на ингушском языке. — Вот уже двадцать лет, как фамилия Аржиевых враждует с фамилией Хуниевых. — Он показал сначала на левое крыло, потом на правое. — Двадцать лет, — продолжил он, поворачиваясь всем корпусом влево и вправо, — черная тень лежит между ними. Люди одной маленькой нации, одной мусульманской веры живут, ненавидя друг друга, как будто они в самом деле чужие.

— Вот это да, — шепнул Гапур Адаму, так что услышали Иванов и Алиев, — по его выходит, что самым важным фактором, объединяющим людей, являются национальный и религиозный признаки.

— Слушай дальше, — остановил его Адам, — потом поговорим.

— А что? — не выдержал Гапур и еще громче сказал: — Ведь это же лозунги буржуазного национализма и панисламизма.

— Да замолчи же пока, — незаметно для других дернул Адам его за руку.

— Слушай и смотри, — шепнул ему Алиев. — Потом проанализируешь.

Голос докладчика нарастал, он то поднимал вверх, то протягивал вперед правую руку.

— Ради бога, ради людей лучшие мужчины нашего народа прощали другим кровь своих близких. — Сделав минутную паузу, Иналуков достал из кармана носовой платок, вытер им глаза, провел рукой перед собой и показал на левую сторону: — Посмотрите на этих людей, на этих стариков, на этих мужчин, на этих детей и на этих женщин. Это люди вашей крови. Все они и мы просим вас ради вашего творца, ради всех наших людей простить кровь ваших братьев Хуниевым.

Сказав это, он сел.

Поднялся Мухти. Гордо окинув взглядом и левую и правую сторону, потом весь круг людей, важно кашлянув, начал:

— Братья-мусульмане, есть у нашего народа поговорка: «Тот не мужчина, который в злобе не кипел, и тот не мужчина, который всю жизнь в ней остается».

Он оглянулся на тех, что сидели за столом с ним рядом.

— Да, да, — закивали те.

— Предки наши говорили, — продолжал он, — лучше враждовать с порядочными людьми, чем дружить с непорядочными. Это значит, что порядочные люди покипят в злобе да помирятся порядочно. А непорядочные люди всю жизнь останутся непорядочными.

Он еще раз чуть наклонил голову к начальству. Ему вновь закивали.

Приведя еще несколько поговорок и притчей, наконец он тоже призвал:

— Ради бога, ради всех его пророков, ради уважаемых вами людей — вот видите сегодня здесь крупное начальство наше, вы их знаете, значит, и ради них, ради всех ваших мертвых и ради меня простите Хуниевым кровь ваших братьев.

Затем попросили слова несколько рабочих, которые, как потом рассказал Алиев, заранее были подготовлены к этим выступлениям Усманом. Он накануне вызывал их к себе и давал отпечатанные тексты. Они говорили, что работают хорошо, дружно, выполняют планы, еще бы лучше работали, если бы не было кровной мести.

Все это были только разговоры. Впереди еще оставалось само действие примирения...

Встречаются среди людей такие, которые как будто глазами слушают. Они внимательно смотрят на выступающего, а сами вовсю рассказывают другим что-то связанное с этим делом, пытаясь показать свою осведомленность в нем. Нередко они даже бесцеремонно предложат подвинуться тем, кто мешает им видеть выступающего и при этом несомненно скажут: «Не мешайте слушать».

И вот один из таких людей жужжал на ухо другому на сходе, и вся его речь доносилась до Гапура. Ему пришлось слушать на два фронта.

— Еще до войны,— толковал он, — двое мужчин из рода Аржиевых ограбили дом одного старика со старухой из рода Хуниевых. Старик был состоятельный. Я помню его дом — большой, кирпичный. И вот эти двое забрались ночью, заткнули хозяевам рты паклей, связали их и все подчистую унесли. Наутро люди их освободили. Старик, оказывается, узнал грабителей. Он возьми, да и скажи властям. Сделали обыск и нашли у Аржиевых вещи старика. Осудили двух Аржиевых, дали по пять или десять лет. Вскоре война. И они пропали без вести. Так вот за это Аржиевы имеют кровную месть к Хуниевым.

...Вышли из-за стола Иналуков и Мухти. Оба встали почти на середине круга. Иналуков рукой сделал знак в сторону Хуниевых. Те в сопровождении начальника милиции, председателя сельсовета и старика-муллы вышли в круг и остановились. Другую сторону подозвал председатель. Приблизились Аржиевы в сопровождении прокурора, заместителя начальника милиции, директора и секретаря парткома совхоза.

Та и другая стороны стали друг против друга на расстоянии растянутых в сторону рук Иналукова. Сопровождающие на шаг отступили назад и застыли в торжественном ожидании.

— Ради бога, ради всех пророков, ради всех ваших умерших, ради нашей нации, ради всех нас, присутствующих здесь... помиритесь сейчас, простите Хуниевым кровь ваших братьев,— взмолился Иналуков.

Мухти взял за руку старшего из Хуниевых и подвел его к Иналукову, а тот проводил его к старшему из Аржиевых. Здесь особенно большую бдительность надо было проявить сопровождающим. Чувствуя это, они насторожились, изменив свои обычные позы.

Наступил самый кульминационный момент. Хуниев виновато протянул руку Аржиеву и с полминуты держал ее вытянутой вперед. В толпе зашевелились. Заерзали и за столом. Забеспокоились сопровождающие, особенно со стороны Аржиевых. Ведь Аржиев не берет протянутую ему руку заклятого врага своего.

Наконец все вздохнули. Аржиев уступил. Он ради всего того, о чем просили его, сделал это одолжение сегодня. Он протянул руку. Обнялись.

Притихшая на этот миг толпа вновь зашевелилась. Стороны враждовавших объединились вместе. Иналуков и Мухти почти дуэтом обратились громко и торжественно к роду Аржиевых со словами глубокой благодарности от имени всех присутствующих, от имени самого аллаха, от имени народа.

К стр. 80

Официальная часть церемонии закончилась. Примирительная комиссия последовала за машиной директора совхоза. Остальные разошлись кто куда.

Иванов, Алиев с Адамом и Гапуром направились в школу, находящуюся рядом с клубом. Туда же собрались и все учителя, принимавшие участие в сходе; разговор, естественно, зашел о примирении кровников.

— Я считаю, — сказал директор школы, — что нехорошо, да и неположено нам здесь обсуждать действия наших руководителей. Это очень полезное мероприятие. В него надо только вдуматься.

— Вот именно надо вдуматься, — вскочил Гапур.

— А почему нам нелья высказывать своих мыслей по этому поводу? — почти одновременно возразил и Адам.

— Не горячитесь, — вмешался Алиев, — ведь вы обсуждаете не действия руководителей в конце концов, а высказываете свое мнение о новой форме работы среди людей. Такой сход проведен у вас впервые. А учителя в первую очередь ответственны за воспитательную работу во всем селе, а не только среди учащихся в школе.

— Вот я и говорю, — отступил уже директор, я и говорю, что мы не должны обсуждать здесь руководителей. Давайте лучше говорить об этой форме. Это другое дело.

Хороши все формы, вздохнул Иванов, глядя на Гапура и Адама, – которые способствуют воспитанию людей. Мне кажется, что сегодняшнее мероприятие заинтересовало всех. Вон сколько людей присутствовало — от глубоких стариков до детишек.

— Совершенно правильно, Виктор Петрович, — сказал директор. — Сегодняшнее событие сыграет большую роль в идеологической работе среди людей. Я еще не помню другого такого мероприятия, которое так бы заинтересовало людей.

— А я помню,— поднялся пожилой учитель. Где-то

в году двадцать третьем или двадцать пятом проводилось такое мероприятие в нашем селе. Я был тогда еще юношей, до сих пор не забыл, как старцы, которые мирили людей, с белыми чалмами на папахах, в длинных белых и черных одеяниях перед началом этой церемонии встали на зеленой лужайке и долго молились. Я и сейчас представляю это зрелище. Ребятишки долго еще подражали им — станут на той же лужайке и будто молятся. Гоняли их взрослые за это. Примирили старики так же, как и сегодня. Помню, было среди них и высокое начальство. Но оно, правда, не молилось.

— Нет, что бы вы ни говорили, это было очень трогательно, — не сдавался директор. — Некоторые плакали от волнения, когда кровников сводили, особенно, когда их благодарил Иналуков.

— Киясову, было видно, очень понравилось все это, — сказал еще кто-то. — Он все время сидел и кивал головой. А когда люди плакали, он тоже платком вытирал слезы.

— Хороши формы, — вспылил Гапур, — которые способствуют правильному воспитанию людей. Данная же форма с этой точки зрения исключительно вредна.

— Вот именно, — поддержал его Адам, — я то же самое хотел сказать. Очень вредное мероприятие в этом отношении.

— В каком? — удивленно посмотрел на него директор.

— В отношении правильного воспитания людей.

— Как это понять?

— А вот так, — не выдержал Гапур, перебив Адама, — во-первых, в нашей работе мы не можем взывать к помощи бога и всех святых, если воспитываем людей в духе марксистско-ленинского мировоззрения. Во-вторых, я в самом начале схода бросал реплики, смысл которых повторю и сейчас: в нашей действительности очень глупо и вредно звучат лозунги буржуазного национализма и панисламизма.

— А где ты их видел? — спросил уже зло директор.

— А вот где, — ответил Гапур. — Вспомните хорошенько, как обращался в самом начале один товарищ к собравшимся: «Люди одной маленькой нации, одной мусульманской веры». Это что? Это разве стимул для дальнейшего единения людей всех национальностей?

Гапур горячился. Он уже встал и вплотную подошел к директору школы. Тот, сам того не замечая, попятился назад.

— А этот провокатор, который с главным начальством подъехал, этот пройдоха, бандит и антисоветчик, как он обращался к людям? «Братья-мусульмане». Значит, вы с ним согласны, что вы и есть братья-мусульмане?

Будто очнувшись, Гапур отошел на свое место и сел, тяжело дыша.

— Красивое зрелище! — посмотрел он на директора. — Действительно, не хватало только одного — не вышли на лужайку и не помолились. Остальное все было так же, как и в те годы. В те годы это, может, имело какое-то объяснение, оправдание, потому что было время такое. Но и тогда не допускалось примиренческое отношение к религиозной идеологии. Заискивание перед религиозными «авторитетами», заигрывание с ними было несовместимо с пребыванием в партии. А сегодня налицо и то и другое.

— Ого! — будто обрадовался директор. — Ты уже далеко заходишь. Может, нам прекратить этот разговор?

— Не бойтесь, — вмешался Адам. — Мы не скажем, что вы осуждали начальство. Мы скажем, что это делали вопреки вашей воли.

— Давайте не будем продолжать здесь этот разговор, — попросил спокойно Алиев.

— А почему же не сказали, за что объявлена кровная месть Хуниевым?

И Гапур рассказал, что слышал.

— Откуда ты знаешь? — удивился Адам.

— Знаю, — ответил небрежно Гапур. — Да этих Аржиевых, которые объявили месть, сажать в тюрьму нужно было, а не просить, узаконивая тем самым их притязания. Да и где же в конце концов наши органы административной власти? Почему за угрозы, за объявление кровной мести они никого еще не привлекли?

Еще долго говорил Гапур, весь побагровев от волнения. Наконец он успокоился и обратился к Адаму:

— А почему ты не попросил слова?

— Я просил, — ответил тут же Адам. — Но мне его не дали.

— А... — вспомнил он, что говорил Алиев, — да там же выступающие были уже заранее подготовлены. Усман даже речи написал им.

— Помнишь, — улыбнулся Адам, — там один по слогам читал, читал свою речь, а потом махнул рукой, сказал, что он обещает работать лучше, а до этих кровников ему и дела нет.

— Да-да, — все дружно засмеялись.

— Это был наш передовой механизатор, — сказал директор школы.— Он не любит много говорить, тем более о том, чего сам не понимает.

— О, какой молодец, — сказал Гапур, — какой умный человек. Он не говорит того, чего сам не понимает. Этому правилу следуют не все.

Иванов с Алиевым переглянулись. Они поговорили о делах в школе, о нуждах молодых учителей, затем попрощались со всеми за руку и направились к выходу.

Вместе с ними вышли Гапур с Адамом.

По приглашению Гапура все четверо поехали к Султану. Тот оказался дома. За ужином опять вернулись к этой же теме.

— Я смотрел на Гапура, — засмеялся Султан, — и думал, что он вот-вот попросит слова, а его вместо того, чтобы дать слово, попросят из круга.

— Ты опять на своего конька, — сказал серьезно Гапур. — Мне-то не дали бы слова, это понятно. Я нездешний. А ты почему не захотел выступить? Опять считаешь, что это не твое дело, что твое дело только работать в бригаде?

— А я же знаю, — пожал плечами Султан, поглядев на Алиева, — как моего тракториста, что сегодня выступал, готовили специально. Директор сам повез его в райисполком и там зампреда целый день учил его произносить написанные заранее слова.

— Тебя-то не надо было готовить так.

— Но мне бы все равно не дали слова, — уже серьезно повторил Султан. — Ты это хорошо знаешь.

— А может, дали бы, — не унимался Гапур.

— Да что бы от этого изменилось? — спросил его уже громче Адам. — Что ты к нам пристал.

— Изменилось бы то, — ответил Гапур, — что люди поняли бы: не все и далеко не все находятся в плену старых традиций и далеко-далеко не у всех в почете такие шарлатаны, как Мухти и ваш сельский мулла.

— Подумаешь,— сказал Султан, — провели этот сход, как какой-то спектакль. Сотни людей думают правильно и правильно все это понимают.

— Но вы бы сказали там, что народ уже отмежевался от тех старых ненужных ритуалов, которые полны религиозного содержания, что он уже перерос эти формы и методы.

— Тогда бы, — засмеялся Адам, — сорвалось все это мероприятие.

— Вот именно, — ответил Гапур, — сорвалось бы. И вы бы этим самым оказали большую услугу всей нашей воспитательной работе среди людей. Тех бы, что стояли с левой стороны, в сопровождении того же заместителя начальника милиции, с санкции того же прокурора нуж-

но было отправить под арест. Секретаря парткома совхоза следовало выставить общественным обвинителем. Вот тогда было бы то, что нужно. Тех же, что справа стояли, унизительно сгибаясь перед теми идиотами, что вносят смуту среди людей, пытаясь оживить грязную кровь бандитов и грабителей, справедливо осужденных властью за грабеж и издевательство над их же родственниками-стариками, нужно было высмеять перед всеми людьми, как настоящих трусов. Вот тогда бы это мероприятие дало хорошие результаты.

— Ты прав, — вмешался Иванов. — Но это же надо делать.

— Вот в том-то и суть, что надо делать.

— Что надо делать, все знают, — сказал Султан. — Но пока получается, как у тех мышей, которые единогласно решили коту колокольчик повесить на шею, чтобы избежать его неожиданных нападений. Решить решили все. А кто именно повесит, такая мышь, говорят, еще не нашлась.

— Вот почему бы тебе это не сделать? — с иронией спросил Гапур Султана.

— А почему бы не тебе? — вопросом на вопрос ответил Султан тем же тоном. — Наверно, здесь потруднее, чем сову в землянке убивать.

Он рассказал Иванову и Алиеву историю с совой.

Иванов улыбнулся:

— Так вон с каких пор ты воинствующий атеист. Оказывается, у тебя даже кое-какие заслуги в этой области есть.

— Да-да, — подтвердил Султан, — воевать-то он вроде и воюет, но толку пока нет.

— С вами добьешься толка! — махнул Гапур рукой.

НАРОДНЫЕ — ЗНАЧИТ ТОЛЬКО ПРОГРЕССИВНЫЕ

— Но где же Зина? — поднялся Султан и подошел к окну. — Что-то она сегодня задерживается. Я ее предупреждал, что у нас гости будут.

— Не украдут, придет твоя Зина, — шутил Адам. — Мы без нее неплохо у тебя устроились.

— Меня скорее украдут, чем ее, — ответил Султан. — Я тоже беспокоюсь, как бы чего не вышло. Ведь нам тоже месть объявили за то, что сняли заведующего фермой, потом зоотехника и учетчика. Ко мне присылали со всех трех сторон, предупреждали, что мне придется когда-нибудь поплатиться за это. Я шучу с ними, говорю, чтобы они с Зиной разговаривали по этому делу, а не со мной. Они всерьез говорят, что с Зины не будут спрашивать, а спросят с меня как с хозяина этой «скотины».

— Так и говорили? — удивился Иванов. — Скотиной называли?

— Да-да, — ответил Султан, — так и говорили, что жена — это скотина и муж должен отвечать за ее поступки.

— А как на это Зина смотрит?

— Зина занимается своим делом.

— Ну а ты не боишься за Зину, ее не могут обидеть? — поинтересовался Иванов.

— Нет, — ответил вместо него Алиев. — По адату, считается позором мстить женщине.

— Это вроде и неплохо, — пожал плечами Иванов, — что нельзя мстить женщине.

— Это-то, с одной стороны, будто и неплохо, — раздумывал Алиев, — а с другой...

— А что с другой?

— С другой — то, что и это, казалось бы, неплохое основано на унизительном отношении к женщине. Нельзя мстить женщине потому, что она неполноценный человек, что, отомстив ей за обиду, нанесенную ею, мужчи-

на не рассчитается, так как, по шариату и адату, она неравноценна мужчине.

— Как? Я не понял, — переспросил Иванов.

— Проще говоря, — вмешался Гапур, — хозяина привлекают к ответственности за то, что его собака укусила кого-то. Ведь было бы смешно привлекать к ответственности собаку.

— Вот это меткое сравнение! — улыбнулся Алиев. — Именно по этому принципу поступают.

— Тошнит иногда от речей так называемых просвещенных мужей, — с серьезным видом сказал Гапур, — когда они, словно пытаясь в мусорной куче найти жемчужину, копаются в шариате и адатах и поднимают нечто похожее на ценность. И начинают кричать, что не так плохо все в адатах, что и по адату считалось позором обидеть женщину, мстить ей за что-нибудь и так далее и тому подобное.

— Один из таких мужей, — поддержал его Алиев, — сделал даже такое открытие. Он объяснил как положительное явление в своем начале то, что мужчина не может идти рядом с женой, что она должна идти на два-три шага сзади него.

— Как же он объяснил это? — насторожился Иванов.

— Было время, когда на каждом шагу горца подстерегала опасность, — начал рассказывать Адам с иронией. — Поэтому, чтобы сохранить жизнь жене и себе, он должен был идти впереди, предупреждая опасность, а жена шла за его широкой спиной.

— И груз она должна была нести, — подхватил Гапур, — а руки мужчины были свободны для того, чтобы в случае непредвиденной встречи с опасностью он без промедлений мог взяться за оружие и защищаться.

— Ну а эта опасность, — спросил Иванов, — не могла разве грозить сзади?

— Конечно, могла, — ответил с усмешкой Гапур. — Потому он жену и нагружал, чтобы в случае непредви-

денной опасности сзади она была бы как баррикада. Пуля-то не пробьет мешок муки или кукурузы и мечом его не достанешь через нее. Она у него была как бы буфером сзади.

— Ну вы и разложили теорию этих мужей, — смеялся Иванов.

— А как объясняют то, что в старину женщина могла остановить драку мужчин, сняв свою косынку и бросив ее между ними? — спросил Султан.

— Как объясняют, — повторил Адам, — как положительное объясняют, как факт того, что с женщиной считались.

— А ты, Гапур, что думаешь? — спросил Иванов.

— Я считаю, что это совсем не так, — ответил Гапур. — Женщина никак не могла считаться святой или священной, если ее можно было продавать, покупать, бить, избивать и даже убивать за непослушание, как гласит адат.

Женщина, бросая косынку, как бы заклинала дерущихся: «Да оденет женскую косынку тот из вас, кто не прекратит драку сейчас же», или, другими словами: «Да будет женщиной тот, кто будет продолжать». Вот и весь смысл этого обряда.

И вообще я считаю, что те, кто сейчас ищет в шариате, в адатах какие-то положительные традиции, обычаи, подобны тем, кто, топча под ногами прекрасные цветы нашей жизни, тянется за иссохшим листом репейника. И этим самым наносит вред воспитанию людей в духе красивых современных советских традиций.

— Ты, Гапур, всего прошлого не осуждай, — сказал Адам, — это ты уже впадаешь в другую крайность.

— Я никак не могу осуждать всего прошлого, — ответил Гапур, — хотя бы и потому, что все хорошее из прошлого впиталось в нашу жизнь подобно тому, как магнит из пыли притягивает ценные крупицы металла.

СУДЬБА СУЛТАНА И ЗИНЫ

За шумным разговором незаметно прошло часа два. Появилась Зина.

— А... гости! — сказала она. — Хороша хозяйка, приходит позже всех. Меня сегодня вечером к директору вызывали, — рассказывала она, снимая пальто в прихожей, — уговаривали, чтобы я согласилась перейти на должность экономиста совхоза. Говорят, что мне там легче будет и ребенок будет под присмотром. В общем, отказалась.

— А вы разве экономист? — спросил Иванов. — Вы же учитесь на зоотехника.

— А я так и ответила, — сказала Зина, возясь все в той же комнате. — Сказала, что я не экономист, а зоотехник, и то будущий. А они говорят: «Ничего, ты можешь быть и экономистом».

— Видимо, хотят избавиться.

— Да, — ответила Зина, — до вызова к директору ко мне приходила одна женщина и уговаривала и угрожала, чтобы я ушла с фермы. Кто они, я не знаю. Это еще не все новости. Вот и письмо сегодня нам кто-то подбросил.

Все обратили внимание на ее руки, которые, дрожа, развертывали бумагу.

Передав письмо Гапуру, она встала, прикрыла дверь в комнату, где сын занимался.

— «Ты без рода и племени, — читал Гапур, — зачем приехал жить в наше село? Порядочный мужчина не поедет жить к родственникам жены. Убирайся отсюда, пока здесь не убили тебя, твоего сына, не опозорили твою и так позорную жену. Мы сделаем с тобой то, что сделали с твоим отцом...»

— Письмо написано грамматически правильно, — заметил Гапур. — Нет ни одной ошибки. И почерк, видать,

ученический. Наверно, какой-нибудь злодей диктовал школьнику, а тот старательно выводил буквы.

— А вы сами нездешние родом? — спросил Иванов Султана.

— Нет, — ответил уже задумчиво Султан. — Я сюда приехал.

Его родное село было в другом районе, далеко в горах. Оказалось, что он с Алиевым из одного района.

— Кто-нибудь у вас здесь есть из близких родственников?

— Есть только дальние родственники Зины.

— А ваши?

— Моих здесь нет, — ответил Султан. — У меня близких родственников вообще нет, кроме тети, матери Гапура.

Виктору Петровичу хотелось узнать о родителях его и Зины, но спросить об их судьбе показалось неудобным.

— А родителей ни у меня, ни у Зины нет уже давно, — стал он рассказывать, словно прочитав мысли Иванова.

Отец Султана был коммунистом, работал в органах НКВД, вел активную борьбу с бандитизмом, конокрадством, грабежами. Он работал в нескольких районах, Еще до войны, когда Султану было только шесть лет, он погиб в перестрелке с бандитами в горах. Мать Султана вместе с ним переехала к своим родителям в другой район. Там она в сорок первом умерла. Десятилетний Султан воспитывался у ее старых родителей.

Сиротой росла и Зина.

Дед ее был своенравным человеком, ревнивым блюстителем всех законов шариата и адатов. Его упрямство обратилось и против дочери. Он решил выдать ее замуж за человека, который был вдвое старше ее, имел жену и детей. Известный в селе вор и бандит, он был близким родственником религиозного кумира отца. Девушку засватали за него. Никакие слезы и мольбы не смогли бы избавить ее от ненавистного замужества.

Но не подчинилась дочь воле отца и через несколько дней после сватовства тайком ушла с любимым человеком. Это был Зинин отец.

Жестоко обошелся бандит прежде всего с отцом непокорной дочери. Он разорил его дотла и вынудил покинуть родное село. Но это не удовлетворило его разбушевавшуюся злобу.

Вернувшись через год из тюрьмы, где он сидел за грабеж, первым делом он разыскал родителей Зины. Чувство мести не погасила и тюрьма.

Вечером, когда вернувшийся с работы отец Зины переступил порог родного очага, а мать ее подошла к нему, улыбаясь, с дочерью на руках, раздались выстрелы. Насмерть сраженные родители упали на пол. Когда прибежали соседи, чудом оставшаяся в живых двухмесячная девочка лежала в луже родительской крови.

Расстрел бандита и тех, кто ему помогал в этом злодействе, конечно, не вернул Зине родителей.

Ее также воспитали родители отца. Они заботились о ее образовании. Бабушка умерла, когда девочке было двенадцать лет. Дедушка довел ее до десятого класса и тоже умер.

Таким образом, Султан с Зиной были людьми почти одинаковой судьбы.

— А сейчас мы живем в этом селе,— закончил Султан свой рассказ,—хотя и считают, что мы без рода и племени.

— Смотря кто считает,— сказал Адам с оттенком обиды в голосе.— Вас здесь больше уважают, чем любого из коренных жителей этого села. Мне же это виднее. Вас не уважают завистники, те, которые привыкли урывать из народного добра, те, кто пытается еще держаться за отживающее. Основная же масса людей в селе вас уважает. Вся бригада просила, чтобы тебя, Султан, бригадиром поставили. Весь коллектив фермы не прекратил своих жалоб и просьб, пока Зину заведую-

щей фермой не назначили. Это говорит о том, что вас любят все, кого мы называем настоящими людьми. А отдельные людишки пусть беснуются. Они доживают свою жизнь.

— Правильно, — поддержал его Иванов, — я уже получил не одно такое письмо. В каждом требуют уехать отсюда, угрожают. Однажды даже в окно выстрелили. Но я и не думаю с ними считаться. Это мой собственный дом, так же как любого другого живущего здесь. Я и не обижаюсь и не печалюсь, потому что знаю, что это делают именно те людишки, у которых почва из-под ног уже окончательно уходит.

Иванов говорил внушительно, будто он знал душевное состояние и Султана и Зины. У них была своя обида — обида людей, у которых отняли право на счастливое детство, на улыбки и смех, на родительскую ласку и тепло.

— И меня не раз упрекали, — говорил Алиев, — что я не из этого района родом. Было бы обидно, если бы это говорили нам порядочные люди. Правда, иногда бывает, что и от, казалось бы, грамотного человека, от ответственного работника слышишь такое. Но это просто невоспитанный человек, карьерист и невежда.

— Это не все, — сказал Гапур, молчавший, пока они говорили. — Султану предъявили кровную месть.

Султан нажал под столом на его ногу. Он не хотел, чтобы узнала об этом Зина, не хотел, чтобы она еще больше расстроилась. У нее и так много было забот и переживаний в эти месяцы.

— Что еще? — одновременно спросили Зина и Адам.

Отступать было невозможно, и Султан рассказал эту новость.

Во время операции, в которой погиб отец Султана, группа работников НКВД окружила и арестовала нескольких бандитов. Это были матерые враги народа. Они грабили, убивали людей, поджигали колхозные дворы,

угоняли скот. И вот, спустя двадцать лет, наследники некоторых из них и объявили Султану кровную месть за то, что под руководством его отца арестовали их отцов, которых потом осудили и расстреляли.

— Один из пришельцев достал коран, — сказал Султан с холодной улыбкой, — и поклялся, что мой отец погиб не от пуль его отца, а его отец погиб из-за моего.

— Вы знаете этих людей? — спросил с возмущением Иванов. — Надо же их проучить в конце концов.

— Да, я обратился в органы, — сказал спокойно Султан, — но те не признались, что приходили ко мне, заявили, что первый раз даже слышат об этом.

— И что же дальше?

— А дальше то же самое. Прислали посредника, чтобы еще раз подтвердить свою месть.

— Обратился бы еще раз.

— Обращался. Опять отказались. Отказался и посредник. Сказал, что и знать меня не знает.

— А если еще придут? — спросил зло Гапур. — Опять будешь заявлять? Те откажутся. И так все время?

— Нет! — ответил твердо Султан. — На следующий раз я сам меры приму.

— Какие?

— Морду набью! — стукнул Султан кулаком об стол.

— Тебя посадят.

— Нет! Я откажусь, скажу, что знать ничего не знаю, — ответил Султан со злой иронией. — При бессилии некоторых работников наших органов разобраться в этой круговой поруке и вывести на чистую воду тех, кто мутит ее, обиженные сами становятся судьями таких неуловимых подлецов.

— Я думаю, — сказал спокойно Иванов, — вам на это не придется пойти. Органы разберутся в этом.

— Вы представляете, — стал горячиться Султан,— приходит к тебе человек, с виду порядочный, и начинает издалека о том, о сем. А потом выкладывает, зачем пришел. Он не предъявляет сам никаких претензий, он только говорит от имени тех, кто прислал его.

— А вот ему-то и дать бы, — вспылил Гапур, — чтобы больше никогда не посредничал!

— Интересно, — включился в разговор Адам, — почему на таких посредников нет статьи в уголовном кодексе?

— Видите, — ответил Иванов, — это ведь явление сугубо местного характера.

— Надо бы правительству нашей республики войти с ходатайством о том, чтобы нам здесь ввиду наших особенностей разрешили делать какие-то исключения, — сказал Алиев.

— Об этом стоит подумать, — поддержал его Гапур. — Вот дело об убийстве Абайдулы. Ведь все знают, что застрелил его не тот парнишка. Знают настоящего преступника. Но он на свободе. Знают все и того, кто является поджигателем и организатором этого грязного дела. Он тоже не наказан.

— Но ведь в течение года органы дознания и суда вновь и вновь возвращались к этому вопросу и ничего пока не выяснили.

— Сейчас говорят, что тот отказался от своих прежних показаний, — сказал спокойно Гапур. — Все-таки надеемся, что прольется свет и на это дело, каким бы сложным оно ни было.

— У меня никак из памяти он не выходит, — сказала Зина, и слезы показались у нее на глазах.— Он в жизни своей, наверно, мухи не обидел. Очень честный был парень, никаких шуток не понимал, настолько был прямой.

Долго сидели они в эту ночь. О многом говорили, спорили. В спорах, как говорят, рождалась истина, ко-

торую здесь все принимали близко к сердцу. Эта истина убеждала в необходимости действовать, а не перечислять все пакости, которые творят ревнители старины. Но последние пока не сдавались.

НЕ ОБОРОНЯТЬСЯ, А НАСТУПАТЬ

...От имени рода Аржиевых пришли ходоки к старшему из Хуниевых с заявлением, что они готовы в самом деле помириться, если будет, как положено, оплачена кровь их собратьев.

— Иначе, — следовало предупреждение, — никакого мира не будет. И в течение короткого времени мы, если даст аллах, возьмем кровь своих людей.

— Конечно, — говорили посредники, делая вид, что сочувствуют, — мы понимаем ваше положение. Десять тысяч на дороге не валяются, но обычай есть обычай. Не мы его устанавливали, и не нам его отменять. Все же нам думается, что Аржиевы должны удовлетвориться одной местью, то есть получить пять тысяч, а это тоже деньги.

— Что сказать? — пожал плечами старший из Аржиевых. — Если народ говорит так, значит, мы так и сделаем. Нам жить с народом, и мы народ послушаем. Сделаем то, что делают люди...

Во всех своих грязных посреднических делах самозванные судьи действуют от имени народа. Тысячи честных тружеников и не ведают, что иногда от их имени грязными руками совершаются злодеяния над людьми.

— Я пришел сказать вам, как думает об этом народ!

— Я пришел сказать вам, как решали эти дела наши отцы!

— Я говорю именем наших отцов! — заявляют обманщики, провокаторы, которые открыто живут среди честных людей и действуют, отравляя им жизнь. Их пря-

мо называют кхелахо, что значит — члены религиозного суда кхел.

Самой большой обидой считается для человека оскорбление его отца. Но разве не оскорбляют наших отцов отдельные люди, когда творят свои черные дела, ссылаясь на них. А нас это не возмущает. Разве могли наши отцы, которые, жизни своей не щадя, боролись со злом, допускать такие мерзости?

Прикрываясь высоким именем народа, эти отдельные люди пытаются обходить законы Советской власти.

...Пошли гонцы по всем селам, где живут родственники, дальние и ближние, с целью собрать у них деньги, сколько это возможно. Пошли и по базару, во всеуслышание объявляя, что такому-то прощается месть за крупную сумму, и прося бросить в протянутую руку кто сколько может...

Могут все. Материальное состояние каждому позволяет помогать тому, кто в этом нуждается. Но нужна ли такая «помощь»? «Помощь», губящая человека, толкающая его назад к пройденному этапу, поощряющая самый гнусный из пережитков прошлого — кровную месть!

Привлечь к ответственности, осудить строжайшим порядком тех, кто отравляет жизнь честным труженикам, кто пытается воскрешать проклятое прошлое — вот достойная помощь настоящему человеку.

...Собирается половина требуемой кровниками суммы. Половина докладывается из собственного кармана, своя семья лишается на время самого необходимого для жизни. Полная сумма отдается кровнику. Он теперь перестает быть кровником. Остаются в силе те рукопожатия и объятия, что сделаны при людях, ради бога, всех пророков, ради народа.

Прощением крови называется это. Почему это не называют так, как оно есть, — спекуляцией кровью или продажей крови?

— Советская власть — народная власть, запрещает

кровную месть, наказывает тех, кто возрождает ее. Но почему же даже честные люди иногда проходят мимо, когда на их глазах попираются законы этой власти? — спрашивает самого себя Гапур. — Во всенародный праздник превращается у нас день выборов народных судей. Голосуя за них, люди уверены в их справедливости, честности. Оно иначе и не может быть. Судья подчиняется только одному — самому справедливому в мире советскому закону. Только в соответствии с ним народный суд выносит приговор. Если кто не согласен с решением его, пусть обращается в инстанции, что повыше. Их несколько, вплоть до самого верховного органа власти нашей страны.

Но почему же появляются самозванные судьи? Кто их выбирает и кто им доверяет? Что лежит в основе их судейства? Шариат! Он уже давно отброшен народом. Но кто его вновь оживляет? Для кого? Вот вопросы, которые нужно обсуждать с людьми. Как благородна борьба с этим злом! — Эти мысли роились в голове Гапура всю дорогу, пока они с Ивановым и Алиевым ехали домой.

— О чем ты так задумался, Гапур? — спросил вдруг Иванов.

— О том, — спокойно ответил Гапур, — что наша борьба с пережитками прошлого пока носит такой, знаете, оборонительный характер. А они, эти Мухти и ему подобные, все еще живут, действуют и наступают. — Он резко повернулся к Алиеву. — Вы же видите все это, — сказал он с чувством досады.

Иванов слегка кашлянул. Он смотрел, чуть нагнувшись вперед, через лобовое стекло на извилистую, как змея, глубокую колею проселочной дороги. Казалось, будто он ведет эту машину, а не шофер.

— Вы правильно говорите, Гапур, — сказал Иванов, — пока мы тревогу бьем, те делают свои грязные дела...

Будучи непримиримыми к тому, что мешает людям, Алиев и Иванов еще не сплотили в единое целое действия всех организаций, которые в разных формах вели воспитательную работу среди населения района. Более того, они еще не создали такого актива района, который бы непримиримо боролся с остатками старой, отживающей морали и той небольшой группой, которая сбивала с толку отдельных легковерных людей. Были в районе кадры, которые видели вред пассивности в воспитательной работе. Они действовали. Но их действия ограничивались рамками партийных собраний и не доходили до широких слоев народа. И этим ловко пользовались Мухти, Юсуп-мулла, Абас и их духовные братья — воинствующие сектанты, спекулянты и тунеядцы. Их была горстка. Но она действовала, пользуясь разнобоем в воспитательной работе, ошибками в выборе форм и методов для ее ведения.

Впечатления, полученные от схода, еще больше обострили и без того критическое отношение Гапура к состоянию работы по атеистическому воспитанию людей в районе. Но, осуждая отрицательные явления с присущей ему энергией и прямотой, он еще не мог четко определить свою роль и участие в борьбе с ними.

ГАПУРА ПРИНИМАЮТ В ПАРТИЮ

И представить себя не мог Гапур чуть раньше таким, каким он выглядит на сегодняшнем партийном собрании, где коммунисты школы рассматривают его заявление с просьбой принять в партию.

— А что конкретно вы сами сделали для атеистического воспитания людей? — спросил его учитель-пенсионер.

— Сколько раз вы выступали с лекциями в коллективах трудящихся? — задал вопрос второй учитель.

— Резко критически относясь к состоянию этой работы, что вы конкретно предлагаете? — спросил третий.

Вопросы задавали еще и еще.

Крепко досталось Гапуру. Не пришлось на этот раз наступать, а пришлось оправдываться перед коммунистами. Даже рекомендующие не обошли молчанием те его недостатки, которые нельзя иметь члену партии. От былого задора, бравого вида у него сейчас не осталось ровно ничего.

Гапура единогласно приняли кандидатом в члены партии и тут же дали ему партийное поручение заниматься организацией научно-атеистической пропаганды среди учащихся школы, а также среди их родителей.

— Чем бесконечно проклинать темноту, — бросил реплику один из старейших учителей школы, — лучше зажечь хоть одну свечку.

«Дайте только время, — думал Гапур, глубоко вздыхая, — я буду все делать для того, чтобы эта работа была на должном уровне».

Гапур, конечно, знал, что некоторые и злорадствовали, когда его недостатки критиковали. Это те, которых он не раз разоблачал за дружбу с пережитками прошлого, за соблюдение отсталых традиций. Но он знал, что таких людей на собрании меньшинство.

— Ну что? — спросил его старик Сулейман, когда он вернулся домой. Было видно, что он ждал его прихода, переживал за него. — Приняли?

— Да, приняли, — ответил Гапур облегченно.

Старик долго вспоминал, как его принимали в партию, как это было трудно в то время. А Гапур все думал о сегодняшнем собрании, о том, что предстоит ему делать, выполняя первое партийное поручение.

«Прежде всего, — размышлял он, — атеистические знания нужны учителям, чтобы они могли быть умелыми пропагандистами».

«А как быть с теми, кто лицемерит, кто двурушничает, служит, как говорят, и нашим и вашим?» — спрашивал его внутренний голос.

Гапур вновь приобретал воинственный вид: «Разоблачать еще острее на партийном собрании. Доказать, что не место таким в коллективе учителей».

Гапур прохаживался по комнате, иногда останавливался, задумчиво глядя на фотографию молодого партизана Сулеймана с шашкой на боку и винтовкой за спиной.

Гапур как будто забыл, что это тот Сулейман, что сейчас находится в другой комнате. Он видел в его глазах прямой вопрос: «Я в твоем возрасте шел на смертный бой с врагами, которые находились тогда на каждом шагу. А ты как борешься? Против кого?»

«Конечно, — будто отвечал ему Гапур, — врагов в стране нашей нет. Но я, но я... — задумался Гапур, — ведь тоже борюсь. Моя борьба имеет значение. И не меньшее, чем стрелять прямой наводкой в живого врага».

Тут он вспоминал слова старого учителя, директора школы Асиева, что каждое новое поколение есть продолжение старшего и решает оно свою не менее сложную и трудную часть общей задачи. Он согласен с ним.

«Но, — думал Гапур, глядя на портрет, — это не значит, что я твое простое продолжение. Я новый человек, со своими методами и формами действия. Без них я вообще ничего не мог бы делать. Мне нужно еще знание жизни. Оно будет».

«Как же нет врагов? — слышался ему голос партизана. — Они еще есть. А кто же тогда Абайдулу убил? Правда, их совсем немного. Они не составляют класса. Но все же есть еще. И против них нужно бороться, и не только средствами воспитания, но и заслуженными мерами наказания».

Гапур остановился у окна. Он стоял несколько минут, бесцельно глядя на улицу.

«Ведь знаю я, знают многие, — зло подумал он, — что убийца Абайдулы на воле, что осудили не того, кого надо. Но что я сделал, чтобы помочь установить истину? Ничего!»

ЗНАКОМСТВО С ЛИЗОЙ

Вдруг незнакомый женский голос в коридоре оборвал его мысли. Мимо его закрытой двери кто-то прошел в комнату хозяев. Гапур прислушался. К нему изредка доходили звуки незнакомого голоса уже из той комнаты, но слов он не различал. Любопытство через полчаса привело его туда. В комнате находилась девушка. Он видел ее впервые. Это была племянница хозяйки. Никогда еще Гапур не чувствовал такой неловкости перед человеком, как в этот раз. Он вначале будто попятился, затем пробормотал что-то невпопад и остановился перед нею как завороженный. Этот миг показался ему целой вечностью. Наконец он пересилил себя и, пройдя поближе к старику, сел около него. Лиза улыбнулась, поглядев на тетю.

— Я пойду, — сказала она, — в обед вернусь.

Гапур тоже поднялся.

— Я, кажется, помешал, — пробормотал он робко.

— Нет-нет. Просто я в комиссии военкомата, и там меня уже ждут, — объяснила Лиза.

Она ушла. Гапур посмотрел на старика, на старуху, будто на что-то жалуясь им, и снова сел.

— Из Грозного ее прислали. Неделю она будет у нас жить, — с гордостью говорила старуха. — Молодых людей в армию она будет отбирать.

— Да что ты там, — махнул рукой старик, — кого она отбирать будет? Военкомат это делает. А она врач. Здоровье проверяет.

— А что же я говорю? — рассердилась старуха. — Если она не скажет, что здоров, то не возьмут в армию. Это я слышала и раньше.

— А то она одна здесь врач! — продолжал старик.

— Одна не одна, а таких мало, — возражала мужу хозяйка. — Шесть лет училась после десяти классов.

— И другие тоже учились, — не уступал старик.

Из этой несерьезной перебранки супругов Гапур понял, что Лизу на неделю прислали сюда из города для участия в медицинской комиссии по осмотру призывников в армию.

Задавать вопросы, уточнять о ней что-то показалось Гапуру неудобным. Но каждое слово, сказанное о девушке, он ловил почему-то с жадностью. Из немногого, что сказала о ней хозяйка, Гапур будто представил всю ее жизнь. Он даже не столько хотел знать о ней еще что-то, сколько жаждал вновь увидеть ее. Гапур встал и ушел в свою комнату. А в ушах все еще звенел негромкий голос Лизы, перед взором возникал ее образ. Он посмотрел на часы. Только час прошел, а он уже скучает и ждет ее. Почему? Он сам не мог дать себе отчета. Чувство, охватившее его, было новым, незнакомым. «Какое мне дело до нее?» — думал он, а сам все поглядывал на часы, отсчитывая время, оставшееся до ее прихода.

— Гапур, пора обедать, — зовет его хозяйка.

«А как же она?» — спрашивает внутренний голос.

Он идет медленно, прислушиваясь к звукам по улице. Нет, шагов не слышно. Уже два часа. А ее все нет.

— А Лиза не придет? — покраснев, спросил Гапур и чуть не споткнулся о низенький стульчик, стоявший у печки. Секунды, что прошли до ответа хозяйки, ему показались целой вечностью, вопрос свой показался глупым.

— Придет — покушает, — небрежно бросила старуха, — почему ее должны ждать?

Гапуру иногда подавали есть отдельно. И на этот раз его усадили за стол одного.

— А вы что ж? — спросил он.

— Мы уже пообедали.

Гапур ел без аппетита, спешил.

— Куда спешишь? — спрашивала хозяйка. — Выходной ведь день, отдыхай лучше.

— В его возрасте, — вмешался старик, — какой выходной! Все делается в эту пору второпях. Кажется, будто хочешь время обогнать.

— Такой же был в юности мой брат младший, — сказала старуха, с улыбкой глядя на Гапура, — отец вот этой Лизы.

Она с удовольствием рассказывала о нем, вспоминная разные эпизоды из его жизни в молодые годы.

Гапур с таким вниманием слушал ее, будто это открывало ему что-то важное, чего он всю жизнь ждал. Он проникался к этому человеку чувством уважения, хотя и не видел его никогда.

— А где он сейчас? — спросил Гапур.

— В Грозном остановились, — ответила старуха. — Два сына не захотели жить в районе. Они у него какие-то инженеры. Говорят, здесь им нет работы. А третий очень хочет сюда. Он строить мастер.

— А Лиза? — спросил Гапур.

— Лиза должна быть там, где родители и братья. Она у них единственная дочь.

— Э... — протянул Сулейман, который лежал на своей кровати, перелистывая журнал с картинками. — Какое это имеет значение — одна она у них или много. Она не вечно же с ними будет жить.

— До того, пока не выдадут замуж, — ответила решительно старуха.

— «Не выдадут», — улыбнулся старик, — говори лучше — пока не выйдет. Это первое. А второе, сейчас не то время, когда девушек на привязи держали родители. Сейчас их не удержишь.

— Надо держать, — повысила голос старуха, — чтобы не было беды. Девушка не считается порядочной, если далеко отлучается от своего дома.

— Э... — повторил старик с улыбкой и присел, опустив ноги в калоши, — какая ты бедная! Вот уже сорок лет не могу тебя образумить. Если бы все рассуждали так, как ты, то в нашем крае еще была бы тьма неграмотных. Первыми учителями здесь были русские девушки. Они за тысячи верст ехали сюда. Здесь среди людей, из которых редко кто знал русский язык, жили эти учительницы и учили детей. Они выучили и твоего брата, кем ты хвалишься, и многих, многих других.

— Не знаю, — махнула рукой хозяйка, — но мне так кажется. Девушка должна быть в доме отца, пока она не уйдет в свой дом.

— Хорошо, что у тебя их нет, — пошутил старик. — Несладко им было бы у такой матери.

— Бог не дал, — вздохнула она.

— Потому он и не дал.

Мимо окошка промелькнула тень. В коридоре послышались чьи-то торопливые шаги. Распахнулась дверь. Лиза обняла тетю и чуть не закружила ее.

— Наверно, скоро будем вместе, — сказала она, погладив ее по плечу. — Главврач района уговорил меня переехать сюда. Здесь я нужнее, чем там, в Грозном. Здесь не хватает врачей, особенно моей специальности.

Старуха посмотрела на нее удивленно, но промолчала.

— Ну вот, — сказал старик, моргнув при этом Гапуру, — только что она хотела привязать ее к поясу отца или матери.

— Я не поняла, — смотрела Лиза то на Сулеймана, то на тетю.

— Вот так оно, старуха, — кивнул старик головой, — отстала ты от жизни. Времена не те сейчас. Женщины хорошо уже умеют пользоваться своими правами.

Лиза еще не совсем понимала, к чему идет такой разговор.

— Я очень мечтала поехать куда-нибудь далеко-далеко и поработать там несколько лет, — сказала она, — очень хотелось мне на Север. Отец не возражал. Но потом подумала: раз здесь, в республике, не хватает врачей по моей специальности, то зачем мне ехать куда-то, и решила остаться.

— О боже! — воскликнула Хани. — Правда, я будто слепа. Несколько лет назад не было такого, чтобы девушек отпускали из дому в такую даль.

— Ты как будто проспала эти годы, — сказал старик.

— Да ты меня тут закрыл, в этих четырех стенах, а сам везде ходишь, — злилась уже старуха.

— Детей у тебя много, забот много, некогда тебе среди людей бывать, — ехидно улыбнулся старик.

— Ты один заменишь десять детей и многих других, — говорила старуха. — За тобой не успеваю ухаживать.

Еще несколько минут продолжалась шутливая перебранка супругов.

Тем временем Гапур украдкой несколько раз взглянул в лицо Лизы. Он боялся встретиться с ее глазами — почему-то стеснялся.

— Я пойду к себе, — поднялся Гапур.

— Посидите, — сказала Лиза.

Но Гапур ушел, чтобы не мешать Лизе обедать. Он прилег на своей кровати в маленькой комнатке и закрыл глаза. «Посидите», — вспомнились ему слова Лизы. За короткий миг он словно увидел ее в родительском кругу, где отец, мать и братья не отнимают у нее права на выбор дороги в жизни, а только советуют. Она сама решает свою судьбу. Вот и сейчас — захотела здесь работать и будет.

Гапур представил ее на Крайнем Севере: сквозь мороз и пургу на оленьих нартах ездит она, Лиза, единственная дочь родителей и сестра трех братьев, оказывая

помощь людям. Она изучает этот край, язык и обычаи его людей. Они любят ее, везде она желанная гостья.

— Долг платежом красен, — улыбнулся Гапур.

Сердце забилось чаще. Он вспомнил рассказы старого Сулеймана, и директора Асиева, и многих земляков о том, как в те далекие годы, в первые годы Советской власти, русские девушки приезжали в наш край, чтобы лечить и учить его людей — отцов, матерей нынешнего поколения.

«Трудно им было, — звучали в памяти слова старого партизана. — Бандиты нападали из-за угла, пугали их. Но они не думали отступать, они знали, что народ будет им вечно благодарен».

«Да, в неоплатном долгу мы перед первыми учителями, врачами, что, покинув родных и близких, во имя счастья людей и его личного счастья, испытывая тяжести и лишения, принесли сюда свет, образование и культуру. Кто они? Как их звали? Найти бы этих людей и в каждом районе большими золотыми буквами увековечить их имена. А Лиза и сотни и тысячи таких, как она, теперь готовы пойти по их стопам, ехать туда, где труднее».

И Гапур вновь увидел Лизу там, среди северян.

«А я? — подумал он вдруг. — А тысячи парней — специалистов разных профессий? Мы тоже можем поехать туда, где труднее, где мы нужнее».

И на Севере крайнем, и на Востоке дальнем, и на Юге знойном, и в Сибири — всюду, всюду можешь трудиться и этим самым так же, как и здесь, а может быть, даже больше служить и своему народу. Ведь он — маленькая частица нашего великого народа. И счастье его одинаково куется в каждой точке нашей страны.

Когда Гапур вернулся в комнату хозяев, Лизы уже не было. Старик все еще продолжал спор со старухой. Она любила Лизу, но была недовольна ее решением переехать сюда работать.

— Мне она не мешает, мне даже лучше, если девушка будет жить здесь у нас, — говорила старуха, — но я бы не хотела, чтобы она уезжала от своих родителей. Хорошо ли, плохо ли будет, пусть у себя дома, на глазах своих родителей и братьев. Мне здесь некогда за ней следить, да и стара я уже. И она такая, что не очень будет слушаться. Если что с ней случится, то мой брат не с тебя, а с меня спросит.

Старик сидел, улыбался, глядя то на нее, то на Гапура.

— Не хочу я, чтобы она была здесь! — решительно заключила старуха.

— Она будет здесь, если даже ты этого и не хочешь, — вдруг разозлился Сулейман. — Тебе нечего за ней следить. Такие, как она, плохого не делают. Скорее опозорятся те, кто на родительских шеях сидит под тремя замками. Они жизни не знают, и при удобном случае их могут быстрее обмануть. А такие, как Лиза, имеют свои головы, которые получше, чем твоя, разбираются в хорошем и плохом.

СОЛИХ И ХАШПОКО

В эту минуту отворилась дверь в коридоре.

— Эй, можно войти? — раздался грубоватый голос.

— Смелее входите! — Сулейман соскочил с кровати и быстро подошел к двери, в которой показались две высокие мужские фигуры. Он поздоровался и обнялся с гостями. Хозяйка ласково смотрела на вошедших. Ее глаза увлажнились.

— Скоро, скоро ты собрался сестру старшую проведать, — говорила она с мягким укором. — Умерла бы — хоронить бы не приехали.

— Я знаю, — отвечал тот громко, — что с таким джигитом, как Сулейман, ты двести лет проживешь. Вот возвратились, устроились, дом купили, все привел в порядок, тогда и решил приехать. Теперь я могу здесь с тобой быть целый год.

— Конечно, — продолжала сестра, — своя семья ближе. А я тебе нужна была... — Она не докончила — Сулейман перебил ее.

— Разговорами людей не накормишь, ты готовь покушать. Лиза только что ушла, она работает в комиссии.

— Одну отпускаешь! — все же не выдержала и упрекнула сестра.

— А что, на уздечке ее водить нужно? — нахмурил брови Солих. — Двадцать третий год уже. За шестнадцать лет учебы научилась же она, как нужно вести себя.

Старуха торопилась приготовить ужин, стучала посудой, суетилась.

— Я помог, — продолжил Солих, — всем четверым встать на ноги, вывел в люди, показал, что плохо, а что хорошо. Теперь каждый из них самостоятельный человек. Они отвечают сами за свои дела. Я не собираюсь никого из них за руку водить.

— Ладно, — махнул рукой Сулейман, — оставим это. У вашей сестры все еще старые взгляды, мы целый день сегодня об этом говорим.

— А ты знаешь, что она сюда собирается приехать работать? — все же спросила она у брата.

— Нет, — ответил тот спокойно. — Она ничего нам не говорила. Но пусть работает здесь.

— Да что это у вас там, — возмущалась сестра, — каждый себе хозяин, что ли? Как вы их воспитали? Ты, по-моему, там не занимаешь положения хозяина.

— Гм... — заскрипел стулом второй гость. — Об этом и я ему не раз говорил.

То был Хашпоко — двоюродный брат хозяйки.

— Так бывает тогда, — ответил Солих, — когда спокоен за свою семью, когда знаешь, что они идут по правильному пути.

Он посмотрел вокруг себя, остановил взгляд на Гапуре, стоящем около двери.

— Чей это парень? — спросил он.

— Элберда, — ответил Сулейман, — учитель он здесь.

— Элберда, Элберда, — почесал тот затылок. — А... знаю.

— Ну как же тебе его не знать, — улыбнулся Сулейман. — Мы с ним не раз тебе разные поручения давали. Шустрый ты был парень. Хороший комсомолец. Огонь, горящий огонь.

Солих тепло отозвался об отце Гапура, расспросил о их семье, живы ли, здоровы те или другие его знакомые из мест, где отец живет.

— Астопирила![1] — вмешалась хозяйка, все еще возясь у печки. — В далекой Сибири, говорит она, хотела жить, куда-то еще далеко, говорит, собиралась, где на оленях и собаках ездят.

— Ты все еще о своем. Вот такая она, эта ваша сестра, — обратился Сулейман к гостям. — Сидит в этой норе, не выходит и ничего почти в жизни не знает.

— А куда ты меня из этой норы когда-нибудь выпускал? — улыбаясь, отвечала хозяйка.

— Вот так, — сказали разом братья, — теперь и ответь ей. Ты и виноват, что наша сестра жизни не видела — держишь ее взаперти. Она только то и знает, что успела узнать в отцовском доме, до замужества.

— Давайте, давайте оставим этот разговор, — шутил Сулейман, вытирая платочком влажные от радости глаза, — а то мы можем далеко зайти. Я могу обвинить еще кое-кого. Выдали из вашей семьи за меня самую негра-

[1] Астопирила — знак удивления.

мотную. Я что мог с ней сделать, когда она такая всю жизнь была.

— Если бы все такие были, как я, — смеялась хозяйка.

— Все бы пропало, — отвечал хозяин. — Да, — с восхищением обратился он к Солиху, — светлая была голова у вашего отца. В те тяжелые годы сам днем и ночью не покладая рук работал, а двух сыновей своих в институт отправил назло всем, кто кричал, угрожал всякими карами за обучение детей. В то время людей, получивших высшее образование, у нас мало было. Я очень завидовал вашей семье. Мой же отец от меня отказался за то, что я вступил в комсомол, служил в продотряде, у кулаков хлеб отнимал. «Да не родится такой сын, что руку поднимет против своих, — только и шептались люди, когда видели меня, — родившись, да погибнет сын, поднявший руку на отца».

— Знаю, — посмотрел на него Солих внимательно, будто видел впервые, — тяжело тебе было. Зато ты многим подал пример, как нужно бороться за бедноту, за человеческие права.

— Кому из нас тогда легко было? — махнул рукой Сулейман. — А разве ты, Солих, мало страдал?

ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЯ ПРАВДЫ

— Сейчас, — вздохнул Сулейман, — когда слышишь иногда по радио или прочтешь в газете хвалебные речи и статьи о тех, кто больше мешал Советской власти, чем помогал, или же лицемерно приспосабливался к ней, просто места себе не находишь, думаешь, куда же это там начальство смотрит. Ты ведь, Солих, человек образованный, старый коммунист, тебе известны эти люди, так почему ты не пишешь, что это ложь? Почему не напишешь о том, кто они были на самом деле?

— Пишу, писал и писать буду, — ответил решительно Солих, — иначе разные негодяи могут всю правду перевернуть.

— Зачем это делать? — пожал плечами Хашпоко.— Пусть бы побольше писали о вайнахах. Пусть думают другие народы, что у нас много было хороших людей.

— Другие народы не хуже нас знают, — ответил Солих, — что у нас и у всех других много было хороших. Они знают и должны знать и то, что были среди нас и плохие и что мы тоже боролись за счастье свое, изгоняя из нашей среды врагов трудового народа.

— Зачем о своих писать как о врагах? — вновь возразил Хашпоко. — Нас, чеченцев и ингушей, и так какая-то горсточка.

— Ты, Хашпоко, — возмутился Солих, — всегда был безразличен ко всему, лишь бы сам был сыт и одет. Ты никогда и не задумывался над тем, кто свои и кто чужие.

— Никогда не могут быть нам своими такие люди, как... — Сулейман перечислял людей по именам и фамилиям. Большинство из них Гапур слышал впервые. Некоторых он знал по книгам и по рассказам отца, Сулеймана и многих других. А несколько человек он знал даже лично.

«Как же так, — думал Гапур, — почему старые коммунисты не расскажут молодежи подробно о том, что было? Почему они сообща не напишут книгу воспоминаний? Если сейчас уже потомки тех чужих для народа людей пытаются спрятать концы в воду и обелить своих предков и родственников, то что будет потом, когда не станет очевидцев?»

Гапур внимательно слушал разговор двух коммунистов и все больше понимал, что такое классовость, классовый подход к явлениям.

— Сейчас же нет никаких купцов, кулаков, — продолжал противоречить Хашпоко. — Зачем вы ищете их среди наших людей.

— Их самих нет, — сказал зло Сулейман, — но остался хвост.

— Кое-кто из их потомков пытается некоторые старые порядки ввести в нашу жизнь. Они продолжают испытывать старую ненависть к нам и пытаются вредить там, где это возможно.

— Да что там, — возражал Хашпоко, — еще в те годы всех их убрали, а вы все еще думаете о них.

— Было это месяц тому назад, — начал рассказывать Солих. не обращая внимания на возражения Хашпоко. — Ко мне пришел тот самый Увайс, помнишь, Сулейман, в традцатых годах он работал в райфинотделе. Боевой был коммунист, не боялся вести борьбу с купцами и кулаками.

— Истинный коммунист, — подтвердил Сулейман. — Я год работал с ним в органах. Никто не мог его испугать. Хороший товарищ для людей труда.

— Переехал жить в Грозный, — продолжил Солих,— пришел ко мне, говорит — хочу еще работать.

— Как? Он намного старше меня. Он должен быть на пенсии, — удивился Сулейман.

— Он персональный пенсионер. Но захотел работать. Это дело его. Я предложил ему свои услуги. Хорошо зная Маисова, повел Увайса к нему, чтобы тот помог ему устроиться на подходящую для его возраста работу. Но когда увидел Маисов Увайса, в лице изменился. А я ничего не пойму. Разговор не получается, хотя тот и пообещал помочь и даже позвонил в комбинат, рекомендовал на какую-то должность. Мы приехали на тот самый комбинат. А там в отделе кадров пожимают плечами. Оказывается, при нас он рекомендовал принять Увайса, а когда мы ушли, позвонил и предупредил, чтобы не принимали.

Увайс мне тогда и рассказал, что он в те годы сам лично раскулачил отца Маисова, который имел в селе огромные магазины с наемными продавцами, был самым

крупным богачом в том районе и злым врагом Советской власти.

— А как же, — робко спросил Гапур, — разве там не знают, что он сын такого богача и антисоветчика? Неужели, кроме него, больше некого выдвинуть на такую ответственную должность?

— Может, и не знают, — ответил Сулейман, — они обычно меняли фамилии свои.

— Бог с ним, — махнул рукой Солих, — чей он сын, лишь бы вел себя хорошо. А он, видишь ли, сейчас у власти и хочет сводить счеты за отца-кулака.

— В том-то и дело, — сказал Сулейман, — и я замечаю, что почти все потомки разных богатеев пытаются это делать. К счастью, не всегда им это удается.

Наступила пауза. Хозяйка накрыла на стол, извинившись, что все приготовлено на скорую руку, пообещав, что попозже подаст хороший ужин. Она вышла, позвав за собой Гапура. Во дворе поймала большого индюка и попросила зарезать его.

Гапур впервые видел ее такой радостной, веселой. Она рассказала ему коротко, что это ее брат, младше ее на два года, что он был на больших работах в разных районах и в Москве учился. Гапур не раз до этого слышал о Солихе много хорошего. Все говорили, что он очень честный, справедливый, принципиальный коммунист.

Когда Гапур вернулся в комнату, там продолжался оживленный разговор.

Все были увлечены рассказом Солиха о том, как некоторые местные руководители в тот ответственный период, когда нужно было проводить генеральную линию нашей партии по ликвидации кулачества как класса, двурушничали, оказывались в плену своих родственников и шли на поводу у кулачества и духовенства.

Солих вспоминал, как эти руководители притесняли честных людей, которые не мирились с их проделками. Он называл имена тех работников, которые во многом

были виновными в том, что вплоть до Великой Отечественной войны не все классовые враги среди чеченцев и ингушей были изъяты. Они оставались в народе и делали все, чтобы дезорганизовать людей. Перед началом войны и во время ее они организовывали антисоветские выступления отдельных групп несознательных людей и убивали честных работников, грабили колхозы. И после этого не избавили трудовой народ от этих отщепенцев, которые, ловко используя пережитки прошлого среди отдельных людей, прятались за их спины.

— Сейчас они, — говорил Солих, — как жалкие трусы, скрываются от тех, кто их знает, присосались к теплым, доходным местечкам. Они пытаются заразить молодежь, навязать молодым кадрам свой стиль. Иногда им это и удается — сбить молодых работников с правильного пути, привить им самую гнусную черту руководителя — национальную ограниченность, национальный эгоизм, всепрощенчество, круговую поруку.

Солих рассказывал о многих способах, которые применяют они для влияния на молодые перспективные кадры.

— Вплоть до выдачи за них своих самых красивых дочерей, внучек, племянниц, — говорил Солих.

Он назвал несколько ответственных работников первых лет Советской власти, которые женились на дочерях отъявленных врагов народа и потом в продолжение всей своей деятельности виляли в главных вопросах. Их опутывали родственными узами, на них давил весь груз адатских пережитков. Из руководителей они постепенно превращались в помеху на пути дальнейшего продвижения народа. И тогда они отбрасывались с дороги. Но и там, у обочины, о них спотыкаются сейчас некоторые молодые работники...

«Как много знает человек», — думал Гапур, восторженно глядя на него. И вдруг всплыло в памяти воспоминание детства: отец рассказывает кому-то из взрослых

о сильном и смелом человеке, советском работнике. Теперь Гапур решил, что это был рассказ именно о нем, о Солихе. Так ли это? Он спросит у отца.

Гапур позже узнал, что отец Солиха был кадровым рабочим. Он участвовал в революционном движении в Грозном и Владикавказе, и сыновья пошли по его пути, стали революционерами.

В двадцатых годах Солих был послан на учебу в промакадемию в Ленинград. В характере Солиха сочетались передовые революционные черты русского рабочего класса и лучшие черты своего народа. И это сочетание делало его самым близким и дорогим человеком для трудовых людей. У него было много друзей разных национальностей. Сейчас он уже на заслуженной пенсии. А уважение людей к нему велико.

И когда он недавно вернулся в Грозный, его встречали друзья не только из чеченцев и ингушей, но и русские, и украинцы, и осетины, и армяне, и кабардинцы. Он переписывается вот уже десятки лет с друзьями из Ленинграда, бывает у них. Те приезжают к нему.

Каким серым и безликим казался Гапуру Хашпоко по сравнению с Солихом и Сулейманом! Они примерно одного возраста, может быть, Сулейман года на два старше их.

«Но почему же так, — думал Гапур, когда слушал их, — братья двоюродные, и выросли в одинаково бедных семьях, и образование у обоих высокое. Но отчего же у них разные взгляды на жизнь?»

Ответ он получил позже, когда узнал, в какой среде воспитывался Солих.

Лишь интернационалист может быть человеком, любящим народ. Только черты интернационалиста могут открыть человеку широкий простор и вывести за ворота собственного дома.

«Но кто же из них все-таки больше воплощает черты национального характера? — спрашивал Гапур и сам

себе отвечал: — Конечно, он — Солих! Истинный характер вайнахов все-таки слагается из тех черт, которыми обладает Солих, а не Хашпоко».

Гапура долго еще мучило одно заявление Солиха в споре с Хашпоко. Доказывая, что все они, руководители того времени, виноваты в том, что дали национальным авантюристам сбить с правильного пути многих людей из своей национальности, не подняли народ на борьбу с ними и не добились их изоляции, он сказал, что нынешнему поколению вайнахов надлежит искупить вину за оплошность времени, в которое не было проявлено достаточной решимости, не были взяты за руку те антисоветчики, что прятались за ширму таких вредных обычаев, как круговая порука, мусульманское братство. Им удалось ввести в заблуждение часть людей, в то время как другая часть — абсолютное большинство народа — честно исполняла свой патриотический долг на фронтах Отечественной войны и в тылу.

Все мы знали их, — говорил он, — только делали вид, что не знали. Все мы видели их, только отводили глаза, будто не видим. Мы в этом виновны перед своим народом. Он имеет право не прощать нам этого, несмотря на все наши прежние заслуги.

— А если мы, зная, будем прикидываться незнающими, созерцая, будем притворяться, будто не видим того, что еще нам мешает, — твердо решил Гапур, — мы будем виновными перед народом, мы тоже оставим свои грехи будущему поколению.

На другой день Гапур долго рассказывал Асиеву о слышанном им разговоре. Тот знал Солиха. Хорошо отозвался о нем, рассказал несколько эпизодов из его деятельности на партийной, государственной работе. Он вспомнил имена многих старых коммунистов, сила которых состояла в том, что они всегда были верны интернациональным революционным традициям. Он называл их учениками Кирова, Орджоникидзе...

ДУМА О ДРУГЕ

Гапуру дали квартиру в новом учительском доме.

— Что-то тебе у нас не понравилось, — говорил Сулейман, не желавший, чтобы тот жил отдельно. Но он одобрил желание Гапура забрать к себе родителей.

— Эта чертовка заставляет его уходить от нас, — ворчала хозяйка. — Ему неудобно у нас оставаться, если она переедет к нам.

— Я буду часто наведываться к вам, — объяснил Гапур. — Мне было у вас очень хорошо. Но раз мне дают квартиру, то, наверно, не стоит от нее отказываться. Может, родителей уговорю переехать.

— Может быть, жениться собираешься,— улыбнулась хозяйка. — Пусть невестка мне подарки как свекрови сделает. Я тебя считаю своим сыном.

Гапур покраснел. Почему-то в эту секунду ему вспомнилась Лиза, и он непроизвольно произнес:

— А Лиза здесь ни при чем. — Он готов был провалиться в эту минуту. Дрожащим голосом, запинаясь, еще больше краснея, он добавил: — Я не из-за нее ухожу, она не виновата, я не потому, что хочу ей комнату освободить.

Старик со старухой переглянулись, многозначительно улыбаясь.

— Ничего, ничего, — сказала Хани, — тут недалеко, будешь приходить, а то кто же там тебе кушать будет готовить.

Все трое пошли смотреть новое жилище Гапура. Комната, кухня, коридор — целая квартира.

— Если отец с матерью не переедут, — шутил Сулейман, — то весной в этой квартире должна быть свадьба. Я сам за это дело возьмусь. Хватит, надо семьей обзавестись. Все хорошо в свое время, — заключил он.

Гапур молчал, избегая встречи со взглядом Сулеймана.

— Ладно, довольно, — говорила старуха, — он и так весь в краске. Это посмотрим. Он сам знает, что делать.

Старик облокотился на подоконник и о чем-то глубоко задумался. Старуха Хани и Гапур притихли, ожидая, что он скажет.

— Как быстро время летит, — вздохнул он, — кажется, что все это было недавно. Всего лишь два-три десятка лет прошло. А как все изменилось. — Он вдруг посветлел, еще раз обвел взором квартиру и с минуту молчал, тепло улыбаясь.

— До чего вам легко сейчас, — повернулся он к Гапуру. — Трудно было тем специалистам, которые приезжали сюда тридцать лет назад! Они и мечтать не могли о таких условиях, как у вас.

Сулейман вдруг помрачнел и вновь задумался.

— Федором его звали, — медленно начал он вспоминать. — Как сейчас вижу его. В двадцатом году совсем юношей приехал учить детей и взрослых. Он моложе меня был, но я и многие другие учились у него. Их было несколько парней. Очень много работали, всегда были веселые. Никогда не жаловались, что трудно. А им угрожали, их пытались убить всякие бандиты из кулачья. Но они не боялись. Я и мои друзья очень любили их. Федора я больше всех уважал. Мы потом, по нашему обычаю, стали с ним настоящими братьями. Боевой был парень.

— А что с ним стало? — спросил робко Гапур.

Старик вздохнул. Он сразу не ответил, а после короткой паузы продолжил:

— На сотни любых других не променял бы. Его сердце было полно любви к нашему народу. Он людей различал не по национальности, а по их достоинству, по делам. Всегда был вместе с бедными, ненавидел кулаков, спекулянтов, которые на шеях людских сидели. Он против них смело выступал. И меня он научил этому и многих таких, как я, научил различать своих и чужих. На ответ-

ственный участок его направили потом. Мы с ним вместе работали. Он был большим начальником. Сколько лет с тех пор прошло, а мне кажется, что он рядом со мной. А родители его жили в Ростове. Как ни тяжело ему было здесь, он все равно родным домом своим считал эти места. На время перевели его в другой район для борьбы с восставшим кулачьем.

Старик вдруг прослезился. Вытирая глаза платком, он дрожащим голосом сказал:

— Больше не суждено было мне его увидеть. Погиб он вместе с несколькими коммунистами от рук бандитов.

Сулейман тряхнул головой, словно прогоняя минуту слабости, выпрямился, лицо сделалось решительным.

— Когда увидел я его родителей, услышал разговор отца в день похорон сына, я понял, где истоки преданности Федора рабочему делу. Отец сказал, что растил сына для борьбы за счастье народа, что он десять сыновей не пожалел бы для этой борьбы. Он был старейшим большевиком, прошел «школу» царских ссылок. Сын был у него единственный. Почему я это сейчас рассказываю? Вспомнил, как пришел я в его комнатку, которую получил он только в последний год жизни. Долго сидели мы с ним, шутили. О женитьбе говорили, мечтали о многом. Рано ушел из жизни, — вздохнул он. — Но мне все эти годы кажется, что он вот-вот должен появиться. Все еще не верится, что его нет.

Старик еще долго рассказывал о нем, о других парнях и девушках, приезжавших в аулы из далекого центра, о трудностях, которые они здесь испытывали, о мужестве и стойкости их.

— Я их не знаю, — сказала, обращаясь к Гапуру, прослезившаяся старуха, — но думаю, что если там, на том свете, есть рай, то эти люди раньше всех туда должны попасть. Так много хорошего он рассказывает о них.

— В сердцах порядочных людей должна навсегда сохраниться память о них.

— Пусть никогда не светлеет лицо тех, кто забудет этих людей, какой бы они ни были национальности и веры, — подхватила Хани.

— Чем дольше живешь, тем больше думаешь о тысячах борцов за счастье, — сказал Сулейман, — тем тяжелее становится на сердце оттого, что не увидели они этого счастья, за него они погибли, оставив его нам.

Они стояли у широкого окна и смотрели на улицу.

— Клянусь вам, — прервал Гапур молчание, — что хорошо понимаю вас, что я и сотни и тысячи моих сверстников тоже не жалеют своей жизни, чтобы не только сохранить это счастье, но и дальше укреплять, увеличивать его.

— Сулейман, — обратилась к мужу Хани, — через год, наверно, и Лизе дадут такую квартиру.

Старик улыбнулся и многозначительно моргнул Гапуру:

— Может быть, она и раньше заимеет такую квартиру.

Гапур покраснел. Опытный глаз Сулеймана подметил и эту деталь. Он добавил:

— Я думаю, что это будет скоро. Она достойная девушка...

НЕ БОЯТЬСЯ ТЕНЕЙ ПРОШЛОГО

В субботу Гапур приехал к Султану. Он беспокоился за друга — ведь люди, объявившие ему кровную месть, могли пойти на все. Переживал Гапур и за Зину, которой приходилось нелегко. Руководить крупной молочнотоварной фермой и преодолевать постоянные нападки и угрозы бывшего завфермой и других сокращенных и освобожденных по ее предложению — это и не каждый мужчина вынесет. Гапур не сомневался в их стойкости, в том, что и Султан и Зина не из тех, кто отступает перед труд-

ностями. И все же он уже подряд вторую субботу приезжает сюда, чтобы быть рядом с ними, поддержать их.

— По-прежнему пытаются напугать меня, чтобы я ушла оттуда сама, — рассказала Зина. — Старик этот поджидает меня часто — то уговаривает, то угрожает. Вчера он встретил меня, просил, чтобы взяла его на ферму, хотя бы учетчиком. Говорю, что нет на ферме такой должности. Эту работу выполняет старшая доярка. Предложила ему: может, старшим дояром пойдешь, мы, мол, скоро приобретем механический доильный аппарат. А он рассердился и отвечает, что не станет дояром даже тогда, когда ими станут все мои предки до седьмого поколения.

Зина расхохоталась и рассказала, как она его до смерти напугала тем, что, расстегнув фуфайку, опустила руку во внутренний карман, чтобы достать его паспорт, случайно найденный на ферме среди бумаг, и отдать ему. Как позже выяснилось, ему показалось, что она достает наган или же нож и хочет напасть на него. Об этом он в тот же день заявил в сельский Совет, послал заявление директору совхоза, в парторганизацию.

Ее допрашивали, взяли от нее объяснение.

— Когда я это рассказала, на ферме все так смеялись. Доярки говорят: «А мы не знали, как от него избавиться. Вот так бы и надо было его отпугнуть от фермы». Ко мне он больше не подойдет. Теперь он нашел слабое место и Султана атакует.

— Любая собака, — говорил Султан, — больше нападает, если она видит, что на нее обращаешь внимание, тем более, если ее боишься. Действительно, собачий закон у этих проходимцев.

— А что, вам объявили месть? — спросил Гапур с серьезным видом.

— Конечно, они ведь по этому закону живут, — махнул рукой Султан. — Но их предупредили органы власти. А я им сказал, что не только не боюсь их, а, наоборот,

буду сам искать виновников убийства отца, и если найду, то обнародую их имена.

— Конечно, — повеселел Гапур, — народа они боятся. Иначе бы зачем им украдкой к тебе пробираться? Но только непонятно одно: почему мы к нему, к народу-то, не обращаемся побольше? В народе есть много еще таких, которые и сознательно и несознательно поддерживают их. Но в целом-то народ понимает вред этих пережитков.

КОГДА ДЕТИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ОТЦОВ

Гапур задумался. Он представил целый базар, с сотнями людей. Среди них иногда ходят, побираясь, хорошо одетые, состоятельные, известные многим мужчины. Они во всеуслышание заявляют, что собирают деньги заплатить кровнику. Не было еще такого случая, чтобы там, на базаре, схватили их за руку и пристыдили за трусость, обвинили в том, что они действуют в обход законов. Своими мыслями Гапур поделился с друзьями.

— Это получается так не потому, — ответил Султан,— что все люди на этом базаре их поддерживают, а потому, что одни, даже из тех, кому чужды эти обычаи, просто проходят мимо. Вторые считают, что им неудобно во всеуслышание выступать против векового обычая кровной мести. А третьи, самые малочисленные, в душе одобряют их действия, считают, что так и должно быть, что потомки должны отвечать за действия предков. А в общем-то все так или иначе способствуют живучести страшного порока.

— Если бы мы придерживались обычая кровной мести, — сказал Гапур, — пришлось бы с многих спрашивать за антинародную, антисоветскую деятельность их предков, однофамильцев. Хасана бы растерзали по закону кровной мести за злодеяния его деда и отца. Ведь

не мстит же им народ за это. Те злодеи ответили за свои проделки, а потомкам их открыт путь к добрым делам, к счастью.

— Да, — ответил Султан, — но ты был прав, когда говорил, что все-таки тех бы, чьи отцы были известными антисоветчиками, крупными бандитами, не нужно было возносить, создавая им незаслуженный почет. При равных способностях нужно бы больше считаться с теми, чьи родители заслужили у нашего народа уважение и почет.

— Надо подумать, — размышлял вслух Гапур. — Конечно, здесь надо поглубже разбираться. Вот, например, наш директор школы. Его отец, как мне недавно стало известно, был участником антисоветского мятежа в двадцать девятом году. А сын его, наш директор, тогда был уже комсомольцем, преданным Советской власти человеком, и он сам помог органам власти схватить отца, скрывающегося у кого-то. Они с ним даже перестреливались во время подавления мятежа. В таких случаях сын не отвечает за отца. Но если сын был сознательным, уже взрослым человеком, видел злодеяния отца и не пресекал их, поддавшись сыновнему чувству, то, конечно, такой сын заслуживает презрения.

— Ты хочешь сказать, что все чувства нужно отбросить в таких случаях? — спросил Султан.

— Да, — ответил Гапур, — я хочу сказать, что когда речь идет о деле нашей партии, о судьбе народа, то все должно быть подчинено одному — верности этому делу.

— Я не знаю, — вступила в разговор молчавшая до этого Зина, — мне, наверное, нелегко понять чувства людей к собственным родителям, но мне кажется, что человеку трудно идти против отца или матери.

— Да, трудно, — согласился Гапур, — но для настоящего человека не должно быть трудностей, непреодолимых во имя целого народа и партии.

— Я никогда не пойду против папы и мамы, — раздался голос их сынишки из другой комнаты. Оказывает-

ся, он внимательно слушал весь разговор и теперь высказал свое мнение. Все трое переглянулись, засмеялись.

— Думайте, как хотите, — вздохнул Гапур, — мне кажется, что в нашей действительности, при наших особенностях домашнего воспитания, когда внушается, что все действия старших правильны и не подлежат обсуждению младших, что родители, какие бы они ни были, пусть даже самые отъявленные бандиты, всегда должны считаться священными, что их нужно беспрекословно слушаться, вот в этих условиях нужно широко популяризировать бессмертный образ героя Павлика Морозова, воспитывать наше подрастающее поколение на его примере быть непримиримым к недостаткам, быть таким же преданным нашим идеалам.

— Не знаю, — вновь пожала плечами Зина, — я не представляю, чтобы наш сын мог пойти против своего отца, против Султана.

Она поднялась и закрыла дверь в комнату сына. Султан сидел, улыбаясь.

— Я не мог бы быть таким, — сказал он, — чтобы собственный сын должен был идти против меня.

— А Султан... а Султан... не стал бы таким, — повторил Гапур. Но было видно, что он не то хотел сказать. На самом же деле Гапур хотел спросить, как бы отнесся Султан к своему отцу, если бы он был предателем. Не было никакого сомнения, что сам Гапур отнесся бы к своему отцу в таком случае как к предателю.

ТРУДНЫЙ ВОПРОС

В длинную осеннюю ночь долго еще говорили они о разных вопросах жизни, быта, работы. Все разговоры сводились к одному: нужно быть смелее, ведь прямые и смелые действия лучше, чем всякое виляние и шушукание.

Гапур заметил, как изменился характер Султана. Из пассивного созерцателя он уже превратился в самого активного, смелого борца против религиозных пережитков, испытав их вред на собственной жизни. Это радовало Гапура. В Зине он видел также смелого борца против них.

А потом Гапур почему-то решил рассказать им подробно о Лизе, которой они и не знали, о которой до этого и не слышали. Но Гапура это не смущало, просто ему хотелось говорить о девушке, о ее отце.

— Как бы мне ее увидеть, — сказала Зина, — уж очень ты ее расписываешь. Вот приеду в район, специально зайду в больницу.

— Ты думаешь жениться на ней? — спросил Султан.

Этот лобовой вопрос застал Гапура врасплох. Он сам не отдавал отчета своим чувствам.

— Не знаю... да нет... Я ее еще мало знаю... И она меня тоже, — запинался Гапур. — Я не потому рассказывал о них, я говорил, что есть у нас такие семьи, такие смелые девушки.

— Ты теперь не крути, — улыбнулся Султан, — я на этих днях поеду к твоим родителям, к брату и расскажу, что у тебя появилась уже девушка и что они могут действовать.

— Что значит действовать? — спросил Гапур.

— Сватов послать к отцу ее, в Грозный, — ответил Султан. — А то ты не знаешь, как действуют.

— Ты с ума сошел! — вскочил Гапур. — Или ты шутишь! Как можно сватов посылать к родителям девушки, которую я всего лишь два-три раза видел и с которой у нас не было разговора о женитьбе, о сватовстве?

— Это не обязательно, — сказал Султан, — лишь бы девушка тебе нравилась.

— Но я не знаю, — пожал плечами Гапур, — нравлюсь ли я ей и нравится ли она мне настолько, чтобы сейчас же думать о женитьбе.

— Но когда-нибудь надо же тебе решить этот вопрос?

— Надо, — ответил Гапур, — но не с такой спешкой, как ты думаешь. И вообще, Султан, ты сам бы так не поступил, как предлагаешь мне.

— Как?

— Да так вот. Еще не знаешь ее хорошо. Не знаешь, нравишься ли ты ей. И вдруг сватов. Ты же сам недавно осуждал наших молодых людей, что женятся на девушках, которых увидят всего лишь раз-другой. А Зина не одобряла девушек, которые выходят замуж за незнакомых по совету родителей или по их велению. Сколько недовольства мы высказывали в адрес родителей, что отдают замуж своих детей, не интересуясь их чувствами?

— Я и сейчас на том стою, — ответил Султан, — а когда вы узнаете, любите вы друг друга или нет? И как вы это здесь узнаете?

— Бесполезный разговор, — махнул рукой Гапур, — давай лучше спать...

Но ему не спалось. Перед глазами стояла Лиза, которую действительно он знал еще совсем мало. Он вспомнил семилетней давности рассказ Султана о том, как они поженились с Зиной. «Знали друг друга, вместе работали, в кино ходили тоже вместе, на танцах, в клубе бывали. Нет-нет, да провожал ее домой».

А нам как друг друга узнать? Здесь, по обычаям, не положено быть с девушкой наедине нигде и никогда. В клуб с ней ходить нельзя. А провожать или встречаться — тоже избави бог. Работать вместе никак не можем. Как быть? Как узнаешь друг о друге.

Гапур ворочался, вздыхал. Ему казалось, что вся его постель — сплошной муравейник. Он был готов хоть сейчас поговорить с Лизой о том, как быть. Но как и где поговорить?..

В понедельник, оставшись один в учительской, Гапур несколько раз пытался поднять телефонную трубку, позвонить в районную больницу, а там кого-нибудь попро-

сить, чтобы позвали Лизу. Но долго не решался. О чем говорить? И все же, пересилив себя, он поднял трубку, и на другом конце провода оказалась та самая Лиза, о которой он все эти дни думал, при удобном случае говорил о ней другим, которая вчера всю ночь не выходила из его мечтаний.

У Гапура словно захватило дыхание, когда он услышал ее голос. Сердце забилось тревожно. Во рту будто пересохло. После приветствия он спросил о здоровье Сулеймана и тети Хани, затем об отце.

— Все хорошо, — ответила Лиза, — а где же вы потерялись? Что же не приходите проведать стариков? Они обижаются на вас. Правда, тети нет дома. Она к нам в Грозный дня на три-четыре поехала. Все равно приходите.

— Приду, сегодня же приду, — вырвалось у него непроизвольно.

— Приходите, я жду, — сказала Лиза и положила трубку.

Гапур еще несколько минут держал трубку у уха, затем внимательно посмотрел на нее, будто видел первый раз. А в ушах все еще звучали слова «приходите, я жду».

Странное чувство охватило Гапура, когда открылась дверь и навстречу с улыбкой вышла Лиза, как гостеприимная хозяйка приглашая его в комнату, где на жесткой кровати у окна, поджав под себя ногу, с книгой в руках сидел Сулейман. Увидев Гапура, он поднял на лоб очки, отложил на подоконник книгу и попытался встать ему навстречу. Гапур быстрым шагом подошел к нему, попросил не вставать и сам сел рядом с ним.

— Что же это ты ушел и уже целых десять дней тебя нет? — начал расспрашивать старик. — Где это ты питаешься? Хани переживает. Был ли дома, у отца?

Сулейман смотрел на него так внимательно, будто изучал, не изменился ли Гапур с тех пор, как он видел его последний раз. От его мудрых глаз не мог ускольз-

нуть даже мгновенный взгляд Гапура на Лизу, которая в тетином фартуке хлопотала у печки.

Если бы Гапура спросили, о чем на этот раз разговаривал с ним Сулейман, которого он так любит слушать, то он бы не ответил. Он скорее мог бы целый час говорить о каждом движении Лизы, а будь он художником — мог бы и нарисовать целую галерею картин с ее образом в центре.

— Давайте ужинать, — пригласила она их к столу, который, как показалось Гапуру, был накрыт в миллион раз лучше, чем в самом образцовом ресторане, хотя на самом деле на нем было собрано почти то же, что и обычно в этом доме, только с той разницей, что мясо было сварено вообще без соли и галушки к нему были полусырые. Гапуру показалось, что именно так и нужно. И мясо без соли оказалось вкуснее. Галушки тоже должны быть полусырыми. Но не такого мнения был Сулейман. Однако «на вкус и цвет товарищей нет». Гапур готов был до утра есть, лишь бы не вставала из-за стола Лиза. Он готов был обнять и вечно благодарить Сулеймана за то, что, вопреки старым адатам, тот посадил Лизу за стол, тем более с человеком, чужим для нее. Сулейман казался ему лучше всех на свете. Гапур даже простил ему то, что он внес свои изменения в столь искусно приготовленные Лизой блюда.

После ужина кто-то постучался в дверь. Сулейман поспешил навстречу гостю. Лиза ушла в свою комнату. И Гапур не обиделся на хозяина, когда он вежливо попросил его пойти за ней, так как у них с гостем «свое дело».

— Я очень хотел прийти, — сказал Гапур, не глядя на Лизу.

— А кто не пускал? — ответила та.

— Я несколько раз пытался позвонить, — продолжал он несвязно.

— А что, телефон не работал? — спрашивала Лиза.

— Хорошо в этой комнате, — говорил он, не отвечая на вопросы Лизы.

— У вас хуже? — улыбалась она. — Могу уступить вам ее, могу поменяться.

— Вам одной нельзя там жить, — невпопад говорил Гапур.

— Почему? — удивилась Лиза. — Я могу жить одна даже в дремучем лесу.

— О, какая смелая!

— Вот такая я и есть! — сказала Лиза.

— Сегодня, кажется, хорошее кино, — сказал Гапур, увидев на подоконнике билеты и заметив, что Лиза поглядывает на часы.

— Да, — ответила Лиза, — могу пригласить. У меня два билета. Подруга не идет.

— В кино с удовольствием, — ответил Гапур.

И они пошли в кино, а вернувшись, сразу заметили, что старик не в духе. Молча сели они в разных концах комнаты и смотрели на него, ожидая, что он скажет.

— Совсем обнаглели, — произнес Сулейман.

Гапур с Лизой переглянулись. Гапур готов был в эту минуту провалиться от стыда. Лицо покрылось румянцем. Лиза неподвижно сидела в той же позе ожидания, только напряженная улыбка застыла на ее бледно-розовом лице.

И ЖЕРТВА ВИНОВАТА

— Какая наглость! — повторил Сулейман уже с чувством возмущения, глядя куда-то в сторону. — Что это за люди!

— А что здесь такого? — не выдержала наконец Лиза. — Мне никогда отец не запрещал ходить в кино со знакомыми ребятами.

Гапур молчал.

— Ты о чем? — спросил старик у Лизы, подняв на нее удивленные глаза.

— Здесь нет никакой наглости, — продолжала Лиза. — Я могу с кем мне угодно пойти в кино и поехать куда угодно. Я знаю себе цену, имею голову. Я думала, что вы не такой отсталый, как моя тетя.

— О каком кино, о каких ценах, головах ты говоришь? — холодно улыбнулся старик. — Я возмущен разговором с только что приходившим соседом.

— А я думала, — села Лиза около старика, — что вы рассердились за то, что я пригласила Гапура в кино.

— В кино? — Старик ласково положил руку на плечо девушки. — Правильно, что приглашаешь, хотя это должен был сделать Гапур. Побольше бы среди горянок таких, как ты. Не было бы позорных случаев хищения невест и еще многого другого, — заключил старик.

— А что? — спросила Лиза. — Вы считаете, что в хищении девушек виноваты и сами девушки?

— Да, считаю, — ответил старик, — так оно и есть. Все свое поведение еще с детских лет они строят так, чтобы казаться слабее мужчин и зависеть от них во всех делах. Но я не об этом сейчас.

Сулейман посмотрел на Гапура, кашлянул и начал возмущаться.

— Эти жулики обнаглели до того, что пытаются травить самых честных людей, все хотят взять в свои руки, хотят запугать всех, чтобы не мешали им делать свои черные дела.

Старик на минуту замолчал. Гапур с Лизой с нетерпением ждали продолжения.

— И этот старый дурак, — сказал он, назвав соседа, — пришел с таким делом ко мне. Теперь я уверен, что он больше не только ко мне, но и к другим по таким делам не пойдет.

— А что случилось? — спросила Лиза.

— Ничего особенного, — все возмущался Сулейман, — но просто непонятно, когда же эту сволочь уберут, когда они дадут людям свободно жить.

— Еще на наш век, говорят, этой дряни хватит, — махнула рукой Лиза.

— Кто-то из тех, а может быть, и все, — продолжал старик, глядя внимательно на Гапура, — о ком плохо говорилось в твоей статье в газете, прислали этого дурака будто бы спросить у тебя, что ты и твои предки имеют к ним и к их предкам. Прислали они его передать: если что-то имеешь против них, то, мол, готовы они ответить за это, а если нет, то ты должен ответить перед ними за то, что критиковал их в газете — ведь за эту статью кого-то из их родственников сняли с работы.

Гапур изменился в лице.

— Почему вы не дали ему со мной поговорить? — спросил он настойчиво старика и решительно направился к двери.

— Гапур! — остановил его старик. — Ты никуда не должен ходить по этому делу. Я здесь сам хорошо справился. Им я передал все, что нужно, а главное, что ты их нисколько не боишься, что будешь еще рассказывать о них так, как они этого заслуживают. А этому дураку тоже досталось крепко. Теперь ты напиши в газету и про то, что они присылали к тебе посредника, хотят запугать тебя. Пусть узнает народ о них побольше. Другим способом их не проучишь. Не пойдешь же с ними драться.

Гапур остановился, задумался, хотя ему очень хотелось тут же, сейчас же пойти к посреднику, к тем, кто его прислал, сказать им, что никогда не боялся и не боится их, что он будет и дальше разоблачать таких, как они.

— Я знаю, — успокаивал его старик, — что они не на того нарвались. Все бы давали им такой отпор.

— А я с вами согласен, — сказал Гапур старику, возвращаясь к разговору о похищении девушки. — Я то-

же считаю, что никогда не украдут ту, которая сама ценит свое человеческое достоинство.

— Но это не совсем так, — возразила Лиза. — И разумную девушку может постичь это несчастье. Несколько злодеев могут подкараулить, насильно увезти девушку, надругаться над нею, несмотря на то, что она высоко ценит свое человеческое достоинство. Здесь играет роль физическая сила.

— И все же не стать невестой этого злодея она может при любых условиях.

— Это правда, — сказала Лиза. — Я считаю, что такая жертва, согласившаяся после всего стать женой того изверга, достойна всеобщего презрения. Такие и поощряют неразумных мужчин идти на подобные преступления: куда, мол, она денется, согласится, коль окажется в наших руках. Я считаю, что такая женщина и сама виновата в своей судьбе...

Гапуру не хотелось расставаться... Но время уже позднее, надо торопиться домой.

— Будь все же осторожнее, Гапур, — сказала Лиза, выходя за ним на порог.

От этих слов вновь потеплело у него на душе.

«Значит, я ей не безразличен», — думал он, шагая по темной улице села. Радость от встречи с Лизой перемешивалась с все возрастающей ненавистью ко всему, что дышало злым духом прошлого.

— Действительно, — признавался себе Гапур, — ограничиваясь одними разговорами о необходимости решительной борьбы с пережитками прошлого, мы только еще больше возбуждаем аппетит тех, кто поддерживает, распространяет это зло среди людей. Мы только подливаем воду на их мельницу.

Гапур хорошо понимал: вся наша жизнь работает над искоренением того, что мешает счастью людей. С октябрьских дней семнадцатого года жизнь нашего общества не-

отступно идет вперед, ломая вековые отсталые взгляды и утверждая новые, прогрессивные. Каждая веха нашего движения знаменует собой торжество разума советских людей.

БОЛЬШЕ СМЕЛОСТИ!

Гапур долго не мог уснуть. Он многое вспоминал, многое продумывал. Вспоминал он рассказы отца, как в далекие годы его юношества обычными были сельские новости о том, что кто-то кого-то ударил, кого-то убили, какую-то девушку украли и многое другое. Все это было «буднями» безвозвратного прошлого.

Но почему сейчас есть в советской жизни такие явления, как кровная месть, унижение женщин, национальная неприязнь и другие? Кто их сеет? Почти все люди их осуждают, почти всем они мешают жить. Даже тем, кто сегодня творит эти вредные дела. Какая же сила к ним влечет этих людей? Сила привычки, сила вековых традиций, насажденных духом того времени. Веками их называли народными, хотя они были направлены против народа. Истинно народные, благородные традиции, возникавшие в гуще народа, подавлялись злыми законами злой эпохи.

За полвека новой жизни — жизни созидательного труда и самой отчаянной и тяжелой борьбы за защиту этой жизни от ее многочисленных внешних и вутренних врагов — наши люди навсегда освободились от векового гнета нищеты и бесправия. Достигли того, о чем лишь в сказках в ту пору мечтали. В нашей жизни, где каждый человек имеет свое определенное место, обществу небезразлична судьба каждого. Принцип «Все за одного, один

за всех» обязывает не быть безразличным к вредным явлениям и к тем, кто их порождает.

Сегодня ничто не может оправдать ревнивых приверженцев религиозной морали.

Когда директор школы читал для родителей лекцию о причинах существования пережитков религии в нашей стране, и в частности в данном районе, Гапур в душе не соглашался с ним во многом.

— С одним только я согласен, — сказал он Асиеву, когда они оказались вдвоем. — Наша слабая работа по атеистическому воспитанию людей, робость в раскрытии вредной сущности религиозных пережитков, в разоблачении тех, кто в угоду себе насаждает их, — вот главная и основная причина существования этого зла.

— А влияние извне? — спросил Асиев, пуская через нос струйку голубого табачного дыма.

— Это тоже, конечно, причина, — сказал Гапур, — но она зависит от главной. Если вообще не будет у нас почвы для произрастания семян ядовитой пропаганды буржуазии, то пусть себе воют со всех концов, все равно никакого влияния оказать они не смогут.

Асиев улыбался, глядя на Гапура. Он любил с ним спорить потому, что видел в нем решительного и смелого пропагандиста, настоящего борца против отживающего. Он ценил в нем эти качества и старался помочь ему обрести более спокойный тон, систему борьбы, без которых те хорошие качества ничего путного не дадут для дела...

Гапур развернул районную разету и удивился, будто не веря своим глазам, еще и еще раз перечитывал фамилию автора статьи. Это была Лиза. Статья «Черные тени прошлого» появилась через неделю после того, как к Гапуру прислали человека для объявления ему мести за его критику в печати и на собраниях.

Это было первое смелое выступление горянки в этом районе с разоблачением тех, кто, сознательно прячась

в тени прошлого, пытается мешать людям в их нормальной жизни.

Раскритикованные распространяли в селе слухи, что это не она написала статью, ее просто заставили подписать написанную кем-то другим. Но эти домыслы исчезли после того, как Лиза с острым разоблачением поборников пережитков прошлого выступила на районном слете девушек. И с этих пор среди большого числа населения, и особенно среди девушек, Лиза стала как бы тем образцом, на который надо равняться, чтобы пользоваться своими правами в жизни, вопреки муллам и сектантским вожакам, пытающимся сохранить унизительное положение женщин.

Лиза образно рассказала на слете о том, как некоторые, даже просвещенные, мужчины только на словах признают равноправие женщин.

— Вот я была одной из трех представительниц женского пола, которые присутствовали на районном торжественном собрании, посвященном Дню Конституции, — говорила она, — а в зале было полно мужчин. В президиуме — одни мужчины. Мы втроем сидели, притаившись, в уголочке. Докладчик хорошо говорил о наших достижениях. Не обошел он и вопроса о равноправии женщин с мужчинами. Осветил его с таким подъемом, что вызвал даже аплодисменты.

Делегатки слета заулыбались, и кто-то из девушек даже вставил реплику:

— Доклады есть, слова есть и аплодисменты есть, а женщин на собраниях еще почти нет.

А Лиза продолжала:

— Отдельные руководители произносят зажигательные речи о том, что нужно снять с пути женщин те преграды, что ставят ей сектанты, муллы и некоторые даже руководящие кадры. А самих не увидишь со своими женами ни в кино, ни на улице вообще.

Гапур не был на слете, но он слышал от многих, как хорошо и смело выступила Лиза. Дождавшись выхода районной газеты с материалами слета, он вчитывался в каждую строчку ее выступления.

Лиза в отличие от Гапура воспитывалась в семье, где отец-коммунист был самым активным борцом против всех и всяких темных сил. Мать Лизы жила по законам новой жизни. Она не только не пыталась придерживаться старых адатов даже для видимости, как это делают жены некоторых руководителей, чтобы их не осуждали известные в селах сплетницы, но как могла и где только могла выступала, критиковала тех женщин, которые, получив от Советской власти равные права с мужчинами, не используют их...

В семье Лизы всегда было многолюдно. Отовсюду, где раньше работал отец, приезжали гости разных национальностей. С детства ей было привито чувство интернационализма. В отличие от некоторых семей здесь никого из друзей и знакомых не называли ни русским, ни чеченцем, ни осетином, а называли только по именам. Все домашнее воспитание и затем студенческие годы сделали Лизу свободной от всяких пережитков религии, национализма. До последнего времени она не замечала их вреда, не задумывалась над тем, что не должна быть в стороне от борьбы с ними. Лиза не была специально подготовлена для борьбы с пережитками прошлого. Но сама свободная от них, получив хорошее воспитание и образование, столкнувшись со злом, она не могла обойти его. Вместе со многими другими она взялась за острую борьбу с ним.

А здесь Гапур ее заинтересовал своим наступательным и твердым характером. Сулейман немало рассказал о своем жильце — молодом учителе, о его характере. В отделе райкома по работе среди женщин его считали смелым пропагандистом. Однако видели и его недостатки — горячность, торопливость и даже некоторую кичли-

вость, браваду своими смелыми выступлениями.

— Гапур и еще несколько хороших ребят, — говорила заведующая отделом райкома, — крайне воинственно настроены против пережитков прошлого, но ведут борьбу с ними пока в узком кругу.

После паузы она добавила:

— Но этот недостаток временный. Гапур и многие другие становятся стойкими пропагандистами нового, борцами против того, что встает на нашем пути. С его характером, настроением и умением убедительно говорить он будет в центре нашей борьбы с отсталыми привычками.

Лизе понравился откровенный разговор с ней в райкоме партии. Она была здесь впервые. Правда, в райкоме комсомола Лиза чувствовала себя своей. Она здесь выполняла несколько общественных поручений. И главное — была внештатной заведующей отдела по работе среди девушек-горянок.

Через несколько дней Лиза пришла к секретарю райкома Алиеву и с нескрываемой гордостью положила ему на стол два листка мелко исписанной бумаги. Секретарь райкома с интересом прочитал.

— Так это же здорово, — сказал он, поднимая глаза на Лизу. — И эти девушки не боятся своих родителей?

— Нет! — заявила Лиза решительно. — Они стоят горой за свое счастье — чего же здесь бояться?

— «Наше счастье в наших руках», — уже вслух прочитал Алиев.

— Вот так именно и думают сейчас те десять девушек, которые вместе со мной сочинили это открытое письмо в газету и подписали его. Так думают тысячи других горянок. Мы просто взяли на себя смелость выразить их думы.

Письмо не могло не затронуть души людей. Девушки обращались к своим сверстницам с призывом покончить

с ложным стыдом, заявить, что они больше никому не позволят играть собой, решать за них, когда и за кого им выходить замуж, никогда не допустят, чтобы за них брали калым.

— Это не бунт дочерей против своих родителей,—сказала Лиза твердо.—Это открытое заявление о праве самим решать свою судьбу. Любящие нас и любимые нами родители не должны становиться поперек нашего счастья, продавать его за деньги и вещи. Наше письмо — это борьба не против наших родителей, а против тьмы, которая еще сковывает сознание некоторых из них, против пережитков шариата и адатов, в которых женщина оценивается как вещь, как чья-то собственность.

— Как это здорово, — восхищался Алиев, — «наше счастье — в наших руках».

— И мы на самом деле добьемся его, — заявила Лиза. — А тех, кто покорно будет гнуть спину под грузом пережитков, кто спокойно пойдет на поводке феодально-байских правил и позволит за себя получать деньги, мы клеймим позором.

Письмо девушек-горянок было опубликовано в газете. Оно вызвало к себе живой интерес. Но немало еще было таких, кто проклинал авторов этого письма. Больше всех злились на Лизу, говорили, что это она подбила девушек на такое дело.

— О аллах! — возмущался Мухти. — Когда это было, чтобы девчонки заявляли своим родителям, что они сами себе хозяева. Ведьма она, эта дочь безбожника Солиха, — хмурил он брови. — Воля твоя, аллах, не дал бы я ему жить на этом свете со своей распущенной дочерью, которая взбудоражила девушек. О, будь она трижды проклята аллахом! В колыбели душить бы таких, как она.

В большой комнате, где в кругу семьи и близких родственников Мухти изливал свою злобу, на миг установилась мертвая тишина. Было слышно лишь порывистое,

словно загнанного в ловушку зверя, дыхание тамады мюридов.

— Кто они, чьи это остальные ведьмы, что подписали этот позорный приговор своим родителям и вековым устоям истинно мусульманского быта? — ткнул он палкой в живот своего внука, державшего в руке газету со статьей.

Тот перечислил фамилии и имена девушек. Старик схватился за голову, встал и прошелся по комнате.

— Нет, — сказал он, — такого мы не ожидали. Аллах обережет своих подданных, чтобы в их семьях не завелись такие гадюки.

— О Хава! — вставила ему в тон старуха — жена Мухти. — Заступись ты за своих дочерей, не дай им сбиться с твоего пути, покарай ты, прокляни этих гадюк в образе девушек.

— Это работа Гапура — того безбожника-учителя, — заявил зло племянник тамады.

— Он должен поплатиться за это, — сверкнул глазами Мухти.

Старик вдруг оживился, стукнул палкой о деревянный пол. Другим не было известно, что в этот миг пришло в голову старейшине их рода.

— Убить вероотступника, — сказал один.

— Нет, — заявил Мухти, — за него горой стоит власть.

Вновь воцарилась тишина. Ждали его решения.

— Выйди вон, — указал он пальцем на своего внука. Тот покорно опустил голову и вышел.

— Видел я недавно внучку Элберда, племянницу Гапура. Красивая она девушка. Пусть и не нашего вкуса их семья, выйдет из нее жена этому балбесу, — он указал на дверь, имея в виду выставленного им внука.

Молчанием все одобрили решение Мухти. По расчету тамады это должно было вернуть учителя в рамки шариата, в сети круговой поруки...

Работа Лизы не закончилась с опубликованием письма. Отвечая на сотни злобных взглядов и трусливый шепот проклятий ревнителей старины, она сама организовывала широкое обсуждение письма среди коллективов девушек. Все более открыто вырисовывалась мрачная для ревнителей религиозной морали картина — девушки-горянки решительно боролись за судьбу каждой из своих подруг. В этом им помогали партийные и комсомольские организации.

В отделах райкома партии, в кабинетах секретарей Иванова и Алиева собирались все чаще те, кто проявлял интерес к общественной работе, кто считал борьбу с пережитками прошлого необходимым делом своей жизни.

Здесь беседовали на разные темы из жизни района. В активе райкома было много старых большевиков, чей богатый практический опыт незаменим. Как лучше преодолеть до конца то, что осталось в сознании людей от старого, умершего общества, как лучше организовать борьбу против всего отсталого? — вот вопросы, которые волновали всех.

Партийная организация района, первичные ячейки ее использовали разные средства для преодоления пережитков в сознании и поведении людей. В одних организациях лучше использовались одни средства, в других — другие. Иванов и Алиев делали первые шаги, чтобы сочетать и организаторскую и идеологическую работу в районе. Только это могло объединить воедино разные формы и средства воспитания.

— Если бы уже был создан хороший, стойкий актив атеистов-энтузиастов, то было бы во много раз легче работать. Мы сейчас еще в такой стадии находимся, когда только создаем его. А получается он замечательный... — рассуждал Иванов. Алиев внимательно слушал.

Иванов был лет на пять старше его. И опыт партийной работы у него был побольше. В знании особенностей работы в районе он не уступал никому из руководителей.

Ему хорошо был знаком и быт ингушского народа. Ведь он родился и вырос здесь, недалеко, в казачьей станице, в семье так называемого мужика. Он прожил в этих краях всю жизнь и был ближе к ингушскому труженику и лучше понимал его, чем сотни из тех ингушей, кто бил себя в грудь, доказывая, что они народные патриоты. Иванову не приходилось доказывать это. Именно таким его знали партийная организация и массы людей района. Поэтому он не возмущался, когда кто-нибудь из руководителей в споре с ним иногда пытался упрекнуть его в в незнании местных особенностей. Но по внимательному взгляду и иронической улыбке на губах можно было видеть его сожаление о том, что такой человек мог попасть на руководящую работу, да еще пытается представиться кровным представителем народа.

Алиев знал Иванова хорошо. Он любил его, как брата. Учился у него, перенимал многие хорошие качества. Алиев был заведующим отделом пропаганды и агитации, а Иванов секретарем по вопросам идеологии. Затем Алиева избрали секретарем. А Иванов, занимаясь как второй секретарь оргработой, не отгораживался от вопросов идеологии. Напротив, они вместе решали их.

— ...Вы понимаете? — говорил Алиев, оставшись с Ивановым и Гапуром после совещания. — Никак не могу согласиться с тем, что нужно было назначать Усмана заместителем председателя райисполкома, а Хасана брать из школы и сажать на должность секретаря общества «Знание». Они никак не хотят идти в ногу с теми, кто, истинно болея за народ, желает избавить его от тех пороков, которые тормозят его движение вперед.

Иванов улыбался. Он знал, что упрек Алиева по выдвижению этих людей относится и к нему.

— Кто этот Усман? — продолжал Алиев. — Он думает не о деле, а о том прежде всего, как бы сделать карьеру, получить должность,

— Какую еще должность? — спросил Иванов.

— Любую, лишь бы повыше, — ответил сидевший до этого молча Гапур.

— Он для этого использует все, — сказал Алиев. — Только и слышишь от него о Киясове, все время он подчеркивает свою близость к нему.

Усман ни одного совещания не пропускал, чтобы в выступлении не вспоминать высокого начальника. И при встречах с друзьями, со знакомыми любил повторять: «Я разговаривал с Киясовым», «Мы с Киясовым были вместе у Мухти», «Мне Киясов сказал».

Часто приходилось слышать от него всякие «секреты», которые он узнавал от своих «высоких» друзей.

— Еще одна у него опасная черта, — продолжил Алиев. — Он старается как бы показаться хорошим для всех и не ведет никакой борьбы против нарушителей советских законов, против незаконных действий распоясавшихся религиозников, спекулянтов и тунеядцев.

— Поэтому, — подтвердил Гапур, — сектанты ему хвалу возносят, говорят, что это настоящий руководитель.

— Вы понимаете, — стал возмущаться Алиев, — ведь получается так, что мы, да и все здравомыслящие кадры раскусили его как лицемера и вредного работника, сектанты ему славу поют. А он продолжает работать в том же духе. Что же это получается — мы держим его в угоду сектантам?

— Киясов его поддерживает, — сказал Иванов.

— Гм... — улыбнулся Гапур, — Киясов тоже...

— Да, — подхватил Алиев, — сектанты поддерживают его и Киясов — тоже. Мухти — связующее звено.

А там, — кивнул Гапур в сторону, — еще не знают, наверно, этого Киясова?

— Всех узнают, — вздохнул Иванов, — терпение только.

— А как там могут узнать, если вы об этом не скажете? — спросил Гапур.

— Мы скажем одно, — спокойно отвечал Иванов, — а не менее доверенные лица, чем мы с Алиевым, скажут о нем другое. Нас могут сразу не понять.

— Вы боитесь, что стукнут вас? — ехидно улыбнулся Гапур.

— Нет, — ответил Алиев, — мы не боимся. Скажем обязательно. Скажем — нас поймут.

— В свое время, — добавил Иванов...

СГОВОР КАРЬЕРИСТОВ

Все более пышным цветом расцветал «талант» Хасана — лицемера и подхалима. Он научился искусно чернить тех руководителей, чье место сам не прочь был бы занять. Больше всего он клеветал на Алиева. Десяток комиссий проверяли его жалобы. Десятки раз опровергалась его ложь. Но, чувствуя безнаказанность, он клеветал вновь и вновь.

— Видно, кому-то выгодно, — говорил Алиев, — чтобы не унимался этот клеветник.

Хасан стремился чаще показываться на глаза начальству повыше, громче всех выкрикивал угодные кому-то реплики, пытался создавать впечатление, что способен на бо́льшую работу, чем сидеть в обществе «Знание».

Подхалимством и угодничеством он пробивался к руководящему посту. Он не пропускал случая, чтобы показать себя преданным начальству. Хасан работал директором школы, когда первым секретарем райкома и председателем райисполкома были избраны новые люди. Он дал им знать о себе телеграммой, в которой поздравлял их с таким большим доверием и выражал надежду на то, что их появление положит начало справедливой линии в подборе руководящих кадров района. Телеграмма, конечно, не вызвала у руководителей немедленной, желательной для Хасана реакции, но она и не растворилась

окончательно в их памяти, оставила след о том, что есть такой Хасан.

Когда проходили какие-нибудь массовые мероприятия, он всегда оказывался там, где начальство, и находил возможность переброситься с ним хотя бы несколькими словечками. Если в этот момент кто-то из руководителей доставал папиросу, чтобы закурить, он тут же молниеносно зажигал ему спичку. Носил он их в кармане, хотя сам и не курил. Одно за другим проходили в районе мероприятия, и появлялись моменты, когда мог он показываться руководству. Не один раз удавалось выступать ему на районных совещаниях и, едва уловив суть мероприятия, приплести к ней свою паутину словесного подхалимства перед высокими руководителями, ставя им в заслугу все положительное в жизни района.

В пору бурного наплыва мечтаний о собственной карьере и возможности их реализовать с помощью все того же подхалимства перед главным местным начальством он становился слепым по отношению ко всем другим. Он мог бы, шагая по их телам, прийти на поклон к тому, от кого зависело исполнение его мечты.

Оставив работу директора школы, пусть даже больше оплачиваемую, Хасан устроился секретарем районного отделения общества по распространению политических и научных знаний не из-за жажды распространять их в народе. Ему казалось, что эта должность больше приблизит его к начальству, даст возможность чаще показываться на глаза. Время шло. Но Хасан оставался на прежнем месте. Подхалимство и угодничество показались ему недостаточными. Он решил использовать клевету на многих работников. Стрелы клеветы направлялись на тех, кто, по его мнению, мог быть препятствием на его пути к карьере. Клевета, так же как и подхалимство, угодничество, проявлялась во множестве различных форм. Анонимки оказались почти бесполезными. Они не созда-

вали шума вокруг оклеветанного, оставались известными только узкому кругу людей.

— А чем вы лучше меня? — спросил он однажды у Алиева, сделавшего ему замечание по работе. — Почему вы секретарь, а я нет? Вас, наверное, кто-то поддерживает.

Алиев понял, что Хасану нужен только повод, чтобы он мог открыто выступить против него. Такой повод нашелся. Секретарь райкома на бюро сказал, что отделение общества работает плохо, Хасан допускает грубые ошибки, много фактов очковтирательства.

Хасан не сделал выводов из деловой критики, а начал строчить жалобы на секретаря райкома. Десятки людей отрывались от работы и проверяли его «сигналы». А вывод проверки был один — жалобы не обоснованны. Хасану объясняли, что он неправ.

Но занятие портить кровь человеку пришлось ему по душе.

— Вы создали обо мне плохое мнение у всего начальства района, — сказал он Алиеву, придя к нему однажды в кабинет, улучив время, когда он был один. — Я буду на вас жаловаться до тех пор, пока вы не уберетесь из этого района.

Спокойный вид Алиева вызвал в нем новый приступ гнева.

— Вы окружаете себя подхалимами и угодниками, которые ненавидят меня, — кричал он. — Вы хотите Гапура поставить вместо Усмана в райисполком! Вы хотите все местные кадры из района выжить и своими людьми занять здесь все посты!

Алиев стоял как вкопанный, широко раскрыв глаза, и с удивлением смотрел на Хасана, будто видел его впервые.

— Теперь я знаю, — сказал он, вздохнув, — что вы не только клеветник, но и провокатор.

— Вы слышали, товарищ секретарь, как он меня ос-

корбил, назвал клеветником?— обратился Хасан к вошедшему на шум Иванову.

Не успел Иванов и слова вымолвить, как Хасан, хлопнув дверью, быстро ушел.

В райисполкоме он дал простор своей «фантазии».

— Алиев замышляет недоброе по отношению к тебе, — говорил он Усману. — Он хочет Гапура двинуть на твое место. Иванов, кажется, заодно с ним.

И через минуту они уже вдвоем пришли к председателю райисполкома Иналукову и наперебой рассказали ему о том, что Алиев с Ивановым осуждают его, смеются над ним, говорят, что он ни в чем не разбирается.

Иналуков слушал их с возмущением, то открывая, то закрывая ящик письменного стола. Лицо его стало багровым, правая щека дергалась, как всегда, когда он очень волновался.

— У них далеко идущая цель, — говорил Хасан Иналукову. — Они любыми средствами хотят замом вместо Усмана протащить того самого Гапура, учителя-безбожника, а первым секретарем сядет он же, Алиев.

— Никогда, — стукнул кулаком Иналуков, — им этого не видать. — Он потянулся за телефонной трубкой.

Усман знал силу этой трубки. Сколько вопросов решалось с ее магической помощью. Он знал, что в таких случаях, подняв трубку, Иналуков попросит Грозный, назовет номер телефона Киясова.

— Секретарем райкома вместо Алиева метят Ковылкина, — добавил Хасан.

— Этому тоже не быть, — вспылил Иналуков, стуча по телефонному рычагу. Он звонил Саварову. В присутствии Хасана и Усмана он сказал ему важно:

— Если вы не призовете к порядку этого зарвавшегося юношу, то я найду на него управу.

Было понятно, что говорил он об Алиеве. Хасан с Усманом не смогли скрыть своего удовольствия.

— Так бы давно, — сказал Усман, — а то нянчимся с ним.

Иналуков тут же поднялся. Лицо его выражало недовольство то ли Алиевым и Ивановым, то ли тем, что ответил ему по телефону первый секретарь. Он вышел, сказав что-то невнятное, и направился к Саварову.

— Алиев много берет на себя! — возмущался он. — Иванов его поддерживает. Сегодня я наконец узнал, что их объединяет. Я сюда не просился. Меня направили. Я доложу все это кому следует, раз вы не хотите принять меры.

— А не слишком ли большое значение вы придаете всяким сплетням? — спросил спокойно Саваров.

— Это не сплетни, — продолжал горячиться Иналуков. — Это ответственные работники заявляют.

— В том-то и опасность клеветы и сплетни, — сказал тихим голосом Саваров, — что они иногда могут гнездиться и в душах отдельных, так называемых ответственных работников.

— Я верю им, — возразил недовольный Иналуков, — потому что они ответственные товарищи.

— А те, на кого направлены их клевета и наговор? — спросил Саваров. — Они ведь тоже ответственные.

— Как же быть? — развел руками председатель.

— Так и быть — заставить работать этих товарищей, чтобы они чувствовали свою ответственность за порученный участок, а не лезли всякими путями к руководящим должностям, обливая грязью других.

— Что это значит?

— Значит, что этот самый Хасан хочет быть вашим замом.

— А Усман куда?

— Надеется на перевод в Грозный. Как мне стало известно, он уже давно готовится туда.

— А мне он ничего не говорил.

— И мне нет. Мухти проговорился на этот счет, ска-

зал, что Усмана переводят в Грозный. Он был здесь и ходатайствовал, чтобы Хасана оставили вместо него, — улыбнулся Саваров. — Он говорил, что вы все это хорошо знаете и со своей стороны согласны.

Иналуков на миг растерялся.

— Да нет, это совсем не то, — начал он, — но мне официально никто не сообщал. Правда, Киясов говорил, но это было уже давно.

— А вы согласны взять своим заместителем Хасана? — перебил его Саваров.

— Я ничего плохого о нем не знаю, — ответил тот с облегчением. — Давайте решим этот вопрос.

— Спешить не надо, — встал Саваров и прошелся по кабинету. — Может быть, Усмана туда не возьмут.

— Это все известно, его берут, — поднялся Иналуков. — Киясов сам сказал.

Он тут же спохватился, вспомнив, что говорил за минуту перед этим.

— Ничего еще неизвестно, — сказал Саваров, будто не замечая, как сбивается Иналуков.

— Все известно, — ободрился тот, — что тут неизвестно? Сам Киясов этот вопрос решает.

— Какой вопрос?

— Перевод Усмана. Что вы думаете?

— Думаю, что нет, — сказал Саваров, многозначительно посмотрев на Иналукова.

— А кто же?

— Коллегиально, — ответил секретарь, особо подчеркивая это слово.

— Он там всегда протолкнет свое предложение.

— Нет, не всегда.

— Вы что, в самом деле? — уставился на него председатель. — Плохо знаете Киясова?

— Теперь уже хорошо знаю, — ответил тот спокойно.

Он еще что-то хотел сказать, но его перебил продолжительный телефонный звонок. Говорили из Грозного.

Саваров слушал с оживленным лицом.

Из коротких ответов Саварова нельзя было понять, о чем идет разговор. Иналукову не терпелось узнать.

— Киясов? — спросил он, когда кончились мучительные минуты разговора.

— Нет, — ответил Саваров с улыбкой. — Киясова там уже нет.

— Что с ним случилось? — удивленно уставился на него Иналуков.

— Ничего с ним не случилось, — ответил Саваров. — Он жив и здоров. Только его переместили на другую работу.

— Повышение?

— Как сказать, — ответил Саваров, — не повышение и не понижение, а перемещение на тот участок, который ему по плечу. Здесь ему было тяжело.

— Расправились! — стукнул Иналуков кулаком по столу.

— Нет, — вздохнул Саваров, — не расправились, а мягко спустили на тормозах. Если судить по его деятельности, его бы надо было резче спустить...

Глубоко переживал Иналуков эту новость. Ведь в Киясове привык он находить опору, вот уже четверть века знал его по совместной работе. Правда, десять лет они были в разлуке, жили в разных областях. Но когда встретились, их дружба возобновилась. Время словно не коснулось их, прошло мимо — в новых условиях они продолжали руководить по старинке, применяя старые методы и формы работы.

НЕ В СВОИХ САНЯХ

Иналуков хорошо усвоил то, что наша партия высоко ценит старые кадры, преданные делу коммунизма, имеющие богатый жизненный опыт, марксистско-ленинскую

закалку. Но было видно по всему, что он не учитывал еще одного важнейшего требования к ним — умения разбираться в современной сложной обстановке. А жизнь с каждым годом предъявляла все новые требования к руководству. Нужно было, чтобы и старые, закаленные кадры поспевали за развитием науки, современными достижениями в организации партийной работы. С этими требованиями жизни и расходились такие, как Киясов и Иналуков. А ход жизни, не считаясь с прежними заслугами и возрастом, оставлял позади тех, кто не поспевал за ее ритмом. Время не терпит тех, кто не успевает идти в ногу с ним.

Саваров в отличие от Иналукова был способен видеть свои слабости и недостатки. Правда, оказавшись в роли первого секретаря райкома, он вначале руководствовался только своим старым багажом, не учитывая запросов современности, вступал в противоречие с новыми требованиями, свысока, снисходительно смотрел на молодые кадры. То, что не укладывалось в привычные рамки его кругозора, казалось ему лишним, ненужным. Но ошибка рекомендации его на должность партийного руководителя принесла бы больше вреда, если бы он с первых же дней не пытался узнать то, без чего он был бы просто помехой в работе других. Сам не предрасположенный к освоению нового, он вскоре с уважением стал относиться к тому прогрессивному, оживляющему стиль и содержание работы партийной организации района, что вносили Иванов, Алиев и другие члены бюро райкома. Он не препятствовал росту молодых кадров.

Вначале он поддерживал Иналукова в его старых порочных методах руководства грубым администрированием, нетерпимым отношением к замечаниям, тем более к критике. Но вскоре Саваров не мог не увидеть несостоятельность такого руководства. Он внутренне изменил свое отношение к Иналукову, хотя еще оглядывался на Киясова.

Он с уважением стал относиться к Алиеву, уже не считал его человеком, который занимается и должен заниматься лишь организацией оформления лозунгами дорог, предприятий, ферм. Ответственность первого политического руководителя района заставила его понять важность и необходимость всей идеологической работы. Он с уважением прислушивался к лучшим пропагандистским кадрам района, подолгу беседовал с ними. Но в отношении к Гапуру холодок оставался. Уважая прямоту его характера, он все же внутренне не соглашался с мнением Иванова и Алиева, что «Гапур достоин ответственной работы в районе». Саварову явно не нравилось его критическое, как ему казалось, ко всему отношение. Он видел, что Гапур часто бывает у секретарей райкома Алиева и Иванова, и решил, что он хлопочет о повышении. Но это мнение Саварова изменилось после беседы с Гапуром, которого он пригласил, чтобы предложить перейти из школу на другую работу. Гапур ответил отказом.

— Не понимаю, — говорил он Гапуру, — почему вам это не понравилось. Там поработаете немного, покажете себя, еще выше поднимем, у вас перспектива хорошая. Вас очень хвалит Алиев, говорит, что вы способный работник.

— Я рад, — сказал Гапур, — что у вас обо мне такое мнение, но...

Он не успел закончить свою мысль, как Саваров перебил его.

— Или вы не хотите товарища обижать, занимать его место, — в упор посмотрел он на Гапура.

— Нет, — ответил спокойно Гапур, — не то... Во-первых, должность не может быть чьей-нибудь собственностью. Во-вторых, выдвижение на руководящую работу не является и не должно являться единственным способом поощрения и мерилом уважения. Я люблю свою специальность, хочу совершенствоваться в ней, стремлюсь как можно глубже освоить ее нескончаемую мудрость и

тонкость. За любые заслуги, если бы даже они у меня были самые высокие, я никакого другого не хотел бы поощрения, кроме условий для лучшего освоения своей профессии.

— Вы фанатик своего дела, — сказал Саваров. — А какого улучшения условий вам хотелось бы?

— Строительства новой школы, — ответил Гапур.

— Все это будет, — встал из-за стола Саваров и прошелся по кабинету, — и вы будете ее директором.

— Нет, — ответил Гапур, тоже поднимаясь, — директором или кем другим я еще успею быть. Несколько лет я должен работать, чтобы закрепить за собой право называться хорошим педагогом. А школу новую должны мы иметь через год-два, потому что это здание нас уже сейчас не устраивает, тесно.

— Все, все будет, — говорил Саваров, — вот укрепим экономику совхозов, будем строить и новые школы, и новые клубы, и библиотеки.

— Для подъема экономики, культуры, — сказал Гапур решительно, — нужны образованные люди. Можно ли так ставить вопрос, что за просвещение возьмемся тогда, когда укрепим экономику?

— Все будет, все, — повторил Саваров. — Какая вы, молодежь, торопливая. Мы и так очень много делаем.

Саваров начал перечислять объекты строительства. Их действительно было порядочно. Но в основном — стройки совхозов, заводов, фабрик.

— В нашей стране, — заметил Гапур, — как нам известно, заведен такой порядок, что прежде всего строят школы, больницы...

Гапур не закончил своей мысли — телефонный звонок позвал Саварова. Было видно, что ему сообщали что-то важное.

Положив спокойно трубку, он повернулся к Гапуру и продолжил разговор. Еще долго говорили они — со-

Видный, с поседевшими висками руководитель района Саваров и рядовой педагог, молодой коммунист Гапур.

— За два года моей работы здесь, — сказал Саваров с необычным волнением, — я познал себя и жизнь, как мне кажется, больше, чем за предшествующие годы. Пожалуй, вы правы, говоря, что прежде всего нужна работа с людьми, с теми, кто делает и экономику и культуру. Нам это всегда говорили и говорят. Только вот мы, в частности я, не всегда правильно понимаем эту истину. Верно, давно уже прошло время руководить только призывами «давай, давай». Все строится на сознании масс. И все же мы, некоторые руководители — и себя я к ним отношу, идем по более легкому пути. Свою сложную работу — все решать через сознание людей — проводим примитивно, как говорится, рубим сплеча. А это легче делать, но результаты от этого менее прочны.

Гапур слушал внимательно и чувствовал себя неловко от столь откровенного разговора Саварова, такого большого руководителя, о своих недостатках.

— Пожалуй, вы правы, — продолжал Саваров, глядя куда-то в сторону, в окно. — Чтобы быть хорошим руководителем, надо хорошо освоить свою профессию. Но это не значит, что надо всю жизнь работать только по своей узкой специальности. А где же в таком случае брать руководителей? Все руководители когда-то и работали по специальности, а потом стали руководителями. Конечно, руководителю труднее, с него больше спрашивают. Он не только за себя отвечает, но и за подчиненных.

— Правильно, — сказал Гапур, — но чтобы быть хорошим руководителем, нужно сначала быть хорошим подчиненным, который также чувствует свою ответственность. Только я не согласен с тем, что вы думаете о моей специальности. Профессия учителя, педагога, да еще историка — не узкая. Она очень обширная и никак не замыкается в рамках одной лишь школы.

— Люблю фанатиков своего дела, — снова сказал Саваров, похлопав Гапура по плечу. — Я тоже очень люблю свою специальность. Двадцать пять лет я работал юристом и в торговле. Разные занимал должности. Вот только эти два года, как послан на партийную работу. И сейчас, прежде чем все остальное, читаю от корки до корки каждый номер журнала «Советская торговля».

— Да, — сказал Гапур задумчиво, — я понимаю. Только вот одно мне непонятно — зачем вы согласились расстаться с любимой специальностью, тем более в таком возрасте?

— А все Киясов, — ответил грустно Саваров, — покоя не давал, пока не согласился. Говорил он мне, что здесь надо только командовать да жуликов хорошо прижать. А получилось, что за десятком жуликов и проходимцев я плохо видел тысячи тружеников. Слабо владел современными методами работы с людьми.

Саваров все это рассказал с какой-то грустью, то ли тоскуя по оставленной им два года назад работе по специальности, то ли жалея о времени, затраченном на новую, почти незнакомую ему работу, освоить которую, как он убедился, ему уже было поздно. Никогда до этого он не был даже членом райкома.

— Конечно, — продолжал он, — я старался, очень много работал. С пяти утра до поздней ночи — все время на машине. Иногда и спал в машине. Каждый день весь район объезжал. Каждый день и на фермах и в бригадах бывал. Часто приходилось ругаться то с прокурором, то с судьей, то с начальником милиции из-за того, что они иногда не так ведут дела о хищениях и других преступлениях.

Саваров на минуту замолчал, задумался, глядя перед собой.

Гапуру стало не по себе. Он не знал, к чему эта исповедь Саварова перед ним. Не собирается ли он вернуться на работу по специальности?

— Так и пролетели два года, — сказал Саваров и, будто уловив мысль Гапура, продолжал: — Вот через месяц конференция. Уйду, наверное, вернусь на привычную мне работу.

Но никак не мог Гапур понять, почему вдруг ему он рассказывает о том, чего никто еще в районе не знает.

— А Иналуков тоже? — невольно вырвалось у Гапура. — А Иналуков...

Он хотел как-нибудь сгладить бестактный вопрос. Но Саваров тут же ответил, что Иналуков на днях переходит на другую работу, на хозяйственную.

Уже было десять вечера, когда Саваров перевел разговор на другую тему.

— Ни один ингуш, — сказал он твердо, — не может мне заявить о том, что я лично ему в чем-нибудь навредил. Я и мои дети могут всем смотреть в глаза прямо. С меня и с моих детей никто ничего никогда не спросит.

«А только что говорил, что боролся с жуликами и проходимцами...» — удивился Гапур.

Но не успел он ничего сказать, как Саваров встал из-за своего стола и сел напротив Гапура так близко, что он ощутил его дыхание.

— Ты сын хорошего отца, — сказал он, глядя Гапуру в глаза, — все твое поведение должно быть таким, чтобы люди говорили о тебе так же хорошо, как и о твоем отце. Ты должен сказать Сулейману, чтобы он прекратил писать на меня жалобы, ворошить мое прошлое еще с периода коллективизации. Все это давно забыто. Меня тогда оклеветали, будто я разных там преступников защищал. Скажи ему так, чтобы он понял, что плохое, сделанное кому-то, вернется к нему же. Пусть он на старости лет, когда у него уже одна нога в могиле, не старается мне делать плохое. Ты уговори его, чтобы он этим не занимался, пусть оставит в покое и того Абаса. И ко мне пусть он его не пришивает. Ничего он теперь не

докажет. Меня пусть не трогает. Скажи ему хорошо, чтобы он понял. Зачем все это ему?

После непродолжительной паузы он добавил:

— Я не потому, что боюсь, а просто не хочу связываться с ним. Люди будут смеяться, если я с ним буду тягаться. Я ничего плохого не сделал и тому Солиху — его шурину. Он тоже говорил обо мне всякие вещи. Скажи им, чтобы прекратили.

Недовольство и смятение поднялось в душе Гапура. Он вспомнил рассказ Абаса о том, что в тридцатые годы его спас от правосудия какой-то Мажит, родственник тещи его брата. Чутье подсказало ему, что Мажит и есть Саваров.

— А Абас ваш родственник? — спросил он.

— Как вам сказать, — ответил спокойно Саваров, — можно сказать и да и нет. Он брат зятя моей тетушки. Но с таким родством сейчас не считаются. Каждый старается для себя. И вообще, родство — это относильное понятие: если не считаться, то и кровное родство — это не родство, а если считаться, то и далекое родство ближе ближнего. А вы его знаете откуда?

Гапур рассказал о своем знакомстве с Абасом, и то, что он слышал о нем, и историю с женами, и о его арестах за спекуляцию.

— Честное слово, — улыбнулся Саваров холодно, — те жены его и доводят. А так он человек очень хороший, никому никогда не мешает, живет себе своей жизнью.

— А почему вы решили именно мне поручить предупредить Сулеймана и Солиха, чтобы они не трогали вас? — спросил решительно Гапур.

— Потому, — ответил Саваров, нахмурив брови, — что вы жили у Сулеймана и сейчас часто посещаете его, иногда там до полуночи задерживаетесь.

Гапуру не терпелось ответить ему. Но Саваров продолжал:

— Еще и потому, что Солих — ваш будущий тесть.

А его дочь Лиза, как мне говорили, ваша будущая невеста, собственноручно пишет все, что Сулейман диктует. Есть еще данные о том, что они и вас втягивают в эту грязь. Дело, конечно, ваше, но предупреждаю, что они не компания вам.

Гапур еле сдержался, чтобы не высказать в ответ все, что он думает об этом, доказать, что Сулейман и Солих — кристально честные люди и если пишут, то не напрасно.

Но он решил узнать подробности о письмах у Сулеймана. Он пришел к нему и рассказал о разговоре с Саваровым.

— Давнишнее это дело, — сказал Сулейман, выслушав Гапура, — допускал тогда Саваров такие грехи. Родственные чувства и приятельские отношения иногда ставил выше всего. А нужно было каленым железом выжигать вредителей Советской власти. Давно это было. Не знаю я теперешнего Саварова, но и сейчас ему бы нужно быть более решительным. Всякая сволочь завелась в районе.

Ни он, ни Солих ничего не писали о Саварове и об Иналукове.

Лишь значительно позже выяснилось запутанное дело с письмами. Оказалось, что заявления на Саварова и Иналукова писали Усман с Хасаном и подделывали подписи Сулеймана и Солиха. Отправив очередной донос в Грозный, то Усман, то Хасан, а иногда и вместе приходили вечером к Иналукову, когда он оставался в кабинете один, и сообщали:

— Есть сведения, что этот клеветник Сулейман опять депешу послал в Грозный на вас и Саварова. Он уже использует своего шурина Солиха. Всякие сплетни собирать им помогают Гапур и Лиза, та самая врач, которая только считается ингушкой, а так... Поддерживает их Алиев. А Иванов тоже все знает, ждет, когда вас снимут,

чтобы потом дружков рассадить по ответственным постам.

Во всех этих хитросплетениях искали выгоды несколько человек.

Хасану не терпелось силой двух первых руководителей навсегда отрезать путь Гапуру к выдвижению на руководящую работу. Выстрел в Гапура был рассчитан так, чтобы рикошетом задеть Алиева и Иванова.

Мухти здесь тоже имел свой расчет. Он боялся окончательного разоблачения.

Как же могли Хасан и Усман узнать тридцатилетней давности историю спасения Саваровым сектанта Абаса?

Абас домогался себе пенсии. Не раз он приходил к Усману с этой просьбой, принося все новые и новые свидетельские показания о своей «безупречной» работе.

— Тебе нечего бояться никаких бумаг, — успокаивал он трусившего Усмана. — Все бумаги все равно придут сюда. Саваров не даст тебя обидеть из-за меня.

Для подкрепления своих слов и рассказал он, как и при каких обстоятельствах спасал его Саваров.

Решение Усмана помочь Абасу в незаконном установлении ему пенсии стало бесповоротным, когда, как самый большой козырь в этой нечестной игре, среди бумаг появилось свидетельское показание самого Мухти, который подтверждал трудовой стаж Абаса, включая и те годы, что дважды провел он в заключении.

Усман задумался на минуту. Перед его мысленным взором прошла картина очередной махинации.

— Абас — родственник Саварову. Он сам его не раз спасал в то время. Угодив Абасу — угождаю Саварову. Не на последнем счету старания Мухти. Там Киясов — свой.

Итак, замкнулся круг, в котором торжествовать Усману, вот-вот ожидающему вызова на более ответственную работу.

— В общем от тебя все зависит, — прервал его сла-

достную иллюзию Абас, — для меня это очень много значит. Не из тех я, кто забывает человека, сделавшего хорошее дело. И хорошее, что сделаешь ты людям, и плохое тоже все равно вернется к тебе самому.

— Протолкну, — обещал Усман и решительно пожал ему руку. — По этому вопросу больше не придется тебе приходить сюда. Будешь получать пенсию.

— Аллах тебе поможет, — поклонился ему Абас и вышел.

— Зашел бы ко мне после работы, — позвонил Усман Хасану.

Здесь и родилась идея о тех заявлениях, которые обеспокоили Иналукова. Он с присущей ему нервозностью и упрямством «раскрывал глаза» и отравлял душу Саварова...

НАЧИНАТЬ С СОБСТВЕННОГО ДОМА

— Хорошая у них семья, из хорошей фамилии, никто из их тейпа чужого скота не пас, а ты нос воротишь...— возмущался брат Гапура, услышав от него отказ жениться на той девушке, на которой он советовал.

— Отца ее, мать знаем, — поддерживала старшая сестра, — хорошие мусульмане.

— Первыми ее братья были во всем, — говорил брат,— первую в районе «Победу» они купили, когда ее не было ни у одного ингуша, первую «Волгу» купили они.

— А кто они, ее братья? — спросил с иронией Гапур.

— Ты один их не знаешь, остальные ингуши знают все,—продолжал он.—Старший из них работает на мельнице, младший—на складе. Никогда они не были на черной работе. Есть у них все. Завидуют им многие. Еще неизвестно, отдадут они свою сестру за нас или откажут.

— С домом нашим могут посчитаться, а не с этим женихом, — подхватила сестра.

— Могут отказать, ведь она у них одна, потому так дорога им, что ни одного дня на работу ее не пускали.

— И вид у нее как у княжны, — с удовольствием подчеркнула сестра. — Счастье тому дому, куда она войдет.

Гапур внимательно, не перебивая, слушал их, пристально, с еле заметной холодной улыбкой смотрел он то на брата, то на сестру.

— А впрочем, у меня сейчас голова забита и другим, — сказал брат. — Я думаю, где достать деньги на калым. Не давать то, что дают люди, нельзя, да и они не отдадут без этого.

— А,— махнула рукой сестра,— займем у того, у другого, у третьего. А там, когда Гапур будет в состоянии, вернет.

— Конечно, — поддержал ее брат, — когда появится нужда в деньгах, Гапур сам постарается пойти работать туда, где возможно их иметь больше, а не будет сидеть там, где только одна зарплата.

А Гапур в эти минуты думал о том, почему все справедливые человеческие принципы, которыми живет весь советский народ, этот свет нового человеческого разума, проникший во все бывшие темные уголки нашей огромной страны, оставил в темноте его брата и еще многих таких, как он. Откуда у них постоянное стремление к легкой наживе. Почему их не удовлетворяют результаты собственного труда, который вполне может обеспечить потребности?

Потребности? Смотря как их понимать. Они разные у разных людей. Вот отец, например. Он знает цену жизни, он видел, как трудно жилось людям труда до революции. Он высоко ценит те перемены, что произошли в стране. А сын его думает только о наживе, стремится получить то, чего своим трудом не заработал.

И в душе Гапура поднялось недовольство прежде всего на самого себя.

«У брата родного еще гнездится то чуждое советскому человеку чувство эгоизма, стремление урвать у обще-

ства больше, чем он отдает ему, иметь у себя больше, чем ему нужно, не думая о том, честно это или нет. И мерило честности у него другое. Имею ли я право воспитывать молодежь в духе справедливости, если на брата родного не могу влиять!»

— Ты все молчишь, — вспылил брат, заметив, что Гапура не трогает его нравоучение. — Я почти вдвое старше тебя, я отец тебе второй. Мне перед людьми стыдно, что ты меня не слушаешься.

— Что там на него смотреть, он еще ни в чем не разбирается. Ты старший брат и делай, как надо, — сказала сестра — самая старшая в их семье. — Женить его здесь, да и все. Что его спрашивать? Соберем все, что у нас есть, да женим его. Если не сделать этого сейчас же, то он опозорит всю семью. Совсем отбился от дома. Привезти ему невесту и посадить его здесь рядом с отцом, с нами. Тогда будет дело. — И она заторопилась на обеденную молитву.

«Что же мне говорить с другими такими, как они, — думал Гапур, — имею ли я моральное право быть учителем, если вышел из такого семейного круга, где царит еще весь набор тех пережитков прошлого, против которых надо вести борьбу?»

— Гапур, — обратилась к нему сестра с холодной улыбкой на тонких, посиневших губах, — ты не забыл молитвы, что выучил, когда был еще маленький?

Не дожидаясь ответа, она продолжала спрашивать, не глядя на него:

— Читаешь ты молитвы? Собираешься молиться? Ведь отец твой и мать с детства молились. Неужели из-за того, что тебе лень помолиться, ты отправишь их на том свете в ад?

— Молиться пусть бы и не молился, — сказал брат, становясь на молитву, — лишь бы не болтал всякое о мусульманах. Мне люди глаза колют его всякими писуль-

ками в газетах. Лучше ушел бы с той работы учителя, если тебя заставляют там писать против бога.

— Что, — вытянула шею мать, которая сидела рядом, не вмешиваясь в их разговор. — Против бога взялся воевать? А... далеко пойдешь, споткнешься где-нибудь и будешь валяться мертвым, как собака. Был один мой родственник, прости аллах, который все время говорил, что бога нет. Умер он. Люди говорили, что он стал похожим на свинью. Язык вывалился изо рта и стал почти такой же большой, как и сам он.

И вновь словно черные тучи заволокли воображение Гапура. Вновь сузился круг его обозрения и замкнулся в родном доме отцовском. Уже издалека, как растаявшее эхо, доносились слова Павлика Морозова, как сквозь густой туман, еле виднелась его маленькая фигурка.

«Бороться насмерть? — Руки Гапура ослабли, плавно, как тающий воск, сползли складки со лба. — Против кого? Где они, враги?»

— И опять молчит, как камень, — повернулась к нему старшая сестра, сидевшая на корточках на коврике для молитвы.

— Руку дал бы себе отрубить, — повысил тон брат,— чтобы ты встал на правильный путь.

— Я сделал бы то же самое, — вдруг оживился Гапур, — чтобы вы встали на правильный путь, на путь, которым идут миллионы наших советских людей.

Он быстро стал собираться на автобус, чтобы уехать на работу.

— Возьми банку масла, — дрожащими руками протянула мать сумку.

— Нет, мне не нужно, есть у меня все, — сказал Гапур, направляясь к выходу.

— Слава богу, — бросил брат вдогонку, — что у тебя есть, об остальных ты и не думаешь. Такие, как ты, целые тейпы содержат. Ты бы хоть о родителях побеспокоился. Мы-то без тебя не пропадем.

Во дворе Гапур подошел к отцу, суетившемуся у старой сапетки для кукурузы.

— Уезжаешь? — поднял он на Гапура спокойный взгляд.

— Сапетка-то для чего? — спросил Гапур с улыбкой. — Кукурузы же в огороде нет.

— Сам не знаю, — ответил отец, — привычка. Раньше в сапетке была вся жизнь семьи. Каждый вечер смотришь, на сколько уменьшается в ней кукуруза, и считаешь дни до нового урожая. Сейчас уже не то совсем. А все же нужна сапетка, мало ли что придется хранить, да и кукуруза нужна бы для коровы, кур. Как людям стало легко жить! — воскликнул он, садясь на низенький стульчик из прогнившего тёса.

Гапур вспомнил, что этот стульчик в годы войны стоял на глиняном полу, на почетном месте в их большой семейной комнате. На него садился тот, кто постарше в семье. А если случалось, что кто-то из соседей зайдет, то его уступали ему. Уже давно он не в почете. И сыреет и сохнет около старой сапетки. Гапуру он в эту минуту напомнил тревожное и нелегкое детство.

— А эти, — показал Гапур кивком головы в сторону дома, — все еще не довольны жизнью, все еще ищут, все им мало.

— А, — махнул рукой отец в ту сторону, — ума только им не хватает, от сытости бесятся. Ты, Гапур, делай свое дело, только вот аллаха не забывай. Остальное все делай, как время велит. У тебя своя голова, не слушайся ты их.

— Аллаха я не забуду, — сказал Гапур твердо, выходя со двора, — пока нам нельзя его забывать.

— Его нельзя забывать никогда! — крикнул отец вдогонку сыну. — Сулейману там салам передай. Скажи ему, чтобы приехал на день-два.

«Нельзя атеистам забывать аллаха, — повторял Гапур мысленно, — пока под его холодной тенью многие люди

стынут, пока отдельные слуги его манят их в эту прелую сырость».

Гапур ехал в набитом людьми автобусе. Он вспоминал разговор с отцом, и чувство собственного бессилия все больше овладевало им. Он не обращал внимания ни на кого из пассажиров.

«Чем же я лучше других лицемеров, — думал он, — если не заявил отцу твердо, что не верю в аллаха? Я сказал только то, что его не может обидеть, в душе же лицемерно утаил главное. Пусть я не сумею переубедить его, но зачем обманывать? Не обидеть отца, мать потому, что они старые и их невозможно переубедить, не обидеть брата, сестру потому, что они старше. Пусть живут своей жизнью, а я буду жить своей, пряча от них свои настроения, свои чувства».

Мысли Гапура прервал чей-то заунывный голос. Вмиг песню подхватило еще несколько человек.

— О человек — творенье бога, — пелось в песне, — смирись со своим ничтожеством перед силами творца, не давай дьяволу — гордости овладеть собой. В руках аллаха судьба твоя, о тля ничтожная, от конца-то своего ты никуда не уйдешь.

Только закончилась эта унылая песня, как началась другая в более высоком тоне.

— Нет силы, кроме твоей, о аллах могучий, нет тайны, кроме твоей, о аллах вездесущий...

Песня сопровождалась быстрым хлопаньем в ладоши. Кто-то стучал каблуком об пол автобуса.

ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ

Гапур внимательно оглядел пассажиров автобуса. Пять-шесть девушек в длинном праздничном одеянии. Несколько молодых парней. Группа мужчин, которые с усердием пели и хлопали.

— Мы едем за невестой, — объяснил Гапуру его со-

сед. — Наняли этот рейсовый автобус, поэтому тебе не надо платить за билет. Ты меня не знаешь, но я тебя знаю. Я сын Мааса. Меня зовут Лахан. Говорят, что я был его надеждой и мечтой. Стараюсь быть таким, как он. Его все в здешних селах помнят.

От незнакомца резко пахло водкой и луком.

— Аха-ха! — наклонилась чья-то голова с заднего сиденья и легла между Гапуром и Лаханом. — Ты сын Мааса? Гм... сын Мааса. Люди говорят, что не Мааса, а какого-то Юсуп-муллы.

— Сам ты ублюдок, — вскочил Лахан, — твоя мать известна как самая последняя женщина.

— А ну, повтори, — вскочил его тоже пьяный соперник и занес руку с ножом над головой Лахана.

Гапур схватил его за руку. Песня и хлопанье вмиг прервались. Автобус превратился в пчелиный улей. Все с задних сидений хлынули вперед. В этот момент шофер затормозил, и люди прижали дерущихся и Гапура к кабине водителя. Девушки подняли крик.

— Я говорил, что не надо брать эту молодежь, — пробасил один из тех, кто пел, после того, как разняли драчунов и рассадили в разные углы. — Никогда от них хорошего не дождешься.

— Ничего страшного, — говорил другой, — раньше, бывало, даже на конях дрались, вот интересно было смотреть!

— Никогда так не было, — отрицал его собеседник.

— Было, не было, — вмешался третий, — но слова, что Лахан сказал этому парню, который спокойно ехал себе, не были бы ему прощены в другое время.

— Нашел, что вспомнить, сейчас нет тех мужчин. Тогда за одно только слово проклятия душу изымали из тела. А сейчас напьются пьяными и хлещут друг друга, а потом обнимаются.

— А кто такой Лахан? Чей он? — спросил запевала.

— Сын той, как ее там, на ферме она работает, коров

доит, как ее, черт ее побери, да этой Салимат, — ответил ему кто-то.

— А... — протянул тот. — Сын Мааса. Бедняга, хороший был человек, да простит его аллах, обо всех мертвых хорошо говорят. Да простит аллах всех мертвых. А где сейчас Юсуп-мулла?

Сразу несколько голосов пояснили ему, где живет Юсуп-мулла.

Впереди слышался хохот. Некоторые наклонялись к соседям и что-то шептали, вызывая у них смех.

Лахан сидел, прижавшись к стенке, опустив голову на спинку переднего сиденья.

Автобус остановился в райцентре, где работал Гапур.

Со скверным настроением он вышел и направился к дому Сулеймана.

Люди поехали дальше, в село, откуда должны были забрать невесту.

До дома Сулеймана осталось несколько шагов, когда Гапур, будто перед семафором, встал, а затем повернул в обратную сторону, к себе. Он не заметил, как поравнялся с ним Хасан, шедший за ним от самого дома Сулеймана.

— Ну что, Гапур, — спросил он с издевкой, — побоялся днем войти в свою штаб-квартиру, где перемываете мои косточки, сплетничаете о руководстве района, намечаете новое начальство. Невесты твоей сейчас там нет, она с кем-то убежала в кино. Тоже революционерку из себя корчит.

— Уйди от меня! — сжал кулаки Гапур и чуть было не набросился на Хасана, но внутренний голос остановил его. Он понял, что это то, что сейчас нужно изворотливому карьеристу. — Уйди! — повторил он. — Уйди с моих глаз.

— Уйди ты из этого района, — ответил нагло Хасан. — Никто к тебе в твой хутор не придет, чтобы тебе показаться. Уйди ты, а мы как-нибудь проживем здесь.

В придачу дадим тебе и ту пройдоху — Лизу. Она тебе необходима, лечить будет твои мозги.

Гнев охватил Гапура, на лице выступил пот. Кто знает, что могло бы случиться, если бы его не окликнула откуда-то появившаяся здесь Лиза.

— А я к тебе ходила, — остановилась она рядом. — Дядя Сулейман зачем-то зовет тебя.

Хасан быстро удалился. Гапур с Лизой повернули обратно.

— Ты что, нездоров? — спросила Лиза. — Ты такой бледный, я еще не видела тебя таким.

Так, ничего, отвечал Гапур, автобус старый, народу полно, видимо, укачало немного.

— Когда же ты родителей своих привезешь? — поинтересовалась она. — Я вот только из города. Отец меня спрашивал, не забрал ли ты их.

— Они не поедут, — вздохнул Гапур, — не хотят расставаться с родным аулом и своим домом. Меня все уговаривают к ним перебраться.

— А ты?

— А я думаю еще. Не знаю, ничего не знаю пока.

— Гапур, — Лиза заглянула ему в глаза, — ты нездоров.

— Нет, Лиза, — улыбнулся он впервые за эти дни,— я совершенно здоров. Все будет хорошо.

— А что случилось? — спросила она. — Дома что-нибудь?

— Нет, — ответил он спокойно. — Ничего не случилось. Никаких изменений за все это время. Все как было.

— А что тебе этот Хасан говорил?

— Ничего путного не говорил.

ВОСПИТЫВАТЬ ТОЛЬКО ПРАВДОЙ

Когда они вошли в дом, Сулейман сидел у открытого окна и что-то читал, водя пальцем по строчкам старой бумажки.

— А, нашелся, — сказал он, пытаясь встать навстречу. — Где это ты пропадаешь? Забыл, забыл меня старого.

— Я только что от отца, — объяснил Гапур, присаживаясь рядом с ним. — Он салам передавал, просил, чтобы вы приехали к нему на день-два.

— А сам он почему сюда не едет? — улыбнулся Сулейман, снимая очки и откладывая их на подоконник. — Кстати, прочти эту записку, нашел ее, когда копался в старых бумажках.

Гапур взял пожелтевший, потертый листок и прочел небрежно накарябанные слова.

«Ты предатель веры и истинных мусульман, — писал кто-то Сулейману, — убирайся из нашего района, пока живой, а то труп твой собачий увезут отсюда твои люди».

— Это я получил в те суровые годы, когда мы прижали врагов народа, — сказал Сулейман. — Знаешь, кто это писал? Это писал отец вот того Хасана, который лекции читает людям. Таких бумажек было много.

— И что же вы?

— А мы что? Мы делали свое дело, — спокойно ответил Сулейман.

— А тех, что бумаги писали?

— Они получали свое, и эти бумаги не помогали им.

Лиза смотрела то на Гапура, то на Сулеймана.

— А что с ним стало потом, с отцом Хасана? — не выдержала она.

— Так и сгнил, собака, — кивнул головой Сулейман. — Но бог с ним. Не в этом сейчас дело. Я тебя, Гапур, звал вот для чего. Хочу посоветоваться с тобой.

Как всегда перед важным разговором, он сделал длинную паузу и продолжил:

— Не попытаться ли мне вспомнить всю историю нашей борьбы со злом, которое наносили бандиты, мешая людям жить по-новому. Я сидел и думал: ведь много сей-

час пишут и много пишут неправды, многих незаслуженно начинают делать героями. Мы умрем, все забудется, и некоторые начнут ложь за правду выдавать. А молодым надо знать правду.

Гапур с радостью взял его руку и тепло пожал.

— Я буду рассказывать, а ты пиши и поправляй меня, если я что-то не так скажу. Ты историк.

— А мне не доверяешь писать, — засмеялась Лиза.

— И ты будешь писать, и тебе я доверяю. Побольше бы таких, как ты. Жизнь бы лучше была.

То, что рассказывал старый партизан, ложилось на бумагу и захватывало Гапура, с новой силой пробуждая в нем неудержимое чувство к борьбе с тем, что мешает людям жить счастливо.

В сенях послышались твердые шаги.

— Дома ли хозяева? — пробасил чей-то голос.

— Смелее входите, — засверкали глаза Сулеймана.

В дверях показался Солих.

— А, летописцы, — улыбнулся он, — не дождались меня, сами начали. Задержался я немного. А виновата хозяйка твоя, хотела ехать со мной, да немножко захворала.

— Что? Что с ней? — уставился на него Сулейман.

— Ничего особенного, небольшой насморк. Через недельку приедет, а нет — так женим тебя здесь.

— А калым где мне взять? — шутил старик.

— Гапур и Лиза помогут, — смеялся Солих.

— Я понемногу вспоминаю, — начал серьезный разговор Сулейман. — Чувствую, многое, очень многое забыл. Думал бы тогда, записывал хотя бы основные события. Впрочем, надо накормить тебя с дороги, а дело потом.

Лиза стала накрывать на стол. Гапур собрался уходить.

— Ты, Гапур, приходи вечером, — предложил Сулейман. — Мы без тебя ничего не напишем.

— Хорошо, мне это очень интересно. Спасибо за такое доверие.

Он ушел.

— Хороший парень, — сказал Сулейман. — Смелый парень, разумный, отцов характер. Тот тоже очень смелый и честный.

Он многозначительно посмотрел на Лизу, которая стояла у окна и незаметно для них поглядывала вслед уходящему Гапуру. Через несколько минут она вышла, оставив стариков одних.

— Хорошая пара твоей Лизе, — сказал Сулейман Солиху. — Или ты не согласишься ее выдать за него?

— Выдать? — спросил Солих с серьезным видом. — Ее это дело. Я ни за кого ее не выдам. Сама она выйдет за кого желает. Она это знает хорошо. Я уверен, ничего плохого она не сделает.

— Ты прав, — ответил Сулейман. — Ее это дело. Но мне кажется, что они достойны друг друга.

Вечером пришел Гапур. Он застал старых партизан, всю свою жизнь посвятивших смелой борьбе за счастье людей, горячо спорившими друг с другом. Это был здоровый спор, помогающий четко вспоминать различные события и давать им принципиальные оценки.

— Чем был этот кусочек земли накануне революции? — спрашивал Солих и тут же отвечал: — Частицей отсталой окраины царской России.

— Да, да, — поддерживал его Сулейман, — туземцами наш народ тогда называли. Это название было официально узаконено. Оно встречалось и в литературе того времени и в газетах.

— И люди не обижались на это, — подтверждал Солих.

— И что же, если бы обиделись, так и оставались бы со своей обидой.

В воспоминаниях двух стойких большевиков вырисовывались поступки людей их поколения. Это не могло не

заинтересовать Гапура как историка и молодого пропагандиста.

Гапур внимательно слушал их и все больше убеждался, что трудности борьбы явились для них и для тысяч и миллионов таких, как они, тем молотом судьбы, под которым их пламенные сердца только крепли и закалялись. Они устояли в трудные годы, когда требовалась железная воля и сверхчеловеческая внутренняя собранность.

Большинство борцов их поколения почерпнули эту идейную силу не в академиях, а в революционных идеалах, которые были порождены необратимым движением истории. В этой исторической эпохе никакая другая сила, кроме большевистской партии Ленина, не могла показать верное направление.

— Все годы борьбы я не задумывался над этим, — обратился Сулейман к Солиху, — и вот сейчас задумался и не могу ответить на вопрос, почему же здесь у нас в годы строительства социализма так много сохранилось всяких плохих обычаев. А ведь эта мусульманская религия к нам, как говорят, пришла позже, чем к другим народам.

— Эх ты, борец, — улыбнулся Солих, — боролся и не знал причин, почему это зло у нас сохранилось дольше. Да потому, что чеченцы и ингуши, как и некоторые другие народности, в своем историческом развитии не успели пройти не только этап капиталистического развития, а даже неполностью исчерпали феодальный строй.

По недоуменному взгляду собеседника Солих видел, что он его не понял.

— Послушай, это можно сравнить вот с чем. Ты почти неграмотный человек, закончил только один класс. С половины второго класса, минуя третий, ты пошел в четвертый.

— Было бы трудно мне учиться в четвертом, — ожи-

вился Сулейман. — Но с помощью других я со временем справился бы. Ну, и что дальше?

— Да, и было трудно. Но помощь тебе оказали хорошую. Рядом с тобой были друзья, отлично закончившие три класса, и они тебя вытягивали. И все же до поры до времени у тебя оставались ошибки, которые были основаны на незнании правил пропущенных классов. Ты еще оставался первоклассником. Но ты справился с этими недостатками благодаря друзьям и своему усердию. Справился ты, тысячи таких, как ты, но многие еще оставались на уровне первого класса. Все это и сохраняло те пережитки прошлого, пережитки родового быта. Враги трудового народа сознательно тормозили духовное развитие людей для того, чтобы помешать им распознать своих и чужих.

— Родственников, что ли? — спросил вдруг озабоченный Сулейман.

— Нет, — ответил с холодной улыбкой Солих, — не родственников. Среди кровных родственников тоже были чужие, были враги честным труженикам.

— А... да, я понял тебя, — спохватился Сулейман. — Конечно, не мог мне быть своим мой двоюродный брат Висангирей, богач, долгие годы сосавший кровь и своих сородичей и мою. Все мы были ему родственниками, пока работали на него, а как только сами на себя стали трудиться, он стал нам чужим. Первую свою пулю вместе с незнакомым мне до этого Федором, таким же трудягой, как и я, потому и направил я в него. А он вместе с таким же, как и он, богачом, атаманом казачьим, направил свое оружие в нас.

— Пулю-то ты направил в него, — вздохнул Солих, — да не уничтожил до конца. Он с лицемерным стоном подлез под твое крылышко и стал убаюкивать тебя песенками, возбуждавшими в тебе чувство кровного родства. Ты вновь его, чужого, принял за своего. А он стал тебя пилить уже изнутри.

— Нет! — сказал твердо Сулейман. — Никогда я не мирился с классовым врагом.

Чувствовалось, что он обиделся на Солиха.

— Не о тебе речь, это я сказал для примера, — успокоил его Солих. — Такие Висангиреи были не только в твоем роду, а и в каждом тейпе.

— И для примера меня не упоминай, погляди сначала на мои шрамы. Это дело их рук, — возмущался старик.

— Да не о тебе я говорю, — повторил Солих.

Наконец Сулейман понял и успокоился. С улыбкой стукнул себя по голове:

— Плохо стал соображать.

— Будем говорить без примеров, — улыбнулся Солих.

— Нет, — сказал Сулейман, — с примерами лучше, только не с такими, пожалуйста. Не хочу и представлять себя таким.

— Чеченцы и ингуши, — продолжал Солих, — из-за круговой поруки в свое время плохо боролись с классовыми врагами из своей среды.

— Эх, эта круговая порука! — стукнул Сулейман кулаком по столику. — Откуда же эта гадость к нам прицепилась.

— От родового строя сохранилась, — ответил спокойно Солих.

— То есть из первого класса, — мигнул понимающе старик.

— Они, эти классовые враги, точнее, многие из них, отделались легким испугом, смогли припрятаться в массе людей. А та масса из-за родственных чувств не разоблачала их.

— Здесь во многом им помогла и мусульманская религия, — сказал Сулейман.

— Да, — одобрительно кивнул головой Солих, — очень даже во многом. Дело в том, что основная масса

людей была религиозной и большим авторитетом еще пользовались служители культа.

— От их влияния не были свободными даже некоторые из наших руководителей. — И Сулейман оживленно стал перечислять их.

— Классовые враги умело пользовались всякими пережитками, — продолжал разговор Солих. — Так, на почве кровной мести натравливали людей друг на друга, разжигали кровную месть между тейпами. Все это делалось для того, чтобы помешать трудящимся объединиться и нормально строить свою свободную жизнь.

— Здесь уже нельзя было отличить классовых врагов от религиозников, — вставил Сулейман, — они объединились и стали одним фронтом. Лишь немногие религиозники были с народом.

— Сильно мешали делу разные карьеристические группировки, — сказал Солих. — Они создавались по родственным признакам и боролись за руководящие посты.

Установилась минутная тишина. Солих сидел, прищурив глаза, что-то вспоминая.

— Как сейчас помню, — прервал он молчание, — было даже специальное решение бюро Северокавказского крайкома партии об этих группировках.

— Да, да, было такое решение, — подтвердил Сулейман, — и я его помню.

Солих приводил примеры, как отдельные руководители попадали под влияние религиозников, играли двурушническую роль и этим наносили большой вред правильному воспитанию людей.

— А на собраниях они умели красиво выступать с общими лозунгами и призывами, — добавил Сулейман.

— И другое было, — сказал Солих. — Бывшие белые офицеры и буржуазные элементы поспешили выдать замуж дочерей за некоторых наших советских руководителей и этим самым обезопасить их для себя, а потом при-

сосаться к Советской власти. И им это удавалось делать. Некоторые политически беспечные руководители клюнули на такие «цивилизованные» приманки.

— Было даже так, — добавил Сулейман, — что этим бывшим эксплуататорам, родителям своих жен, некоторые руководители добивались установления пенсии.

— Вот так, — глубоко вздохнул Солих, — все эти отклонения от правильного пути, ошибки и недостатки отдельных руководителей привели к ослаблению классовой борьбы внутри чечено-ингушского народа.

— Неужели на таких горе-руководителей не находили тогда управы? — не выдержал Гапур, молчавший в продолжение всего разговора.

— Как не находили? — ответили они одновременно.

— Поснимали их с работы, — спокойно продолжал Солих, — в двадцать пятом и в двадцать девятом. Чистка выявила много чуждых элементов и в партии и в руководстве.

— Ну, а после этого-то дела пошли лучше? — спросила Лиза.

— Как тебе сказать, — поспешил ответить ей Сулейман. — После этого я получил три раны от антисоветчиков.

— Это были закономерные акты, — продолжал Солих, — классовый враг, тщетно пытавшийся мирным путем тормозить социалистические преобразования за счет подкупов и всяких заигрываний с некоторыми руководителями, затем пошел в открытую атаку против Советской власти. Враги убивали из-за угла лучших ее представителей. В двадцать девятом году был убит пламенный большевик, первый секретарь Ингушского обкома партии Исидор Черноглазов. Был убит заведующий агитпропом Чеченского обкома Муса Кандухов. Убили стойкого большевика Алаудина Сайханова и многих других преданных Советской власти борцов. Вот Сулей-

К стр. 170

ман получил рану, жизнь его висела на волоске. И мне досталось, еле выкарабкался из лап смерти.

— Враги так обнаглели, что даже целые восстания поднимали против Советской власти.

— Что же это вы так попустительствовали горстке антисоветчиков? — спросила Лиза со слезами на глазах.

— Горстка, — повторил Солих, — если бы горстка, то было бы другое дело. Не горстка их была, а целый фронт. Даже в тридцать седьмом году их было еще много. Четыреста мулл, триста главарей всяких мусульманских сект, которые возглавились двумя влиятельнейшими шейхами. Мала ли эта сила, которая противостояла нашей революционной идеологии? Прибавьте к ним множество кулаков, тысячи всяких там лишенцев, бывших белых офицеров.

— Вот вам и «единый поток», — сказал Гапур.

— А сколько этот «фронт» трудился, чтобы сбивать с толку трудящиеся массы, пользуясь их малограмотностью! — опять вздохнул Солих. — Всякие чуждые идеи распространяли, Советскую власть проклинали. Как только очередная трудность в хозяйственном строительстве, тут же активизировалась целая свора видимых и невидимых антисоветчиков.

— Вся эта сволочь подняла голову, — сжал кулаки Сулейман, — накануне Отечественной войны и в начале ее.

— Да, — добавил Солих, — здесь они постарались вновь объединиться, вновь достали из-под полы свое ржавое оружие. Теперь они попытались создать антисоветские логова и готовили кадры главарей из отщепенцев на случай приближения фронта, чтобы всадить нож в спину трудовых масс и их лучших представителей. В ходе войны все силы их были направлены на то, чтобы обмануть народ.

— Господи, какая гадость! — не выдержала Лиза.

— Да, — сказал Солих, поглядев на нее, — эта гадость, как сейчас помню, только за семь месяцев сорок третьего года, исподтишка нанося удары в спину, лишила жизни двадцать отважных представителей партийного, советского и колхозного актива.

— Друг мой Уртаев — начальник отдела НКВД Итум-Калинского района; бесстрашный большевик — председатель колхоза Ханучкаев, — сказал Сулейман, вытирая появившиеся на глазах слезы, — много их погибло в эти годы от бандитских пуль.

— Как же они действовали, эти предатели проклятые? — снова не выдержала Лиза.

— Политбанды они организовали, — ответил Солих. — Целые группы вооруженные создали в горах Чечено-Ингушетии. Они объединились со шпионско-повстанческими группами и даже свои карликовые партии сформировали. Одно из таких профашистских объединений назвали «Горской национал-социалистической организацией», а другое — «Национал-социалистической партией кавказских братьев».

— Почему, почему, — вспылил Гапур, отложив карандаш и блокнот, куда он записывал все эти воспоминания, — все силы не бросили на их искоренение?

— Все силы? — спросил Солих. — Все силы были брошены на фронт. Потому эти отщепенцы и обнаглели, что невозможно было бросить на них все силы. Думаете, мы дремали? Нет. Только за два месяца сорок третьего года с моим участием было выловлено более полусотни бандитских групп. Три сотни головорезов арестовали в горных районах. Это были до зубов вооруженные убийцы и диверсанты.

Видя, что основные силы народа отвлечены на действующий фронт, острие своей борьбы они направили и на вредительство в колхозах и совхозах. Кулацкое охвостье пыталось овладеть колхозами, подорвать их изнутри,

проникая в них всякими путями. Это делалось, чтобы ослабить помощь нашим воинам.

В комнате установилась тишина. Все сидели настороженно, затаив дыхание, будто вот-вот что-то должно произойти.

— Вот все это, я думаю, — вздохнул Солих, — и явилось следствием искривления многими из наших местных руководителей классовой линии с первых же лет социалистического строительства. Полумеры многих руководителей и дали возможность этой своре заклятых врагов народа сохраниться и в критический момент нанести оплеуху прежде всего чеченской и ингушской нациям.

— Доверие народа, — сказал Сулейман, повысив голос, — выдвижение на руководящую должность — это не дар человеку, а обязанность его быть впереди, большая нагрузка на его моральные и физические силы.

— Как все это ново для меня, что вы рассказали, — воскликнул Гапур. — А можно обо всем этом говорить людям? Ведь ничего такого я не встречал ни в книгах, ни в газетах и в лекциях не слышал.

— Для того мы и рассказали вам все это, — сказал твердо Солих, — чтобы вы говорили об этом народу. Не даром мудрая народная пословица гласит, что забвение недостатков пробуждает у человека смелость к повторению их. Рассказывая это людям как можно понятнее и доходчивее, вы увековечите память тысячи и тысячи стойких борцов, которые самозабвенно боролись против врагов нашего народа. Разве не обидно будет хотя бы вот этому Сулейману, если все забудут о ранах на теле его. Если в нашей пропаганде пойти и дальше по пути сглаживания классовых противоречий, то появится опасность забвения памяти истинных героев, которые шли на смерть во имя счастья трудящихся.

— Говори об этом, Гапур, — воскликнул Сулейман,— говори об этом и ты, Лиза, говорите все. Говорите правду, как она есть. Об этом должны первыми говорить

именно мы, разоблачая «своих» по национальности преступников. Это обязанность чеченцев и ингушей. Все нации разоблачили «своих» отщепенцев беспощадно.

— Закрывайте смелее рты тем незадачливым интеллигентикам, — поддержал его Солих, — которые все еще пытаются воскрешать фальшивую теорию «единого потока». Не было «единого потока», была острейшая классовая борьба и внутри чеченского и ингушского народов. Во имя светлой памяти истинных борцов за Советскую власть, за социалистическое строительство, проявивших себя в острой схватке с классовым врагом, проклинайте тех, кто предавал интересы трудового народа.

Дезертиров и предателей проклинайте во имя вечной памяти тех двадцати миллионов советских людей, что отдали свою жизнь в Отечественной войне против фашистской чумы за свободу трудового народа нашей страны. Это наш долг, как правильно сказал сейчас Сулейман.

Эти мысли, да еще выраженные такими уважаемыми людьми, которые пережили все невзгоды и жизненные бури, захватили Гапура, еще больше убедили его в необходимости борьбы против старого, отжившего в сознании людей. В этих мыслях он видел еще один инструмент борьбы с предрассудками, распространенными в районе. Эти мысли показались ему теми семенами, которые, будучи брошены на взрыхленную почву сознания подрастающего поколения, должны дать те всходы, что вытеснят оставшиеся еще сорняки чувств национальной исключительности, беспорочности и национальной чванливости.

На второй день Гапур поделился услышанным с директором школы Асиевым.

— Все это правда, — подтвердил Асиев. — Но многие еще скажут тебе, что это ненужные воспоминания, что они не поднимут авторитет наций и все прочее. Я целиком согласен с Солихом и Сулейманом, что, наоборот,

забвение таких пороков и затушевывание их не воспитывает людей. О хорошем мы говорим прежде всего. Это — главное. Надо учить школьников на примерах положительного, но не забывать и об отрицательном. Воспитание советского патриотизма, любви к Родине необходимо сопровождать воспитанием чувства ненависти к врагам и изменникам Родины.

— Я недавно прочитал в газете «Грозненский рабочий», — вставил Гапур, — об изменниках Родины и фашистских карателях — Мальсагове, бывшем жителе села Альтиево, и Умарове из Урус-Мартана, которые сейчас живут в Англии и США. Руки у них в крови советских людей, да еще и галдят по буржуазному радио, клевещут на нас. Вот бы заполучить их и организовать над ними суд возмездия.

— А может быть, когда-нибудь и удастся это, — ответил Асиев. — Может быть, если они к этому времени не околеют. Кровь наших людей должна быть отомщена.

На следующий день Гапур снова виделся с Лизой. Она оказалась на редкость хорошей собеседницей. Гапура это не удивляло. Он думал, что другой дочери и не могло быть у такого отца, как Солих.

Какая-то словно магическая сила влекла его к Лизе. Каждая встреча с ней вдохновляла Гапура. Он знал, что Лиза уважает людей сильной воли, бесстрашных, свободных от всего, что не соответствует новой жизни, и он стремился стать таким человеком. Почему он скрыл от отца, что не верит в бога и ведет антирелигиозную работу? Почему решительно не пресек попытки брата и сестры навязать ему свою волю и привести в дом невесту для него? Как он до сих пор мог спокойно смотреть на страсть брата к стяжательству, на его эгоизм. А случай в автобусе? Неужели он не мог пресечь эту гнусную сцену? Свою противоречивость он переживал особенно остро, так как мысли его все время возвращались к Лизе и заставляли его думать о том, как бы она оценила его по-

ступки. Нет, он не может, не имеет права быть беспомощным и пассивным. После встреч с Солихом и Сулейманом Гапур более четко представлял себе, как он должен жить и с каким злом бороться.

ОБЪЯСНЕНИЕ

На следующий день, возвращаясь с работы, Гапур встретил около своего дома Алиева и пригласил его к себе. Гапуру не терпелось поделиться с ним своими впечатлениями о воспоминаниях старых партизан. И то, что для Алиева это тоже открывало что-то новое и что их взгляды совпадали, еще больше окрылило Гапура, и он рассказал ему о самом сокровенном — об отношении к Лизе.

— Я догадывался о твоих чувствах, — улыбнулся Алиев. — Чего же ты тянешь? Насколько мне известно, у вас с ней это взаимно.

— Не знаю, с чего начать, — ответил Гапур.

— С того и начни, — сказал твердо Алиев, — объяснись с ней.

— Разговор, вероятно, будет нелегкий. Настолько ли она меня любит, что сможет отступить от принятых у большинства церемоний калыма под видом всяких там подачек.

— Почему у большинства? — спросил Алиев. — У большинства нашего народа этого давным-давно уже нет.

— Я имею в виду ингушей.

— Ах так, в таком случае ты еще плохо знаешь Лизу и ее родителей. Они давно уже сбросили гнилые оковы национальной ограниченности, давно живут по правилам только хороших, передовых традиций. А Лиза с самого детства воспитана в духе здравого рассудка. Она никогда не позволила бы себя подачками оценивать. И

если бы ты вздумал намекнуть ей о калыме, ты глубоко оскорбил бы ее.

— Откуда ты знаешь? — спросил Гапур.

— Это не секрет, — ответил Алиев. — Я знаю их семью, ее братьев знаю хорошо. Мы вместе учились с ее старшим братом. Я часто бывал в их семье. Должен сказать, что это общение также много дало мне. Я-то ведь тоже не из такой уж атеистической, передовых взглядов семьи. Я точно знаю, что ни Лиза, ни ее родители не унизят тебя требованием калыма и соблюдением отживших церемоний, тем более они не унизятся сами из-за отживших вещей, кто бы и сколько бы людей за них еще ни цеплялись. Прошу тебя, не оскорбляй ее даже намеком о калыме...

Сомнения Гапура рассеялись, когда он встретился с Лизой и наконец решился попросить ее выйти за него замуж.

Лицо девушки покрылось румянцем, она опустила голову, но, поборов смущение, сказала просто и доверительно:

— Меня вот что волнует, Гапур. Твои родители и брат твой, если согласятся с тем, что мы поженимся, то будут навязывать моим родителям традицию церемонии сватовства, которая связана с калымом. Это здесь считается обязательным. Но родители мои с такими традициями не считаются и видят в них большое зло. Я тоже ни за что на свете не соглашусь, чтобы за меня что-то давали, даже под видом кокого-то приданого. А ты не согласишься со своими родителями и потому, что иначе уронишь свою честь учителя, пропагандиста и лектора, и потому еще, что можешь оскорбить меня этим.

Гапур взял девушку за руку и посмотрел в глаза. В их глубине он увидел душевную чистоту и нежность. Это уже была не та Лиза, которая представлялась ему упрямой, несговорчивой и готовой обрушиться на него за малейший его недостаток. Это была Лиза, чей вну-

тренний мир сливался с его душевным настроением, как бы делая его еще более богатым, устойчивым, без чего было бы трудно жить.

— Спасибо тебе, — сказал Гапур почти шепотом, — спасибо за то, что ты есть.

Он медленно наклонился к ее лицу и почувствовал ее теплое дыхание и нежность губ...

— Никогда ты не слушался меня как старшего, — бурей скандала обрушился брат на Гапура. — С этого дня ты мне не брат. Делай, что хочешь, сбился ты с правильного пути и иди по своей дороге. Я не хочу ничего общего иметь с ее родителями.

— А они тем более не хотят ничего общего иметь с тобой,—ответил Гапур решительно.—А что касается наших дорог, то скоро увидишь, что останешься на своей дороге с немногими такими, как ты. Даже твои дети не пойдут за тобой. Твоя дорога тебя приведет к помойной яме.

— Как ты разговариваешь со старшим братом? — кричала сестра.

— О аллах, что это такое? — взмолилась мать.

Лишь отец молча созерцал эту сцену.

— Иди по своему пути, — сказал он Гапуру спокойно, когда все притихли. — Я знаю Солиха, рад, если он станет моим родственником. Завтра же я поеду к нему сам, на коленях попрошу его согласия на такое родство.

— О аллах, — взмолилась мать, — до чего дошло. Старый отец объясняется с сыном по таким делам. А этот гаденыш сидит перед отцом, когда говорят о его женитьбе. Раньше, бывало, сын целый месяц не показывался родителям даже после женитьбы, не то, чтобы говорить при отце об этих вещах.

— И теперь так водится у добрых людей, — сказал брат Сайпудин в тон матери.

— Эх, мало осталось таких добрых людей, — сожалела сестра.

Гапур с Лизой несколько вечеров советовались, как им лучше отпраздновать свою свадьбу.

— Хочется так все сделать, — говорила Лиза, — чтобы этот день запомнился на всю жизнь.

— Чтобы наша свадьба была пропагандой лучших новых традиций, — добавил Гапур.

— Ты и здесь о пропаганде, — добродушно смеялась Лиза.

— И здесь и везде и всегда мы будем самими собой, — с гордостью сказал Гапур. — А свадебный обряд всегда выявляет отношение людей к отжившему...

Сватовство состоялось без всяких громких церемоний. Отец Гапура на днях приезжал к Сулейману и вместе с ним ездил в город к Солиху. Тот, зная о взаимной любви молодых и веря в порядочность Гапура, в его смелость и решительность, не дал себя уговаривать.

— Время сейчас такое, — улыбнулся Солих, обращаясь к Элберду, — что наше родительское дело в этом отношении отодвигается на второй план. Наверное, решение о женитьбе давно уже состоялось там, у них самих. А наше дело принять это решение с аплодисментами.

— Да, — оживился Сулейман, — в таких случаях лучше аплодировать, чтобы они на нас косо не смотрели. Пусть наше родство будет и этим скреплено!

— Вот он, — засмеялся Солих, — сводник. Это он их уже давно благословил и за меня и за тебя, Элберд.

— Спасибо ему, — вытер слезы Элберд. — Я знаю, он никогда плохого не пожелает и для меня. Спасибо и тем, кто воспитал Гапура. Я бы ему ничего хорошего не дал.

— Ты дал ему главное, — ответил Сулейман, — честность и добродушие. Без них трудно было бы стать хорошим и полезным человеком при любом воспитании.

О дне свадьбы и о том, что с его стороны потребуется для невесты, справился Элберд после ужина.

— О дне свадьбы, — ответил Солих, — сами молодые пусть договорятся, а с твоей и с моей стороны ничего не потребуется.

— Но я не хуже других, могу сделать все, что нужно для этого, — посмотрел Элберд в глаза Солиха. — Я не хочу, чтобы люди подумали, что мой сын безродный и что он женится на безродной.

— Тебе трудно придется, если будешь делать то, что, по-моему, потребуется тебе сделать для этого.

— Сделаю все, — выпрямился старик.

— Приезжай на свадьбу к своему сыну и сиди вместе со мной и нашими молодоженами за свадебным столом.

— Так этого же никто из ингушей еще не делал, спохватился Элберд, настороженно глядя на Солиха и не зная, всерьез говорит он это или в шутку.

— Потому я и говорю, — засмеялся Солих, — что тебе придется трудно. Ты же сам напросился на это.

— И я с вами, Элберд, — говорил Сулейман, вытирая слезы смеха.

— Привези и сваху, — весело сказала сидевшая здесь вместе с ними за столом мать Лизы.

— Да вы что, совсем одурели? — серьезно обиделась жена Сулеймана, слышавшая эти разговоры в другой комнате, где она, еще не совсем здоровая, прилегла отдохнуть. — Вы хотите, чтобы люди над вами смеялись.

В шутках, смехе и воспоминаниях прошла почти вся ночь. На следующий день, собираясь уезжать домой, Элберд спросил Солиха, что нужно с его стороны.

— Послушаться своего сына, — ответил Солих, — и делать то, что он скажет.

— А что он может сказать? — пожал плечами Элберд.

— Это уж тебе лучше знать, что в таких случаях может сказать твой сын. Нам ровным счетом ничего от вас

не нужно. А что нужно им, молодым, сами все сделают. Я тоже не готовлю для своей дочери дорогих подарков, да она и не захочет этого. А вы делайте то, что считаете нужным делать для своего сына и что он захочет.

— Как было бы хорошо, — мечтал Гапур, — если бы наши родители согласились быть рядом с нами в этот день!

— Мои будут, если попросить, — с готовностью ответила Лиза.

— А мои нет, — вздохнул Гапур...

ЖЕНИТЬБА УСМАНА

Оживленно было на улице села. Целая колонна легковых машин пришла к дому Мухти. Ружейная пальба и автомобильные сигналы оповестили людей о том, что наконец-то, через несколько месяцев после сватовства, повезли Усману его невесту. Хотя сам Усман и имел в селе большую трехкомнатную квартиру, свадьбу братья решили устроить в городе, где живут они. Свадьба должна быть шумной, многолюдной, со всеми ритуалами, в том числе и с денежными подношениями гостей. Туда поехали и Саваров с Иналуковым. Они не скупятся на деньги, по сотне решили дать и тем показать свою щедрость и уважение к традициям и состоятельным братьям Усмана. И Хасан здесь в роли друга Усмана, спотыкаясь, обслуживал гостей, как можно чаще показываясь своему начальству и другим руководителям, что пришли сюда, чтобы почтить этот дом и эту семью.

Гости все шли и шли. Уходя, они протягивали старшему брату Усмана деньги — кто сколько, в зависимости от степени родства, знакомства и состоятельности. А те из родственников, кто поближе, еще на день-два раньше сделали свой вклад в этот котел. Кто барана привез, кто двух, кто бычка, кто быка.

Усмана на свадьбе нет. По обычаю, он находится у друзей. Там он предается мечтам о должности в городе, о высоком положении. Ему сообщают, кто из руководителей приходит на его свадьбу. Еще сильнее загорается пламя, сжигающее человеческое достоинство и оставляющее в нем только чувство карьеризма и зазнайства.

— Да, сегодня, говорят, женится и мой однокашник Гапур, — сказал он с иронией.

— А кем он работает? — задал вопрос кто-то.

— Да так, учителем, — ответил он пренебрежительно. — Послать бы ему туда ящик коньяка и барана и сказать, что это от друга. Как-никак восемь лет вместе учились.

— А что, у него выпивки и закуски на свадьбе не хватает? — спросил один из друзей.

— Хватать-то, может быть, и хватает на такую свадьбу, какую он затеял, — ответил Усман, — но там, наверное, будет кто-нибудь из нашего начальства.

— Правильно, — сказал тот, — послать барана и ящик коньяка и объявить, что прислал Усман. Это будет хорошо выглядеть.

— В такой день не хотелось об этом говорить, — сказал Валид — учитель из горного района Чечни. Сюда он пришел с другом, одним из дальних родственников Усмана. Усмана он знал по рассказам друга, но видел его впервые.

— Говори, пожалуйста, — сказал Усман, — здесь можно все говорить, мы для этого и собрались. Наше дело сегодня гулять, отдыхать. А там, там, на свадьбе, порядок будет полный.

Язык Усмана заплетался. Он был пьян, так же как и большинство его товарищей.

— Не мое это дело, может быть, — сказал Валид, — но мне кажется, что вы этим самым обидите Гапура. Я его не знаю, но, судя по его статьям в газетах и по тому, что я слышал о нем, парень не нуждается в таком шике.

— А что ты о нем слышал? — уставился на него Усман, показывая свое недовольство.

— Я слышал о нем только хорошее. Слышал, что у него большая перспектива быть полезным в том районе и вообще.

— Это ты слышал и больше ничего? — спросил Усман пренебрежительно. — Никакой перспективы у него нет и быть не может. Он плюет на наши национальные обычаи и хочет выслужиться перед кем-то. Ничего не выйдет! Никакой из него начальник не получится, никакого роста у него не будет. Так он учителишкой и останется.

— Простите меня, — сказал Валид, собираясь уходить, — не вовремя разговор этот затеяли. Перед Гапуром я преклоняюсь, хоть никогда в жизни не видел его. Он гордится своей профессией. Напрасно ты, Усман, так думаешь. Учитель начальником может быть, но не всякий начальник может быть учителем. Я лично ни на какой пост свою профессию не променяю. А что касается роста, то и он будет расти как учитель, как педагог.

С Валидом вместе ушли еще несколько парней, кому явно не понравился Усман, его рассуждения и гонор.

— Валяй, валяй, — махнул Усман вслед уходящим и стал наполнять бокалы.

— Мой друг Гапур, наверное, под крики «горько» обнимает там и целует свою невесту, эту самую врачиху, как ее, Лизу, дочь старого демагога, который еще больше запутал и так сумасшедшего Умчиева. Это он, старый пес, да калека Сулейман его научили плевать на свой народ, выискивая там всякие ошибки наших руководителей в прошлом. Сейчас, друзья, в этот момент надо даже маленькое, что положительно в наших людях, преподносить, во сто крат преувеличивая его, а плохое, если оно и было, забывать, затушевывать.

— Правильно, правильно, Усман, — подхватил один из друзей.

— Так вот, друзья, — поднял Усман бокал с коньяком,— я пью за всех ингушей всех времен, за настоящих мужчин. Своего самого худшего я не променял бы на сотню лучших чужих. Всю свою жизнь буду поддерживать только своих. А остальных — к чертовой матери!

Трое подняли бокалы, с одобрением чокнулись с Усманом. Четвертый, ничего не сказав, ушел из этой компании.

— Вода уходит, — сказал Усман, посмотрев ему вслед, — а камни остаются. Мы — это камни, глыбы, а те — это вода.

— Выпьем за камни, за глыбы, — сказал один.

Все залпом выпили.

— Выпивка и закуска, — продолжал Усман, — чепуха, они доступны многим. Основное — надо иметь мужество не терять головы при этом.

— Давайте выпьем, — сказал один из тех, кто не теряет головы.

Налили вновь полные бокалы и еще выпили.

— Я вот сижу с вами за этим столом, — рассуждал опьяневший Усман, — а сам думаю, достойны ли вы все, чтобы я сидел с вами. Я ведь без пяти минут министр. А вы кто? Кто вы, черт вас возьми! Вы видите, в нашем дворе что делается. Вся Чечено-Ингушетия, весь цвет ее, все лучшие люди там собрались, в доме Мусы. Чья это свадьба? Это свадьба сына Мусы, Кулацкова Мусы.

Он стукнул кулаком по столу так, что зазвенела на нем посуда.

— Я знаю, — продолжал он, глядя сверху на друзей, — я знаю, что мои братья собрали на этой свадьбе тысячи рублей денег. Это все мне. Но мне они не нужны. Мы и без них имеем все, все, что нужно для полного счастья человека.

— Нет! Нет у вас всего, что нужно для счастья, — еле удерживаясь на ногах, встал один из друзей. — Нет

у тебя и твоих братьев ума, нет совести. Есть у вас только ворованные деньги, есть у вас нечестно накопленное богатство, которое, словно эфир, улетучится, как только против вас подует встречный ветерок.

— Подует, — стукнул другой кулаком по столу, — буря поднимется такая, что весь ваш дом вместе с вами и дедом твоей невесты шарлатаном Мухти поднимется и потом плюхнется в гнилое болото.

— А мне, — покачивался третий, — а мне плевать на Кулацковых. Сейчас уже не ваше время. Оно уже проходит. Вы, наверное, из кулацкой верхушки. А фамилия-то точно к вам подходит.

— За... за... завтра посмотрим, кто чего стоит, — говорил Усман, оставшись один в комнате.

Последние друзья его тоже ушли, захватив с собой по бутылке коньяка.

Усман долго еще говорил что-то, угрожал кому-то и, наконец, свалился на кровать и уснул.

Там, во дворе, где свадьба, — сотни людей отовсюду. Все новые и новые гости приходят, кушают, важно из кармана достают деньги, протягивают их брату Усмана и, пожелав всего хорошего, уходят.

Вновь и вновь опорожняются огромные чугунные котлы, вновь заполняются они свежим мясом. Десятки людей, обслуживающих наиболее почетных гостей, спотыкаясь, бегут к котлам с тарелками и, наполнив их, спешат обратно в комнаты и даже в соседние дома, где разместились пришедшие на свадьбу.

Нет здесь ни музыки, ни танцев. Лишь из одной комнаты, облепленной целой группой любознательных детей и легковерных женщин — старух, родственниц Усмана, еле доносится монотонное пение мюридов.

Старшие из рода Кулацковых с тросточками ходили по двору, поднимаясь на носки, заглядывали во все комнаты, пытаясь рассмотреть, нет ли здесь подвоха. Они

чутко прислушивались, доносятся ли здесь из какой-нибудь комнаты звуки музыки, топот танцующих.

Нет, здесь не было ничего такого. Здесь было все... как велел сам мулла — ближайший родственник Усмана по отцовской линии.

НАЧАЛО ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ

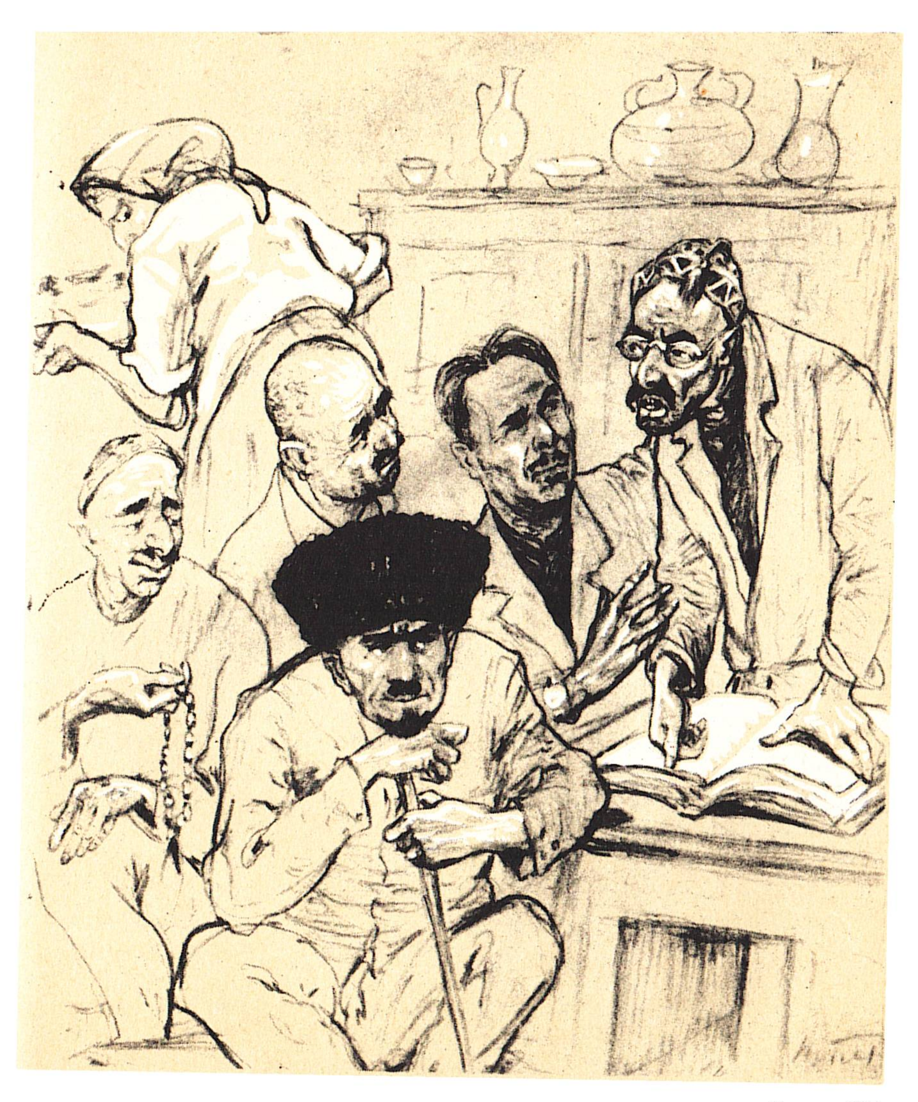
...На свадьбе Гапура, в гримировочной комнате районного Дома культуры, было весело всем. Здесь собрались полсотни человек разных национальностей.

Чечено-ингушские песни и танцы сменялись русскими. Для всех они были своими, родными.

Здесь не было никаких подношений, кроме цветов да электрического самовара и картины. Их преподнесли директор школы Асиев и главный врач больницы, где работала Лиза.

Иванов с Алиевым подарили макет спутника.

Где-то в глубине души Гапура тлела обида, что в этот день нет рядом с ним ни брата, ни сестер. И так чужой по взглядам на жизнь брат еще больше отдалился от Гапура из-за того, что тот выбрал себе невесту сам, пренебрегая его расчетами на установление родства с людьми, близкими ему по духу. Сестры привыкли слушаться старшего брата. Мать тоже не одобряла Гапура за то, что он не посчитался со старшим братом. Лишь отец оставался при своем мнении. Он в душе гордился родством с такими людьми, как Солих, Сулейман. Он знал им цену. Тысячу адатов он мог преступить, если это было угодно его старому другу Сулейману и Солиху. Он верил им больше, чем всем другим. Эту веру в нем вновь укрепили свежие воспоминания о тяжелых днях борьбы за новую жизнь. Поэтому он пренебрег законами адата, по которым сын не должен видеться с

К стр. 207

отцом даже через месяц после женитьбы. Вместе с родителями Лизы и Сулейманом он был на свадьбе сына. И это наносило удар по сектантам, всеми силами пытавшимся взять в свои руки такие бытовые стороны жизни людей, как свадьба, похороны...

— Вот что я для тебя приготовил, — сказал Гапур Лизе, когда они остались вдвоем в своей почти пустой квартире.

— Для нас на сегодня этого достаточно, — ответила Лиза. — А потом все будет. Это зависит от нас. Я рада, что начинаем сами, без родительской опеки, без подачек родственников.

— Независимость в этом деле и меня радует, — сказал Гапур.

— Вот и договорились, — заключила с радостью Лиза. — Как хорошо, когда в этом деле людям самим дано право выбора! И как противно, когда другие слепо подчиняются воле родителей и по их подсказке строят свою семейную жизнь!

— Еще хуже, — сказал задумчиво Гапур, — когда другие, пусть даже родители, вмешиваясь в такое священное право человека, пытаются строить на этом и какой-то свой расчет.

Многие мысли, бурлившие в нем, терзавшие его, оказались общими для обоих.

Вскоре Гапуру оказали большое доверие — избрали членом райкома партии. Это было общественное признание той роли, которую играет учитель-пропагандист в жизни района.

— Ну что ты так занесся, — шутила Зина, — ты совсем забываешь, что и я член райкома. И моя профессия животновода не хуже твоей.

— Не спорю, — улыбнулся Гапур, — но не забывай, что и животноводом ты стала благодаря учителю.

— А мы даже членов райкома лечим, — рассмеялась Лиза.

Султан с Зиной и Люба с Адамом часто приезжали в райцентр, к Гапуру и Лизе, которые были всегда рады их приезду и очень редко отпускали их домой в тот же день, особенно под выходной.

— Все идет по законам жизни, — говорил Гапур. — Все становится на место. Хороший дядя Саваров наконец вернулся к своей старой профессии.

— Только жаль одно, — шутила Люба, — не повезло Усману. Так и не успел Иналуков вытолкнуть его отсюда в город на большую работу.

— И веревка, которой тянул его туда Киясов, порвалась, — смеялась Лиза.

— Да сам Киясов опрокинулся с обрывком веревки в руке, — добавил Адам.

— Какие вы злопыхатели,— говорила Зина, — чему вы радуетесь. Раз очень хотел он перебраться в столицу, пусть бы осуществилась его мечта.

— Так она осуществилась все равно, — сказал Гапур. — Усман уже работает наверху.

— Где? — спросила Люба.

— В заготовках, — ответил спокойно Гапур. — Наконец и он приобрел свою семейную профессию.

— Сможет обеспечивать дедушку Мухти, — смеялась Лиза.

— Во всяком случае ему придется для этого много потрудиться, — ответил Гапур, — потому что, кроме всего, ему надо вернуть ту большую сумму пенсии, которую незаконно получил святоша.

— Еще хорошо, что Абас не в претензии к нему, — сказал Адам, — а то бы трудно пришлось Усману.

— Конечно, — смеялся Гапур, — Абаса государство взяло на иждивение лет на пять.

— А что с ним? — поинтересовался Султан.

— Как что? — ответил Гапур. — Посадили за попытку отомстить родственникам Абайдулы за то, что тот, бедняга, когда-то сажал его за спекуляцию.

— Мои кровники притихли, — сказал Султан.— Осознали свои ошибки после того, как в прокуратуре провели с ними разъяснительную работу.

— Бывает, — сказал Гапур, — что до некоторых больше доходит голос прокуратуры и милиции.

КОГДА БЕДА ПРИХОДИТ В ДОМ

В это время раздался стук в окно. Лиза откинула занавеску и увидела незнакомого мужчину. Вместе с Гапуром она вышла на улицу. Гапур узнал своего брата. Тот был явно чем-то расстроен. Зашли в комнату, Сайпудин даже не присел, тут же повернул обратно. Гапур с Султаном поспешили за ним в коридор.

— Я... я... попутно, — выдавил он наконец, — украли Суну. Второй день не можем на след напасть.

— Кто украл? — спросил Гапур.

— Говорят, что племянник того самого Мухти, что здесь живет, — ответил Сайпудин и громко со злобой добавил: — Не сделали бы этого, если бы с нами считались!

— Кто его племянник?

— Не знаю, — злился Сайпудин, — говорят, что он недавно вернулся из тюрьмы.

— Еще лучше, — вставил с досадой Султан.

— Проклятые обычаи! Пойдем перережем всех! Были там, у них нет никого из мужчин дома, старый пес и тот сбежал. Возьмем в отместку кого-нибудь из их женщин, опозорим их род, будь он проклят.

Гапур с Султаном успокоили Сайпудина. Снова завели его в комнату. Он стал понемногу отходить.

— Вы простите меня, я немного не в духе. Лиза, ты прости меня, что так все получилось, — он ни разу ее не видел и обратился к ней наугад. — Проклятые обычаи все попутали. Ты прости, что все это не так, как положено.

Лиза молчала. Она слышала разговор в коридоре.

— Теперь оставим это, — сказал Султан. — Надо немедленно обратиться в милицию.

— Нет, — ответил Сайпудин, — я не успокоюсь, пока собственными руками не рассчитаюсь с этими гадами.

— Проклиная на словах и так проклятые всеми обычаи, — возразил твердо Гапур, — ты тут же поддерживаешь их в другом. Будь же наконец разумным.

Гапура до глубины души оскорбила эта весть. Больше не задерживаясь, он направился к выходу.

— Куда ты один? — поднялся Сайпудин, за ним й Султан и Адам.

— Не волнуйтесь, — перерезала им дорогу Лиза, — он сам все сделает.

— А что он сделает? — остановился Сайпудин перед Лизой, — он один ничего не сделает. Его опасно одного пускать к этим зверям. Он очень горячий.

— Нет, — стараясь быть спокойной, объяснила Лиза, — он к ним не пойдет, ему нечего у них делать. Он знает, куда ему идти. А вы все садитесь, пожалуйста, он сейчас же вернется.

— Клянусь,— сказал Султану Сайпудин, выйдя с ним на улицу после ужина и ожидая прихода Гапура.— Я не променял бы эту Лизу на сотню других. Мужественная она. Как она меня успокоила. Я виноват перед ней и перед ее родителями. Не так, как положено, я поступил.

— Не перед ними ты виноват, а перед своим братом,— ответил Султан.

Тут появился Гапур.

— К утру все будет в порядке, — сказал он, не глядя на брата.

Сайпудин не спрашивал о подробностях. Он, как никогда раньше, подчинился воле Гапура.

Утром, в воскресный день, Гапур с Султаном и Сайпудином пришли в райотдел милиции. Там начальник милиции заявил, что девушку забрали, преступников посадили в тюрьму.

Сайпудин растерялся вначале. Лицо его побледнело. Гапур ощущал его порывистое дыхание. Он видел его таким всегда, когда брат бывал крайне возмущен.

Сквозь холодную улыбку, которой он пытался прикрыть свое душевное состояние, как ядовитая стрела, сквозил его уничтожающий взгляд. В минуты возмущения у него никакими клещами нельзя было вырвать ясного слова. Воображение его, как плотный туман, застилала жажда мести за оскорбленное самолюбие. Сильная буря негодования могла бы толкнуть его в пропасть, откуда не было возврата. Но рядом был Гапур и другие, которые сдерживали его гнев.

Когда шли из отделения милиции, он смотрел куда-то в сторону, этим выражая свое недовольство и Гапуром и Султаном.

— Забери ее к себе, — бросил он Гапуру, — пусть только не вздумает сказать, что ее украли.

— А как же? Что же она должна сказать?

— Пусть скажет, что вначале соглашалась, а потом, когда увезли, передумала.

— Это зачем же?

— Затем, чтобы их не судили.

Гапур понял расчет Сайпудина. Он был прост. По обычаям мести, за нанесенное оскорбление обиженный сам должен мстить, а не через кого-то и даже не через органы власти. Если посадят двух-трех, то те, наоборот, могут объявить месть ему. А если так, без вмешательства властей, то, возможно, скандал уляжется мирным путем, посредством крупной суммы денег, которую он получит от них.

— Нет! — заявил твердо Гапур. — Так не выйдет. Игре этой грязной не быть. Я ее заберу к себе, и она на суде скажет всю правду. Ты плохо знаешь свою дочь. Суна постоит за себя.

— Я ей отец! И будет так, как я решил.

— Нет! — повторил Гапур. — Будет так, как положено. Она из тех девушек, что смело борются за свое счастье.

Суна пришла к Гапуру и жила у него в доме до окончания следствия.

Преступники оказались на скамье подсудимых.

Отовсюду к Сайпудину посылались люди, чтобы объявить об ответственности его за приговор суда. Все это заставило Сайпудина по-другому взглянуть на свои убеждения. Собственная беда постепенно, но верно снимала с глаз темную пелену.

— Передайте тем, кто вас прислал, — сказал он посредникам, — если они еще раз потревожат меня, то я сделаю все, чтобы и их покарали за пособничество тому злодеянию.

— О аллах! — воскликнул один из стариков, уговаривавших Сайпудина вынудить дочь изменить показания в пользу арестованных. — Что за времена настали! Я помню много случаев, когда отца и мать связывали, девушек крали. И все обходилось. И теперь живут счастливо эти семьи. Вот мой двоюродный брат так женился. А здесь из-за какой-то девчушки двое мужчин в тюрьме.

— Говорю тебе, Элберд, — обратился второй старик, — не давай же скандалу закрепиться. Тяжело вам потом придется. Не дай бог, если кто из арестованных умрет, то месть же вам объявят. Зачем твоя внучка говорит властям, что Мухти подстрекал своего внука украсть ее. Она написала это в милицию, прокурору. Глупый племянник самого Мухти подтвердил это. Теперь судят и его, тамаду, старого человека. Где это видано, чтобы жен-

щина так поступала, как твоя внучка. О аллах! Последние это времена.

— Скандал, который возникает из-за женщины и собаки, — сказал третий старик, — как говорили наши предки, заканчивается только убийствами до девяти человек. Ты, Элберд, человек старый, хорошо понимаешь обычаи, ты не должен дать скандалу разгореться. Скандал легко затушить, пока он не стал на ноги. Но как только он пойдет, то его уже не остановишь. Зачем ты позволяешь, чтобы из-за женщины заточили двух мужчин?

Сайпудин еле сдерживался, чтобы не наговорить старикам грубостей и не выпроводить их. Но присутствие отца делало его внешне смирным.

— Вы, — Элберд назвал всех посредников по именам, — говорите от имени родственников Мухти. Перед ними вы свой долг выполнили, теперь выполните свой долг перед нами, пострадавшими. Передайте им, что мы к нему ничего не имеем, ни хорошего ни плохого. И знать их мы не хотим. Мы полагаемся на силу и справедливость властей. А вас мы просим больше по таким делам не ходатайствовать. Сама девочка скажет за себя. Она и нас не послушается.

— И если еще раз кто-нибудь придет сюда, — не выдержал Сайпудин, — клянусь аллахом, сделаю так, что к другому он не пойдет по таким делам.

— Вам легко судить, — сказал Элберд старикам, перебив сына, — не ваша это внучка и не ваша дочь. Чужое горе кажется легче. Среди белого дня девочку шестнадцати лет поймать по дороге из школы, связать ее как овцу, забить ей рот и возить по чужим домам и издеваться над нею — это зверство непростительно никому.

— Потому бандиты и действуют так нагло, — вспылил Сайпудин, — что такие, как вы, посредничаете и замазываете их преступления. Они отделываются деньгами, избегают положенного наказания. Сажать бы в

тюрьму таких людей, которые лезут замазывать преступления.

— В таком случае, — вспылил один из стариков, что был дальним родственником Мухти, — это ваше дело.

Он достал из кармана маленький коран и, призвав других посредников, начал произносить клятву:

— Именем аллаха клянемся, что девушка эта не тронута нашими людьми. А что касается сидящих в тюрьме, то их судьба на вашей совести. И хорошее, что с ними случится, ваше и плохое — тоже.

Старики направились к выходу. Их остановил Сайпудин, еще раз повторил:

— Запомните, не тревожьте людей, не становитесь поперек советских законов. Подомнут они и вас так же, как и того старого пса — Мухти. Не появляйтесь в нашем дворе по этому делу. Отец вам все сказал.

— До своего ареста Мухти поклялся на коране, — сказал один из стариков, — что не допустит, чтобы ваша дочь вышла замуж за другого человека.

— Никто другой на ней и не женится, — пробасил другой, нахмурив брови и важно шагнув к выходу. — Кому хочется чьей-либо мести?

— Клянусь аллахом, — вспылил еще больше Сайпудин. Но он ничего не успел сказать — Элберд по праву отца прервал его и заставил замолчать.

— Чем видеть ее замужем за его племянником — вором и жуликом, — сказал Элберд, стараясь говорить как можно спокойнее, — мы согласились бы видеть ее мертвой, в могиле. И вообще запомните, что мы не боимся силы Мухти. Сама девочка с помощью Советской власти постоит за себя.

Как только не изворачивался Мухти во время следствия! Порвались те грязные сети, которыми он хотел опутать невинных людей. Но дух злобы, гнездившийся в нем всю жизнь, не покидал его. Он не раскаялся.

Теперь уже в нем кипела звериная злоба и на тех, кто помогал ему сеять среди людей ядовитые семена, отравлять их быт зловонием шариата и коварных адатов. Он просил помощи то у одних, то у других бывших своих покровителей, таких как Киясов. Но они оказались не в силах отвести от него справедливый, заслуженный им всей жизнью удар.

Суна была из тех девушек, кто взял судьбу в свои собственные руки, она не могла уже быть безликой жертвой теней прошлого. На ее стороне советские законы. Невозможно стало уже держать на ее глазах темную повязку, не дававшую многим ее старшим сестрам видеть свет самых справедливых человеческих законов. Она пошла в смелую атаку на насильников и их покровителей. Мухти и его племянников осудили.

Лишь немногие жалели о Мухти. Ведь люди, что когда-то следовали за ним, поняли его настоящую сущность.

Незадолго до последнего своего злодеяния, словно чувствуя приближение давно заслуженной им кары, на одном из мюридских вечеров, он, глубоко вздыхая, сетовал на жизнь.

— Эх! Как гнусно становится на этом свете. Как мало осталось людей, не запутанных дьяволом. Законы предков преступают, вековые устои быта топчут, святой шариат не признают.

Он как бы изучал каждого из окружающих и злился, не чувствуя отклика на свои душевные излияния.

— О аллах! — воскликнул он со злобой, воздевая руки к небу. — Ниспошли силу, чтобы уничтожить твоих врагов на этой земле. Аминь!

Лишь два мюрида повторили за ним «Аминь» и, словно его тень, тоже подняли вверх трясущиеся руки. Остальные сидели молча, опустив головы в разноцветных тюбетейках.

Мухти чувствовал, как постепенно уходит из-под ног и эта последняя опора. И все же он не унимался.

— О аллах, — взывал он к небу, — дай нам силу устоять перед соблазнами сатаны! Аминь!

— Аминь! — повторили голоса мюридов.

— Свергни ты власть, что попирает твои устои! — продолжал он. — Верни нам былую твою благодать! Аминь!

Молчание установилось в комнате. Замолчал и Мухти, оставшись сидеть с воздетыми к небу руками.

— Если мы собираемся славить аллаха, пророка и нашего устаза, — сказал тихо один из мюридов, — то зачем нам эти возгласы сожаления о прошлом?

— Не дай аллах возврата того времени, — поддержал второй, — когда одни сосали кровь других.

— Свободно живут люди сейчас, я не знаю, чего не хватает.

— Мухти! Если недоволен ты своей судьбой, то делай сам, что считаешь нужным. Мы за тобой не пойдем. Мы приходим молиться, а не проклинать людей и вздыхать о прошлом. Оно у многих из нас было тяжелым.

Остальные молчали, глядя то на Мухти, то на одного, то на другого из говоривших.

Мухти поспешно стал собираться уходить.

— Я больше не тамада, — объявил он громко. — Вас тоже запутал сатана. Может случиться и так, что вы донесете на меня властям и я за свои старания перед аллахом буду наказан руками гяуров.

Молчаливые взгляды мюридов проводили Мухти за порог дома. Они остались сидеть.

— В одном только Мухти прав, — прервал молчание старший из всех здесь по возрасту Хадис. — Он правду сказал, что старые наши дедовские обычаи забываются, вера в аллаха у большинства наших людей ослабла. Надо нам думать, что делать. Мы за это в ответе перед богом на том свете. Мы в ответе за наших детей, за наших родственников, знакомых.

— Женитьбу и замужество, похороны и другие события жизни начинают проводить кому как вздумается, — поддержал один из мюридов. — Нельзя забывать наши обычаи.

Мирные рассуждения мюридов прервал душераздирающий крик женщины. Это кричала дочь хозяина дома, где сегодня проводился очередной сбор мюридов. Сам хозяин — Раас был человеком пожилым, лет семидесяти. Он доводился двоюродным братом тому самому Мустафе, отцу Салимат. После смерти Мустафы он остался за старшего в их фамилии и наставником для всех...

ЖЕРТВА ЗЛОСЛОВИЯ

Салимат с сыном Лаханом устроилась в маленьком ауле, там, где жили сыновья и все родственники ее покойного мужа Мааса. Адат не велит мужчине уезжать от своих сородичей по отцовской линии. Салимат всю свою жизнь работала не покладая рук. Теперь она мечтала только о счастье своего единственного сына.

— Женим тебя скоро, — говорила она ему с гордостью, — появятся у меня внуки и внучки. Стану я их нянчить и ласкать. Буду счастливая жить долго-долго.

Но не сбылись мечты несчастной Салимат. Она не знала, что злые языки плетут ей саван несчастья. Лахана не оставляли в покое. Постоянные упреки некоторых сверстников, которые часто повторяли и его неродные братья, что Лахан маменькин сынок, что он боится матери и слушается ее во всем, что таким не должен быть настоящий мужчина, если он, конечно, рожден от законного отца, возводили ледяную стену между сыном и Салимат. Он давно уже бросил учиться, часто приходил домой пьяный, требовал у матери деньги на неизвестные дела, стал грубить ей, не считался с ее просьбами и мольбами. Долгие месяцы накапливалось в душе Лахана все то, что вытесняло из нее и сыновнюю любовь к матери и

чувство благодарности к ней, что внушали ему добрые люди.

И сама Салимат создала почву для произрастания в душе его дурных привычек. Слепая материнская любовь Салимат позволяла Лахану с раннего детства делать все, что ему захочется, воспитывала в нем эгоиста. Трудолюбивая Салимат стремилась удовлетворить все его капризы. Она делала все, что бы ему ни захотелось, доставала вещи, которых не было у других. К труду он не был приучен. «Пусть растет беззаботным, — думала она, — а там, когда подрастет, всему хорошему научится и мою старость обеспечит». Учительница часто говорила Салимат, что Лахан плохо учится, предлагала определить его в школу-интернат в другое село. И слышать не хотела мать о недостатках сына. «Он еще совсем маленький, слабый здоровьем, вот подрастет и будет учиться лучше». А сын совсем отбился от рук и наконец бросил школу, не окончив и шести классов.

Салимат никак не хотела видеть того, что видели другие в ее сыне. Она не замечала пустоты его души, в которой не было места ни благодарности, ни сыновней любви к матери. Самой сильной страстью, овладевшей ее семнадцатилетним сыном, была жажда безрассудных веселий, выпивок, которые часто завершались скандалами и драками. Приходил он домой поздно ночью злой и раздраженный. Мать не смела спрашивать у него ни о чем. Наутро она слезно уговаривала его не пить. Лахан отвечал на ее слезы дерзостью, осыпал нецензурной бранью.

Однажды Салимат не выдержала и пожаловалась на сына его старшему брату.

— Не знаю, — пожал тот плечами, — кто он мне. Уехала бы ты с ним к своим родственникам. Люди все больше упрекают нас. Они ведь знают, что он не наш.

— А чей же он? — плакала Салимат. — Имя-то он носит вашего отца.

— Пусть носит он имя Юсуп-муллы, — вскипел тот.

Такие упреки часто слышал и сам Лахан. Случай в автобусе окончательно вселил в его пустую душу ненависть к матери.

— Скажи, кто я! — схватил он в пьяной ярости мать за волосы. — Чей я? Кто такой Юсуп-мулла?

Поправ извечную святую любовь детей к матери, он со звериной злобой оттолкнул ее от себя и с такой силой ударил об стенку, что она рухнула на пол и потеряла сознание. Густая кровь потекла по лицу.

В этот миг где-то в глубине души его возникла искра жалости.

— Мама! — крикнул он впервые за последние два года. — Мама! Что я наделал! Будь проклято все!

Он кинулся к ней. Жалость к матери заполнила все его существо. Будто бросая вызов человеческому коварству и злу, схватил он кухонный нож и с силой вонзил в свою грудь. Несчастная Салимат очнулась в мертвых объятиях сына.

Лахана похоронили. Но зло, толкнувшее человека на такой вызов против самой природы, еще осталось, свив себе гнездо в душах отдельных людей. Это они лишили юношу здравого рассудка и, ломая всякие нормы человеческой нравственности, подтолкнули его к такому неслыханному преступлению. Раз уже поддавшись злым языкам, отказавшись от своей воли, он слепо продолжал служить и повиноваться злу, пока оно не оборвало его собственную жизнь.

...И вот страшная весть о смерти Лахана, о мучениях Салимат пришла в дом Рааса и потрясла его. Он соскочил с места, растерянно оглядываясь вокруг.

— Несчастная Салимат, — произнес он еле слышно, — не послушалась меня, не переехала сюда, поближе ко мне.

Мюриды молча глядели на него.

— Ах, какое несчастье, — продолжал Раас, судорожно перебирая четки, — адат, адат помешал тебе, Салимат, поступить так, как было бы тебе лучше. Почему же ты послушалась этот адат, а не меня? Ах, какое несчастье! Единственной радости тебя лишили злые языки и этот адат.

— Раас, — встал Хадис, — успокойся, не забывай, что все от аллаха. Он предопределил все это. Не в человеческих силах изменить судьбу. Забери ты свою племянницу к себе и успокойся, нельзя не соглашаться с волей аллаха.

— Слава аллаху, нашему создателю, — опустился Раас среди мюридов на колени. Тенью покорности покрылось его побледневшее лицо.

НОВЫЙ ТАМАДА ДЕЙСТВУЕТ

Вновь продолжался оборвавшийся разговор мюридов.

— Я долго думал, — присел Хадис, — как сохранить наши обычаи, которые завещали нам наши отцы и деды, и наш пророк, и наш устаз.

Установилась минутная тишина. Все сидели, опустив головы. Лишь Хадис смотрел куда-то в потолок, поглаживая седую бороду. В глазах его сверкали огоньки самодовольства, едва заметная улыбка застыла на толстых, лоснящихся жиром губах.

Хадис был пожилым человеком. Ему свыше семидесяти. Высокого роста, энергичный, сильный, широкоплечий, он выглядел моложе своего возраста. Но энергию и силу проявлял он только в сектантском обряде — зикре и тогда, когда заботился о собственном доме, о своей семье. Высокий кирпичный забор скрывал его большой дом от посторонних глаз. Лишь раз в два-три дня открывались железные ворота, чтобы выпустить и вновь принять Ха-

диса на арбе. Арба была одним из средств, пополнявших достаток его дома.

— Молись аллаху, будто через день умрешь, а богатство копи, будто век еще проживешь, — было его любимым изречением.

— Бог не дал наследника, — часто вздыхал он.

Это было единственное, чем он был недоволен в своей судьбе.

И вторая, молодая, тридцатилетняя жена не родила ему сына.

Калитка его двора никогда не открывалась, провожая кого-нибудь из его обитателей на работу. Зато часто скрипели тяжелые железные ворота осенними ночами, выпуская хозяина на пустой арбе и встречая его с совхозной кукурузой. А весной ворота распахивались перед грузовиком, отвозившим кукурузу куда-то далеко на продажу, чтобы наполнить кубышку Хадиса новой порцией не заработанных им денег.

Люди могли видеть его энергию на вечерах мюридов, в жарком ритуале зикра, где он не знал себе равных. И это принесло ему сегодня желаемое — он заменил Мухти и стал тамадой мюридов села.

— Я ничего другого не придумал, — продолжил он громко, заставив этим самым мюридов поднять опущенные головы, — как обратиться к нашему народу и призвать его сохранять адаты, пусть даже в немного измененном виде.

Мюриды зашевелились, меняя позы, присаживаясь поудобнее, чтобы глядеть на нового тамаду.

— Аллах, шариат и адаты велят нам, мусульманам, говорил он чинно, — делать затраты на женитьбу. И многие делают их, делают, соревнуясь друг с другом, кто больше сможет заплатить. Это и хорошо и плохо. Хорошо — обычаи шариата и адатов они соблюдают. Но плохо то, что многие не в состоянии по две-три тысячи рублей платить за невесту. Еще хуже, когда, не имея

таких денег, некоторые из наших молодых людей женятся на девушках других национальностей. Ведь так может вся наша нация выродиться.

Так рассуждал тамада об одной из важных сторон человеческой жизни. Он сбрасывал со счета священное человеческое чувство любви. Оно ему было незнакомо.

Другие одобрительно закивали головами.

— Что тут нужно сделать? —спросил Хадис и тут же ответил: — Установить твердую цену за девушку и за женщину. Пятьсот рублей за девушку — это сходная цена, и любой в состоянии столько заплатить. За дамочку вполне достаточно ста рублей.

— Воллаги, достаточно, — одобрило несколько голосов.

— Но от бога и хорошее и плохое, — продолжал самодовольный тамада. — Жизнь человека завершается смертью, слава аллаху — нашему создателю. И здесь надо соблюдать адат. Неразбериха получается и в соблюдении этого адата. Каждый соревнуется с другим, пытается показаться лучше всех. Один в состоянии на случай смерти близкого человека зарезать на поминки быка, корову, а другой не может этого сделать.

— Да, да, — вновь закивали головами мюриды.

— На случай смерти тестя вполне достаточно зарезать бычка, — сказал Хадис, — а на случай смерти тещи— барана или же дать пятьдесят рублей.

Так все стороны быта людей были регламентированы и втиснуты в пересмотренные здесь рамки старых адатов в обход советских законов и правил социалистического общежития. Оставалось решить одно — как узаконить это, как призвать к этому людей.

— Надо из всех сел нашего района, — предложил Хадис, — собрать по два-три мюрида и сообщить им это. Они разнесут закон во все села и призовут людей соблюдать его, объявив проклятие тому, кто его нарушит.

Местом сбора выбрали старое, уже давно запущенное кладбище, которое по замыслу нового тамады должно было навеять на людей дух верности и приверженности покойникам-предкам.

Сбор мюридов состоялся. Кодекс быта был написан арабской графикой. Но так как сейчас редко кто разбирается в арабском алфавите, текст был размножен на понятной для всех русской графической основе, и участники сбора разъехались в разные стороны с обновленным кодексом адатского быта.

Вся эта забота мюридов была вызвана тем, что в районе активизировалась борьба против остатков отживших адатов. Они никак не могли существовать рядом с новыми народными традициями быта, вышедшими за старые, прогнившие, узкие национальные рамки.

ЗА СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

— Я думаю, — выступал Хасан на районном собрании пропагандистов, где обсуждались вопросы внедрения в быт новых, сложившихся в самом народе современных традиций быта, — новые традиции надо поощрять и повсеместно внедрять, но нельзя нам совсем отказываться от сложившихся дедовских обычаев. Надо их помаленьку преобразовывать, не отвергая решительно. Ведь в старых адатах тоже надо искать полезные стороны. Нельзя нам отказываться от своего, что отличает нас от всех других наций. Я лично против многих положений в докладе Гапура Элбердовича и не понимаю, зачем его сделали председателем комиссии по пропаганде и внедрению новых обрядов и традиций. Надо было избрать председателем человека, который хорошо знает обычаи наших отцов и дедов. Не зная их и не понимая их ценности, нельзя судить о них.

Хасан был сильно огорчен тем, что его никто не поддержал, и тем, что выступивший в конце секретарь райкома Алиев одобрительно отозвался о докладе и о мероприятиях комиссии и оставил без внимания его заявление.

— Что вы навязываете людям свои порядки? — не выдержал он. — Почему вы не считаетесь с другими?

— Один только не согласен, — сказал Алиев, обращаясь к залу. — Это не в счет и не отражает мнения нашего народа.

В зале зааплодировали.

Было решено, что члены районной комиссии разъедутся по селам и проведут по этим вопросам сходы жителей и обговорят эти вопросы.

— Все равно никто вас не поддержит, — кричал Хасан, — люди не откажутся от своих вековых обычаев.

После собрания он подошел к Алиеву.

— Вы мне больше все равно ничего не сделаете, — говорил он ему. — Вы меня отовсюду вычеркнули, мою должность секретаря правления районного отделения общества другому продали. Я всю свою жизнь буду жаловаться на вас, я не дам вам вздохнуть спокойно. Я добьюсь, чтобы вас сняли... Вы проваливаете всю идеологическую работу в районе.

Алиев, будто не слыша Хасана, отвернулся от него и попросил Гапура вместе с двадцатью избранными членами комиссии прийти сейчас в райком партии.

Здесь, в райкоме партии, члены комиссии горячо обсуждали прежде всего вопрос о том, с чем надо вести острую борьбу, какие пережитки прошлого под напором общественного гнева отвергаются народом и отмирают и как надо содействовать этому.

— Не торопитесь, — взял слово один из членов комиссии, — торопливость здесь пользы не принесет. Невозможно одним ударом и немедленно убить то, что веками насаждалось. Надо шаг за шагом идти по пути но-

вого, осторожно отбрасывая ненужный хлам с дороги.

— Я согласен с этим, — говорил другой, — надо постепенно, осторожно уничтожать старые, вредные обычаи и место их заполнять новыми, прогрессивными. Совершенно уничтожить калым сейчас нам не удастся. И я считал бы полезным то, что старики, собравшись, решили ограничить его небольшими суммами. Добиться бы пока этого, и то было бы хорошо.

— Гапур Элбердович добросовестно проанализировал основные, наиболее вредные пережитки прошлого, бытующие еще среди части нашего населения. Чувствуется, что он изучал подробности этих пережитков, советовался со многими людьми разных возрастов. Решительность в борьбе с ними поможет всем людям освободиться от их груза. Я думаю, что не частичками надо отшибать от нашей жизни плохое, вредное, а целиком, — высказал свое мнение третий член комиссии. — Единственное, в чем я не согласен с Гапуром, это то, что нельзя давать деньги на свадьбах, на похоронах. Во-первых, от этого никто не обеднеет; во-вторых, для того, кто их получает, это большая помощь. Сегодня я даю эти деньги, завтра, когда в моей семье какое-то событие, мне их возвращают. В этом, по-моему, нет ничего плохого.

— Мы говорим о запрещении носить какое-либо оружие, — сказал следующий. — Запретить бы всякие выпивки, и никакое бы оружие не вредило. Ведь многие носят его по старинной традиции гор, когда опасность подстерегала на каждом шагу. Да и сейчас зло отступит от человека, если он защищен. Здесь у меня сомнения, а со всем остальным согласен.

— Хорошо бы, конечно, — встал еще один мужчина, — если бы удалось так проводить свадьбы, как записали. Но ведь часто на них возникают ссоры, а они кончаются печально. Вот пример. В нашем селе на веселой и шумной свадьбе произошло убийство. Двое пьяных

подрались, и один убил другого. С тех пор старики установили порядок. Никаких веселий, никаких выпивок. Они сами проводят свадьбы, собираются, поют религиозные песни. Никто здесь из молодежи не появляется, никто драк не затевает. Может быть, это и не совсем хорошо. Но это лучше, чем драки и ссоры пьяной молодежи. А остальное, мне кажется, все хорошо. Народ наш поддержит все это.

— Конечно, многоженство — это один из позорных пережитков шариата. Но мне кажется, что и его надо рассматривать со всех сторон, — сомневается выступающий. — Вот у меня сосед. Лет десять тому назад, затратив на это порядочную сумму денег, отец и братья привезли ему издалека невесту. Хорошая женщина, из хорошей семьи. Но плохо, что нет от нее детей. Сколько он ее лечил! Ничего не получается. Оказывается, она была безнадежно больна. Болезнь все больше и больше делала ее беспомощной. Вот уже целый год, как она болеет, редко встает с постели. Он женился на другой. А первая по-прежнему его жена. Я и не знаю, откровенно говоря, что лучше: отправить ее домой, к отцу, разведясь с ней, или же вот так до самой смерти обеспечивать ее, как велит шариат. По-моему, это более справедливо.

Его выступление вызвало в зале вначале шепот, а потом смех.

— Правильно, товарищи, — сказал Алиев, — лучше здесь нам самим выявлять и уточнять все неясное. Чтобы убеждать других в чем-либо, нам самим нужно в этом быть предельно убежденными.

— Совершенно правильно, — поднялся директор школы Асиев. — Мы должны вначале здесь выяснять все вопросы, а потом нести их в массы. Я хотел кое-что добавить к тому, что изложено у Гапура Элбердовича по пунктам. Наши люди издавна славились гостеприимством, стремились к дружбе с другими народами. И как бы враги ни пытались, разжигая межнациональную

рознь, вбить клин между народами, это им не удавалось. Наши люди за честь считали иметь много друзей из других национальностей. Поэтому нам нетрудно будет поднять гнев всего народа против тех, кто порой допускает хулиганские проступки по отношению к представителям других национальностей, которые живут здесь и работают вместе с нами.

Другая традиция наших отцов, вопреки религии, требует уважения к женщине. Ведь у добрых людей позорным считалось обидеть женщину даже скверным словом. Поэтому надо бы этот документ пополнить пунктами, направленными против тех, кто нарушает священные традиции уважения к женщине.

Каждый гражданин имеет право быть верующим, отправлять религиозные обряды, если, конечно, они не направлены во вред обществу и своему здоровью. Каждый гражданин имеет право быть атеистом и вести антирелигиозную, атеистическую пропаганду. Надо вести острую борьбу с теми, кто, переходя границы дозволенного нашим законом, пытается под маской религиозной веры творить антиобщественные дела. Всякие секты, если они по закону не зарегистрированы властями, надо запретить. Всякие бродячие шарлатаны, называющие себя муллами, должны быть разоблачены.

Все новые и новые предложения вносились членами комиссии.

В заключение выступил Алиев.

— В борьбе с отжившим не должно быть компромиссов, — сказал он. — Нельзя согласиться с предложением только частичками отрывать вредные пережитки прошлого и постепенно уничтожать их.

Калым — позорный пережиток прошлого в самой своей сущности. Ни в какой видоизмененной форме он не должен сохраниться. Как можно на человека устанавливать цены? Те, кто пытался внести изменения в этот пережиток, стараются сохранить его в нашем быту, толь-

ко в модернизированном виде. Именно в этом заключалась их забота. Мы по такому пути не пойдем.

Что касается традиции давать деньги на свадьбы, похороны, ее вред также очевиден. Людям самим надоели эти бессмысленные подачки. В каждый выходной день свадьбы. Некоторым приходится присутствовать не на одной, а на нескольких. Самое малое на одной свадьбе выкладываешь пятерку, на двух — десятку. Посчитайте, во что обходится все это в месяц. Это почти половина средней зарплаты. Кому это нужно? Другое дело — сделать подарок близкому другу, близкому родственнику. Ведь у нас на свадьбу приглашают сотни людей, и складывается впечатление, что все это только с целью собрать побольше денег. А эти сборы в свою очередь делаются, конечно, не для обогащения, а для того, чтобы возместить затраты на калым.

О ношении оружия. Закон запрещает носить и хранить оружие. Нет в нем необходимости. Никого не подстерегает зло. Если оно в ком и сохранилось, то не силой оружия его надо из нашей жизни вытравлять, а силой разума самого культурного общества. Закон наш полностью обеспечивает безопасность каждого. А самочинное возмездие только разжигает зло.

О свадьбах. Это радостное событие не должно быть омрачено ничем. Не будет таких горьких и печальных случаев на свадьбах, если они будут организованы разумно и весело, без таких столпотворений, когда приглашают сотни людей. На свадьбе должно быть весело всем, чтобы надолго запомнилось людям это радостное событие. Здесь не должно быть места религиозной мистике.

О «гуманизме» многоженства. Это ложь. Не может быть гуманизма в узаконенном религией разврате. Кроме того, многоженство — это форма эксплуатации чужого труда. Брак навечно связывает двух любящих друг друга людей. Истинная любовь и гуманизм не позволят

одному из супругов обижать другого, в каком бы положении они ни оказались. Болезнь одного из супругов становится несчастьем обоих. И счастье и горе они делят пополам. Это возможно, когда люди женятся по взаимной любви, а не тогда, когда невесту находят родственники.

А остальные предложения очень ценные и их надо внести в наш документ. Народ, бесспорно, поддержит их, за исключением тех, кому на руку эти пережитки.

Первый показательный сход было решено провести в районном центре. Ему предшествовала большая подготовительная работа. Поручив это сделать Гапуру, Алиев во всем помогал ему. Вначале был определен небольшой актив — человек двадцать из числа бывших партизан, уважаемых в селе, передовиков производства, старых коммунистов и представителей молодой интеллигенции.

— Конечно, — сказал Сулейман, внимательно выслушав небольшое сообщение о предложениях Гапура, — обратиться к самому народу и призвать его на борьбу с тем, что мешает жить, — это очень похвальное дело. Хорошо продуманы все предложения. Теперь надо найти способ, как лучше убедить людей в том, что это принесет общую пользу. Хотя мы и против всяких там тейповых связей, но, поскольку они еще сохранились, надо и их использовать против большего зла.

— Зло злом решили прогонять? — съехидничал один из членов комиссии. — Борясь против одного зла, не получится ли так, что мы поощряем другое?

Все же было решено от каждой фамилии пригласить по два-три наиболее влиятельных человека. Их на следующий день собралось до сотни.

Здесь вновь начались суждения по каждому из предложений комиссии. Были споры. Одни и те же по нескольку раз выступали, доказывая свою правоту. Но все эти

суждения и споры в конечном итоге привели к тому, что внесенные комиссией предложения для всех стали своими. Их дополнили. Некоторые изменили.

— Мы-то их поддержим и будем всю жизнь придерживаться, — сказал один из активистов села. — Но ведь нас здесь сотня. А остальные?

— Мы потому и старшие и влиятельные, — объяснил другой, — чтобы все это растолковать. Если каждый из нас своим близким расскажет, то уже многое будет сделано.

— Я могу поручиться, — сказал третий, — что никто из нашей фамилии, из моих близких не нарушит того, что решено сегодня. Да и нет и не было в нашем тейпе таких, что пойдут против воли народа.

— В нашем тейпе их не было и столько, сколько в вашем, — ответил другой.

— Напрасно вы все это говорите, — махнул рукой седобородый активист села, — есть в каждом тейпе и такие, которые не только не слушаются дальних родственников, но и собственных родителей. Чего скрывать, вот у меня один племянник готов продать и родителей за поллитра водки. Все время пьяный, что за понятие у него о чести?

— Не будем говорить того, что было, — пробасил средних лет мужчина, — поглядим, как оно дальше будет.

— За свою семью я спокоен, — шепнул один на ухо другому, — а за других трудно ручаться.

— В традиции нашего села было так, — встал глубокий старик, опершись на палку, — что важные решения старших доводились до всего населения, собирали всех вместе и все слышали и видели сами. Почему бы и сейчас не сделать этого? Если каждый из нас созовет всех из своего тейпа, то все население соберется. Вот там и стоит потолковать с народом и рассказать, о чем мы сегодня договорились.

— Правильно! Правильно! — поддержали старика многие.

— Я тоже считаю, что так лучше будет, — сказал председатель сельского Совета.

Секретарь райкома Алиев не вмешивался в то, как рождалось общее решение собрать сельский сход всех людей в селе и довести до них предложения, ставшие после долгих суждений собственными для сельского актива.

Было решено собрать сельский сход.

— Хорошо, — сказал председатель сельского Совета, — кто-то же один должен рассказать сходу, что мы сегодня здесь решили. Я думаю, что это лучше сделает уважаемый всеми наш Сулейман. — Он улыбнулся. — Его предлагает и партийная организация сельского Совета.

— Правильно! Правильно! Правильно предлагает. Попросим его выступить перед людьми от нашего имени. Он это сделает хорошо.

Так и было решено. Сулейману поручили доложить сельскому сходу о решении сельского актива.

Сход собрался на площади села, что около районного Дома культуры. Был весенний ясный день. Здесь все выглядело празднично. Люди собрались разных возрастов, мужчины и женщины. Сюда съехались и представители из других сел, чтобы быть свидетелями этого события, потому что и им предстояли такие же встречи.

Люди все шли и шли. Те, кто постарше, садились на скамейки. Молодежь окружила небольшую походную сцену, с которой выступала самодеятельность местного Дома культуры. После тематического концерта начались танцы. Не удержались и многие старики — пустились в пляс.

— Смотри, Ахмет, — шутил один из стариков,— все село видит, что ты танцуешь, узнают мюриды — худо тебе будет, оштрафуют на барана, а то и больше.

— За воровство не штрафуют, а за танцы штрафуют,— ответил Ахмет, вытирая пот со лба. — Если надо, я и двух баранов готов дать за такой танец. Лет двадцать не танцевал. Хорошо, хорошо, когда вот так весь народ веселится. Нет ни одного пьяного. Очень хорошо. Все веселые. Шайтана среди нас нет. От добрых и открытых душ людей он всегда подальше уходит. Он всегда там, где ссоры, скандалы. А здесь ему делать нечего.

Всем было сегодня весело. Только активисты и члены сельского исполкома были озабочены. Все было ими предусмотрено до последней мелочи. Были определены заранее даже места для старших, женщин, молодежи, детей-школьников.

Была оборудована сценка из двух стыкованных друг с другом бортовых автомашин. За длинным столом, накрытым красным полотнищем, разместилась группа людей. Это были сельские активисты. Председатель сельского Совета коротко ознакомил собравшихся с повесткой сегодняшнего схода, рассказал, что уважаемые всеми в селе люди на днях собирались и толковали по многим вопросам быта и что их мнение сегодня докладывается сельскому сходу.

Затем он предоставил слово Сулейману.

Установилась тишина. Даже беспокойные дети притихли, чтобы послушать высокого роста, сухощавого мужчину с орденами на груди.

Сулейман говорил не спеша, с большими паузами между словами, внимательно вглядываясь в окруживших трибуну людей.

— Мы собирались по собственному желанию, — продолжил он, не заглядывая в бумагу, которую трубкой держал в руке. — Долго советовались и пришли к одному. Мы думаем, что все нас поддержат. Если и не все, то большинство людей должны нас понять. Мы не за себя

беспокоимся, а за всех людей в нашем селе. Наше село должно быть самым порядочным из всех сел района. Раз мы хотим, чтобы оно было порядочным, — значит, надо, чтобы все его жители не допускали со своей стороны ничего такого, чего не положено. Каждый отец, каждая мать должны отвечать за своих детей. Старшие братья и сестры должны отвечать за младших. Все село должно отвечать за каждого из его жителей.

Сулейман снял очки, протер их белым носовым платком, надел, высоко поднял голову и стал зачитывать по пунктам то, что было выработано активом как правила поведения в быту. В них были охвачены многие бытовые стороны жизни вплоть до свадьбы и сельских праздников к знаменательным событиям в жизни села — началу полевых работ весной, концу уборки урожая.

Люди в знак согласия кивали головами.

После пятнадцатиминутного доклада Сулеймана люди стали выступать. Говорили и пожилые, и молодые, и застенчивые девушки, и учителя местных школ, и врачи, и пахари, и животноводы, и пенсионеры.

Пионер с трибуны обратился к старшим с просьбой, чтобы они помогли им возобновлять лучшие традиции старших поколений.

Не обошлось и без курьезов. Из круга собравшихся вышел человек высокого роста, с бравой выправкой. Ему по виду было лет шестьдесят. Он быстро шел к трибуне.

В президиуме прокатился шепот:

— Зачем ему слово давать. Это же тот самый двоеженец, которого Сулейман в докладе критиковал. Что он хочет — оправдаться или раскаяться? Все знают, что у него две жены.

Но тот уже стоял за трибуной и ждал объявления председательствующего о том, кто выступает. Он косо поглядывал на президиум, закручивая левой рукой один ус, правой держась за край трибуны.

В толпе прокатился смех, вначале тихий, как легкий шелест листьев, затем громкий.

— Чему он хочет нас научить? — выкрикивали одни сквозь смех.

— Пусть скажет, что ему надо, — кричали другие.

— Пусть он говорит, — сказал Алиев председателю сельского Совета, который вел сход.

— Наплетет, наверное, — пожал плечами председатель.

— Ничего, — настаивал Алиев, — наплетет — люди услышат, они осудят сами.

Оратор снял папаху из черного каракуля, поднял руку, требуя внимания.

Люди еще громче рассмеялись. Несколько минут пришлось успокаивать их.

— Хочет говорить Мааев Магомед, — объявил председательствующий, сделав серьезное лицо.

— Такого откровенного разговора друг с другом, — начал он, — мне еще не приходилось слышать. Мы говорим, как в своих семьях. Меня здесь называли двоеженцем. Допустим, что это так. По нашим советским законам это запрещается. Я это знаю хорошо. Что мне закон сделает, если они, эти две жены, не живут под одной крышей. У каждой из них свой дом и своя семья. Таскал меня прокурор, спрашивал: двоеженец я или нет? Я сказал, что нет. Прижал он меня вот чем. Упрекнул, что и та и другая рожает детей. Спросил он меня: от кого же та, что не моя, родила ребенка. Сказал я, пусть спросит у нее. Та ответила, что не от меня.

Допустим, что он прав. Но что он сделает мне? Ведь свидетелей нет. Не будет же он обвинять меня, что я обеспечиваю хлебом детей и той и другой жены, допустим, и не моей.

Смех разразился вновь. Председатель сельсовета поднялся, хотел попросить Магомеда с трибуны. Но тот

уже держался левой рукой за трибуну так крепко, будто боялся, что его силой стянут оттуда.

— Послушайте меня, о люди, — крикнул он так громко, что от неожиданности все перестали смеяться. — Послушайте, что я хочу вам сказать. Посмотрите на меня, на мой рост, на мои усы. Конечно, я кажусь мужчиной. Но поверьте мне, когда, придя с работы домой, я оказываюсь среди своей семьи, то выгляжу хуже любого из моих детишек, не говоря уже о женах, каждая из которых по праву требует с меня тех благ, которых я не могу им дать. Клянусь вам аллахом, что у меня нет другой одежды, кроме той, что сейчас на мне. Клянусь аллахом, что я не могу никого из вас в гости к себе позвать из-за того, что не могу ничем его обрадовать.

Детей-то одиннадцать да эти, как вам их назвать, две женщины, а работаю-то один.

К чему я это говорю вам? Да к тому, что хочу сказать: ради пророка, пусть никто из вас не уподобляется мне, ради бога, не нарушайте наших законов. Одну имейте жену и будьте счастливы. Вот вам мой совет, совет человека, испытавшего, как вам сказать, это дело, женщин собирать.

Он посмотрел в сторону президиума и спокойно, несмотря на общий смех людей, сошел с трибуны и вернулся на место.

— Живой пример! — сказал председатель. — Куда уж убедительнее. Но только непонятно, кто ему создал это несчастье.

— Дурная моя башка, — выкрикнул Магомед на русском языке, — и сельский Совет, который не побил меня тогда как следует. Теперь-то я все понимаю хорошо. Если сход прикажет, то я любую из своих, как вам сказать, женщин брошу и даже обоих, если прикажет.

— Судить бы таких, — сказал громко кто-то из молодых людей.

— Судить? — спросил из толпы Магомед. — Согласен, хоть отдохну от каждодневных скандалов этих, как вам сказать, женщин. Но меня не осудят. Они живут не вместе. И дети некоторые записаны не на меня. Этого я не боюсь. Закон я сейчас хорошо знаю.

В черном, немного потертом бешмете вышел к трибуне худощавый, невысокого роста пожилой человек. Мгновенно притих смех, вызванный откровенным разговором, или, скорее всего, исповедью, Магомеда.

— Выступает сторож совхоза Сайпаев, — объявили из президиума.

— Как говорится в народе, — начал старик, — у кого что болит, тот о том и говорит. Я по поводу болезни носить и хранить холодное и огнестрельное оружие. О вреде этой болезни вот я хотел сказать.

Было, было время, не дай бог, чтобы оно еще вернулось, — продолжил он, — когда каждому нужно было иметь оружие. Сейчас не то время, когда надо остерегаться всего. Сейчас нужны только умная голова и рабочие руки. Правда, поздно я очнулся. Я понял это тогда, когда в собственную мою жизнь пришло несчастье. Все вы помните, когда вот здесь, в этом клубе, судили моего единственного сына. Правильно осудили. Моя совесть меня тоже осудила за то, что сделал мой сын.

— Что он хочет сказать нам, если его сын виноват и сам он тоже, — крикнул кто-то из задних рядов.

— То и хочу сказать, — ответил старик, — что правильно сегодня завели разговор о вреде хранения всякого оружия. — Он сделал паузу, вытер слезы на глазах.— Была у нас когда-то ссора с одной фамилией, — начал он с волнением. — Было это лет сорок назад. Теперь кто-то из той фамилии вспомнил эту ссору и прислал ко мне человека, чтобы объявить мне месть. Боясь этой мести, я и достал тот ржавый наган и отдал его сыну на всякий случай. Думал, что от возможного нападения кровников спасет его эта железка. Оказалось, что всунул я в его

руки не спасение, а несчастье. Однажды, напившись пьяным, он подрался с товарищем, тоже пьяным. Драка закончилась бы тем, что пьяные хулиганы передрались бы между собой, кому нос бы разбили, кому губы, а кому и зубы. Добрые бы люди их разняли. А наутро они вновь были бы вместе. А тут получилось другое. Имея в кармане эту железку, он в драке вытащил ее и убил своего же товарища. Того нет в живых, двое детей остались сиротами. Моего осудили, дали пятнадцать. У него тоже есть дети. Тоже теперь без отца.

А разве у нас только один случай такой? Они есть еще. Ножи пускаются в ход.

Правильно идет разговор о том, что надо осудить тех, кто хранит оружие, и тех, кто, зная таких людей, не выдает их органам власти.

Уверенным шагом к трибуне подошел молодой человек с загорелым лицом. Он был в гимнастерке защитного цвета с засученными рукавами, подпоясан широким солдатским ремнем. Его аккуратно отглаженные брюки заправлены в начищенные кирзовые сапоги.

Чувствовалось, что характер он имеет твердый и решительный. Это был тракторист совхоза, недавно уволенный в запас из рядов Советской Армии.

— Когда видишь взрослых парней, которые ничем полезным не занимаются, а лишь праздно шатаются на глазах у всех жителей села, невозможно удержаться от возмущения. Как бесполезно прожигают они свою жизнь! Еще удивляет то, как спокойно смотрят на это их родители, родственники, старшие товарищи. И никто из них не считает, что это преступление перед народом, перед государством. Иногда подойдешь и спросишь кого-нибудь из этих болванов, почему он глаза мозолит трудящимся, почему не работает, в лучшем случае он ответит, что в прошлом или в этом году закончил десятилетку, не попал в институт и готовится поступить туда

в следующем году. А в худшем случае он отвечает дерзостью — мол, какое твое дело.

В армию почему не взяли? Он отвечает, что дали отсрочку из-за старых родителей.

Где же здесь логика? Государство дало среднее образование, в армию не пошел — дали отсрочку, чтобы помогал своим престарелым родителям. А он болтается без дела. Таких немного, но обидно, что они еще есть и что многие пытаются их не замечать.

Он говорил горячо, с возмущением и о тех, кто не работает постоянно на одном месте, посезонно выезжает куда-то за длинным рублем.

— Я и мои товарищи-комсомольцы из нашей бригады,— заключил он, — просим сегодня строго осудить поведение таких людей и одним из пунктов правил для жителей нашего села установить, чтобы не было у нас таких бездельников.

— Была когда-то в нашем селе, — говорил персональный пенсионер, участник гражданской войны Аюб, — хорошая традиция. Сплетникам, клеветникам и наговорщикам ночью ворота обмазывали дегтем. Ведь нет-нет, да появляются эти нехорошие люди в нашем селе и сейчас. Они только и знают. что ходят с карандашом и бумагой, выслеживают, что бы о ком писать. Может быть, объявить проклятие и таким плохим людям.

Выступления продолжались. Дельные предложения учитывались в правилах поведения сельчан.

В конце, когда было высказано все, что волновало людей, директор школы Асиев зачитал проект решения сельского схода. Решение было принято.

— А что делать с теми, кто не будет придерживаться этих правил? — спросили из толпы.

С ответом никто не спешил. Многие смотрели на Сулеймана, ждали, что скажет он.

— Мы имеем большую силу, — ответил Сулейман, окинув взглядом людей. — Если дружно возьмемся, то

мы сделаем все. Народ изгнал из своей среды тех, кто веками сидел на его шее. Народ изгнал кровопийцев-эксплуататоров, несмотря на то, что их поддерживала большая сила. Все можно сделать, если дружно взяться.

— Это общие слова, — сказал кто-то из активистов, — нам нужно договориться о мерах наказания для тех, кто будет нарушать правила.

— Народ станет против него, — сказал Сулейман.

— Это общие слова, — повторил тот же активист.

— Народ должен отвергнуть таких, — поднял руку Сулейман. — Все честные люди нашего села должны отвергнуть их.

— Как это отвергнуть?

— Объявить всему населению, что такой-то отступил от наших общих правил, призвать людей, чтобы они не общались с отступниками, не ходить к ним ни по какому случаю — ни по хорошему, ни по плохому. Если люди не будут делить с ними ни печали их, ни радости, не будут здороваться с ними, не будут отвечать на их приветствия, то не жить им среди нас. Объявим всеобщее презрение тем, кто осмелится общаться с ними, если даже они им и близкие родственники.

— Правильно, правильно, — прозвучало несколько голосов сразу. — Если так договориться, то, конечно, толк будет.

Собравшиеся согласились с предложением старого партизана. Было решено всем селом отказаться от того, кто нарушит их общее правило.

— Я согласен с таким решением, — поднялся один из стариков, — но ведь в семье хорошей кто-нибудь да может нарушить общее правило. А как быть с такой семьей?

— В хорошей семье, наверное, это не случится, — ответил Сулейман, — а раз нарушил — значит нехорошая семья.

— Нет, — сказал все тот же старик, — и в хорошей семье может появиться плохой человек.

— Если появится, — ответил Сулейман, — то такая хорошая семья при всем населении должна отказаться от такого человека. А если она не сделает этого, то должна быть объявлена вне нашего сельского общества.

— Правильно, — воскликнул один из задних рядов, — если так поставим дело, то все у нас пойдет хорошо. Пусть нарушителя прежде всего проклянет тот, кто ближе к нему по родству, потом и все другие, а не то объявим сельский бойкот и его близким родственникам.

С такими добавлениями сход согласился. Голосовали за решение все — и старые и молодые.

— Все это хорошо, — поднялся тот же старый активист села, — кто-то же должен контролировать соблюдение этих правил, что мы установили для всего села.

— Правильно, — ответил председатель сельсовета, — будем контролировать мы все.

— Общие слова, — не унимался старик, — надо какой-то группе людей поручить, чтобы они следили за этим и время от времени докладывали всему селу.

— Пусть следит сельский Совет, — сказал Сулейман.

— Сельский Совет будет следить, — ответил председатель, — не лучше ли нам сегодня выбрать комиссию, которая бы следила за тем, как соблюдают люди наше общее решение?

— Правильно, — ответило несколько голосов.

— Я предлагаю, — продолжал председатель, — избрать такую комиссию, которая бы состояла из представителей всех фамилий нашего села. — Он перечислил.

— Правильно, правильно, — поддержали его люди.

Создали и утвердили голосованием комиссию из пятидесяти человек. Каждый из них представлял отдельный тейп, что состоит из нескольких родственных между собой семей.

Вновь заиграла гармонь. Площадь заполнили веселые

песни и пляски. Алый диск заходящего за гору солнца будто остановился, заглядевшись на веселящееся село. Но постепенно, словно темной занавесью, медленно закрылась оранжевая сцена запада, затихла музыка на площади и люди стали расходиться по домам, унося с собой неизгладимые впечатления от прошедшего дня.

Яркий свет электрических ламп осветил село, бросая вызов надвигающейся темноте ночи.

Слух о состоявшемся сходе разнесся по району. Рассказала о нем и районная газета.

Во всех селах люди собирались на такие же сходы. По душе они были большинству. Лишь немногие пытались помешать им.

— Зачем все это? — говорили они. — Как было, так и будет. Эти обычаи не сегодня сложились. Мало ли, что кому-то они не нравятся.

— Гяур людей путает, — говорил Юсуп-мулла, вытирая пот с низкого морщинистого лба. — Сказано в коране, что придет время, когда все люди станут богатыми, забудут аллаха, пророка, устазом своим назовут кого-то не из святых. И этот фальшивый устаз поведет людей не по пути божьему. Лишь немногие останутся верными богу, обычаям своих предков.

— О аллах! — восклицали слушавшие его несколько стариков, что пришли проведать больного муллу. — Последние, видать, настали времена.

— О аллах! — воскликнул мулла. — Не дай нас запутать дьяволу.

— Аминь! — встали дружно старики посредине комнаты и, глядя на Юсупа, воздели руки к небу. — Мало осталось таких, как ты.

— Ты, Юсуп-мулла, еще нужен кое-кому, — подошел один из них и потрогал его ноги под одеялом. — Ходить тебе еще долго, сея среди людей семена божественной благодати.

— Не произрастают они уже в думах большинства,—

вздохнул мулла и, закрывая глаза, медленно опустил руку.

На бюро райкома партии обсуждались вопросы о том, как поставлена в районе работа по интернациональному воспитанию населения и по борьбе с пережитками прошлого в сознании и поведении отдельной части людей. Вновь избранный первый секретарь райкома Шаимов оказался тем типом партийного руководителя, который четко понимает принцип единства организаторской, политической, идеологической работы в массах.

Против ожидания Алиева, всегда критически настроенного к результатам своей деятельности, Шаимов положительно оценил работу партийных организаций по интернациональному и атеистическому воспитанию.

— Дальнейшее улучшение этой работы требует, — сказал он после выступлений других членов бюро, — массовости ее, непосредственного влияния на все население. А все сложившиеся формы работы партийных, профсоюзных, комсомольских организаций нужно закрепить, придав им большую целеустремленность, более высокую идейность.

Жизнь подсказывала все новые формы массово-политической работы, закрепляла те, которые давали наибольшую пользу.

ПОЛЕЗНЫМИ ОКАЗАЛИСЬ СХОДЫ

Сходы проводились по всем селам. Партийные организации учитывали особенности каждого села и определяли вопросы для обсуждения всеми его жителями. Но повсеместно внимание уделялось дальнейшему укреплению братской дружбы, внедрению в быт новых советских традиций. На этих сходах стремились помочь людям избавиться от старых, вредных обычаев и традиций, толь-

ко на почве которых могли сохраниться такие сорняки, как Юсуп-мулла, тамада сектантов Мухти, спекулянты Абас и Баадул.

И Хасан, и Усман, и те учителя, кого критиковал Гапур на школьном семинаре, были связаны паутиной старых, вредных обычаев и нравов.

Эти обычаи и нравы иногда опутывают и тех, чья просвещенность лежит лишь на поверхности, а не в глубине сердца.

Короткими были доклады на сходах. Но в них отражалось многое, чем интересовались большинство жителей. Они не были составлены в райцентре, и выступали с ними не районные начальники — их составляли группы жителей сообща, зачитывали те, кому поручали. Докладчиками были или сельский учитель, или агроном, или зоотехник, или же персональный пенсионер, который пользуется всеобщим уважением в селе за его прежние заслуги перед народом и за то, что он еще в гуще общественной жизни земляков.

Не приходилось для сходов заранее готовить выступающих. Разговор был близок каждому. Потому люди говорили от души, а не зачитывали кем-то записанные или подсказанные мысли.

Такая форма задушевного разговора людей и была определена райкомом партии. Партийные организации поддержали ее. Эта форма четко показала, что людям понятна и близка работа партийных организаций, за редким исключением, все поддерживают то, о чем до недавнего времени больше говорили на партийных собраниях и на собраниях актива, где собирались только отдельные представители из сел.

Сходы показали, что те цифры роста экономики, культуры народа близки и понятны всем людям. Ими гордятся все. Люди говорили, что в этих успехах доля каждого, кто трудится. А трудятся все вместе, люди всех национальностей. Проста и понятна была истина, что

братская дружба и единство всех советских национальностей и народностей и есть источник этих успехов. Люди, когда они собрались вместе, смелее, чем каждый в отдельности, осуждали лодырей, тунеядцев, спекулянтов, сектантских вожаков, что стремятся жить обманом и ложью. Десять таких составляют какую-то силу перед одним честным тружеником. Но перед тысячью этот десяток становился жалкой кучкой.

Решения сходов принимались тоже короткие. Но они четко отражали, что мешает всем труженикам спокойно и дружно жить и трудиться.

Люди сообща решали. Сами стали контролировать свои решения. Они доверили группе своих представителей строго следить за тем, чтобы их воля никем не нарушалась. К их услугам сельские Советы.

Комиссии по контролю принятых решений стали работать с постоянной помощью партийных организаций. Их деятельность стала частью большой воспитательной работы в массах.

Воспитание людей советскими патриотами, интернационалистами, не терпящими даже малейшего проявления национализма, шовинизма, национальной ограниченности, сектантского фанатизма, — это стало центральной задачей сельских сходов.

Ни с чьей стороны не терпеть отклонения от этих принципов — это задача не из легких. Но общими усилиями она оказалась разрешимой.

Как решать ее? Два пути подсказала партийная организация района.

Хорошего куда больше в жизни каждого села. Делать это хорошее более наглядным, на конкретных примерах показывать его всем, стремиться, чтобы оно стало образцом для всех, — вот первый путь.

Критика пережитков прошлого, их носителей, кто бы они ни были и какое бы положение и должность ни занимали, — второй путь.

Единицами оказались такие. Юсуп-мулла, Абас, кто мимо ушей пропускал эту критику, пытались и дальше вести свой привычный антиобщественный образ жизни.

Все оказалось во власти людей. Воля схода — избавиться от таких — стала выполняться сельскими Советами, полномочными органами народной власти на местах.

ЮСУП-МУЛЛА НА ФИНИШЕ

— Не потерпим больше в своем селе мракобесов и обманщиков, — сказали люди,— просим сельский Совет выселить Юсуп-муллу.

— Еще чего придумали, — возмущался он. — Из собственного дома, из родного села кто имеет право выгонять меня. Что, для меня нет Советской власти? Я буду жаловаться.

— Дом, построенный на нетрудовые доходы, — не твоя собственность, — поднялся в президиуме председатель сельского Совета. — Он принадлежит труженикам, которых ты всю жизнь обманом и ложью обкрадывал.

Родился ты в этом селе, но оно не родное тебе, ты чужеродный для его жителей.

Советская власть — это народная власть. Народ от тебя отказался. Не примет его власть твоих жалоб. Нет уже у власти и тех, кто тебе благодетельствовал, кто выставлял тебя активистом.

Юсуп-мулла, опершись обеими руками на разукрашенный посох, стоял среди собравшихся. Его глаза сверкали ненавистью ко всем. Словно разъяренный бык, он готов был броситься на врага, истоптать его.

— Попробуйте... мой дом... — выдавил он, задрожав всем телом и стиснув зубы. — Только труп мой вынесете из этого дома.

Люди молча глядели на разъяренного тунеядца. Мно-

гие недоумевали, как до сих пор они не видели в нем своего врага, как терпели его рядом с собой, как позволяли ему себя обманывать.

И вновь они с надеждой смотрели на президиум, убежденные, что и увидеть зло легче общим взглядом.

— Кто, кто... — выкрикнул Юсуп-мулла, — жаждет моей беды? Кто мой враг, кто не боится бога? Скажите мне, где такой мужчина?

— Все твои враги, потому что всем ты враг, — услышал он несколько голосов.

Мулла закружился, словно стараясь увидеть, кто первым это сказал.

Ноги его задрожали, посох упал из рук, он медленно опустился на скамейку.

Над обманщиком и тунеядцем свершился суд людей, не желавших больше терпеть шагающих не в ногу с ними. А месть его осталась бессильной, словно та паутина, которой он всю свою жизнь связывал по рукам и ногам легковерных людей. И все же он вновь поднялся, огляделся вокруг, зло процедил сквозь зубы:

— Аллах мне поможет, — и быстро удалился, оглядываясь, словно угрожая людям, что не все отделались от него, что он еще продолжит борьбу с ними.

Гапур в дни каникул вместе с Алиевым и Ивановым ездил то в одно, то в другое село. Он больше молчал, словно завороженный картинами невиданных им до этого кинолент.

— Вот сила,—сказал он, когда после схода в райцентре пришел вместе с Сулейманом к нему домой. — Когда провели первый сход, откровенно говоря, я не совсем еще верил, что осуществится то, что на нем намечалось.

— То-то же, — подмигнул Сулейман, будто все это было делом его рук, — я никогда слов на ветер не бросал. Мой доклад на том сходе не был пустым. Там я объяснил, что будет тому, кто не образумится. Я ведь тебе го-

ворил, что мы — старая гвардия — еще не иссякли. Мы свое еще скажем.

— Береги наконец свое здоровье, — произнесла с нескрываемой гордостью старуха. — Почему это ты все должен делать? Пусть работают теперь, кто помоложе. Пусть работают власти сами.

— Не твое это женское дело, — ответил Сулейман.

— Как же это не женское дело, — пошутил Гапур, — ведь половина схода — женщины, и они тоже решали это дело, как и их собственное.

— Э... эти женщины, — протянул Сулейман. — Они многое решают получше мужчин. Я это просто так сказал.

— То-то же, — улыбнулась старуха, — если бы не я, ничего бы ты не решал.

Старик был радостно возбужден. Таким ни разу не видел его Гапур. Он смотрел на Сулеймана, и ему самому делалось радостно на душе.

«Начало конкретной борьбы с антиобщественными элементами и ее конкретные результаты, — думал Гапур, — очевидно, являются радостью для всех честных людей».

С веселым настроением он пришел домой.

В этот вечер они долго разговаривали с Лизой, долго не могли уснуть.

— Слушай, Гапур, — напомнила Лиза, — ты мне как-то рассказывал о том сходе, где примиряли каких-то кровников. Ты все возмущался, что объявивших вражду уговаривали всенародно вместо того, чтобы в тюрьму повести. Так вот, этих самых, что угрожали невинным людям, да еще и деньги взяли, сегодня осудили.

Лиза была в курсе этого дела, так как ее избрали народным заседателем суда.

— Ну и жизнь пошла, — вскочил Гапур, — честное слово, теперь еще больше хочется работать, работать и

работать, что-то необычно доброе хочется делать. Ты хоть судишь конкретных смутьянов, — завистливо посмотрел он на жену, — а я еще ничего не сделал.

— А я, Гапур, часто по-хорошему тебе завидую, — сказала Лиза в конце разговора. — Какой благородный твой труд! Приходят в школу дети с еще неоформившимся сознанием, а ты делаешь их зрелыми, сознательными людьми, стоишь на страже их ума, чувств, никому не даешь заразить их. Этим можно гордиться.

— Не спорю, в этом ты права, — согласился Гапур.

Он вскоре уснул, а Лиза еще долго с улыбкой смотрела на него. Она верила в чистоту его пылкого сердца, в благородство стремлений.

Утром около их дома остановилась машина, после короткого сигнала кто-то постучал в окно, что выходит на центральную улицу.

— Поехали, стажер,— с улыбкой сказал Иванов,— к твоему Султану, посмотрим, какой он сход проведет сегодня.

Попрощавшись с женой, Гапур выскочил на улицу и быстро сел в машину.

— Почему я стажер? — спросил он.

— Хасан все пишет, — улыбался Иванов, — что мы тебя стажируем на большого начальника.

— А почему сход проводит Султан?

— А кто же, если не председатель сельсовета?

— Как председатель?

— Просто, председатель сельского Совета. Полумуллу сняли, а его поставили депутаты, — сказал спокойно Иванов.

— Вот черт, — удивился Гапур, — неделю тому назад Султан был у нас и ничего об этом не говорил, скрыл от меня.

— И правильно сделал, — шутил Иванов, — зачем ему об этом объявлять. Люди сами узнают. А за неделю много новостей происходит. Здесь всемогущего Мухти

свалили, там кровников судили, в других местах еще тунеядцев выселить решили.

На сегодняшнем сходе в своем селе Султан делал доклад о том, что мешает жителям села в их спокойной трудовой жизни. Выступающие тоже смело осуждали антиобщественные дела сектантов, тунеядцев, хулиганов и шейха-знахаря. Таких людей набралось с десяток, но они так развернули «деятельность», что серьезно стали мешать жизни села.

Султан сумел в своем докладе просто и доходчиво раскрыть основополагающие нормы коммунистической морали, показать ее противоположность морали религиозной.

Султан объяснял, почему сектанты пытаются выдать шариатские и адатские пережитки за национальные традиции. Хорошо сказал он и о том, что мерилом ценности человека является его сознательное участие в общественном производстве. В докладе содержались живые факты — и положительные и отрицательные — из жизни села. Они делали каждую мысль доклада особенно впечатляющей.

Гапур с гордостью слушал Султана и восхищался тем, что он, некогда пассивно относившийся к различным пережиткам прошлого, считавший, будто они сами отомрут, а борьба против них — это пустая трата времени, теперь стал настоящим борцом.

Впервые Султан стоял за трибуной такого многолюдного совещания. Гапуру даже показалось, что за несколько дней он изменился и стал совсем другим. Среднего роста, коренастый, словно отлитый из какого-то металла, с чуть запрокинутой, коротко подстриженной головой, с уже поседевшими висками, он говорил медленно и громко. Казалось, что резким и твердым взмахом правой руки, зажатой в кулак, он вбивал слова всеобщего осуждения в тот угол, где сидела кучка смутьянов.

Не было равнодушных к тому, что говорилось в докладе. Не приходилось вызывать из толпы выступающих. Они поднимались к трибуне сами, поворачиваясь к президиуму, называли свои фамилии и место работы. Как бы в укор той кучке, они с гордостью говорили о тех, кто хорошо трудится, называли победителей соревнования на своих участках.

— От имени рабочих нашей бригады, — заявил передовой тракторист, депутат сельского Совета, — я предлагаю всем селом осудить спекулянтов и хулиганов. Не потерпим их больше среди честных тружеников.

На сходе гневно разоблачали тех, кто пытался насаждать националистические чувства.

— Мы, представители разных национальностей, проживающих в этом селе, хорошо знаем цену братства и единства нашего народа, — говорил токарь совхоза. — Никому не удастся нарушить нашу дружбу. Мы не боимся, что кто-нибудь сможет вбить клин между нами. Но мы сегодня должны сказать, что и малейшей попытки к тому не потерпим. Выгнать таких из нашей дружной семьи! — обратился он к сельчанам.

— Я вижу тебя, Саадул, — обратился он к одному старику. — Ты сегодня тоже должен был сидеть там, — указал он на группу осуждаемых, — где сидит твой сын. Ты его воспитал таким, что он сквернословил, пытался ударить учителя, который приехал сюда из центра России, предлагал ему уехать, кричал, что это земля его и его предков. Нет для тебя и для твоего сына здесь земли, потому что вы покушаетесь на святыню, которая дала нам эту землю, отняв ее у врагов народа. Нет у вас земли. Раз воспитал ты такого сына, наберись смелости здесь, перед народом, сказать, от чьего имени он так заявлял. Я прошу вас, моих сельчан, больше не признавать эту семью, во всем обходить ее.

Старик опустил седую голову, увидев, что на него устремлены сотни глаз сельчан. С минуту он сидел так.

Вдруг вздрогнул, поднялся, снял с головы потертую уже шапку-ушанку и решительно направился к трибуне. Все притихли в ожидании, что скажет старик в свое оправдание, кого обвинит он в поведении своего сына, ставшего хулиганом, подрывающим дружбу народов.

— Я тоже знаю цену дружбы,— сказал он, глядя на сидящих в президиуме. — Я знаю цену труда. Но этого не знает мой сын. Слишком легко все ему в жизни дается.

Он замолчал, повернулся лицом к односельчанам, вытер слезы на глазах.

— Вы все меня знаете, — обратился он к людям тихим упавшим голосом. Его протянутые вперед худые, жилистые, загорелые руки просили прощения. — Я всегда и всюду был вместе с вами, — продолжил старик. — Никто из вас до сегодняшнего дня не смотрел на меня косо. Сегодня мне трудно стоять перед вами, трудно говорить. Я виноват, что вырастил такого тунеядца, хулигана. Я бы искупил свою вину любой ценой. Но как это сделать? И я прошу, прошу вас всех, сельские власти, чтобы по всем строгостям наших законов наказали его. Вместе с вами я осуждаю его, проклинаю его. От меня не отказывайтесь, до самой смерти буду с вами.

Старик еще раз вытер слезы, шатаясь, надвинув шапку до самых бровей, вошел в средину толпы и встал. Ему несколько молодых людей уступили место, но он отказался сесть и так остался стоять, согнувшись, опираясь на палку.

Выступали многие — старые и молодые, мужчины и женщины. Говорили так, как могут, но слова их шли из самой глубины сердец, которые не хотят больше терпеть тех, кто нарушает их покой, мешает в труде, нарушает добрые традиции народа, навязывает чуждые им обычаи и нравы.

Сход решил вынести строгий приговор десяти отступникам от общей морали.

— Их радость — не наша радость, горе их—не наше горе,— гласил приговор. Не здороваться с ними, не отвечать на их приветствия — таков наказ сельского схода всем сельчанам. Еще строже было предупреждение — если на второй же день не приступят они к общему труду и не бросят то вредное, за что строго осудил их сход, то сельскому Совету поручалось выселить их из района как чужих.

Во всех селах района прошли сходы граждан. Комиссии по контролю за четким выполнением их решений приступили к работе. Постоянное внимание уделяли им партийные организации, а также сельские Советы. Там, где казалось недостаточным общественное влияние, на помощь приходила местная власть и заставляла выполнять волю народа.

Многое они сделали для умиротворения давних кровников. Хотя вражда их теперь не выражалась в прямых угрозах, все же она отчуждала людей друг от друга. Муллы, руководители сект, жаждущие ссоры между людьми, постоянно твердили извечную истину мусульманской религии — не прощать крови родственников, мстить. И эту истину они выдавали за национальную традицию.

— Нет! — говорили члены комиссии. — Не может быть национальной традиция, разделяющая целые фамилии. Те традиции национальные, что помогают людям жить дружно, мирно трудиться. Не позволим оскорблять наших предков, приписывая им нравы, основанные на религии, на уничтоженном в нашей стране человеконенавистническом режиме. Довольно мы страдали под этим режимом.

Твердое решение комиссий, поддерживаемое жителями, — враждующим нет места в нашем селе — заставляло такие семьи и целые фамилии давать друг другу руки в знак дальнейшей дружбы.

Борьба с остатком позорного пережитка родового

строя — калымом — также была поручена комиссиям.

— Не позволим,— говорили люди, — унижать женщину, торгуя ею, как вещью и скотом.

Теперь уже не удавалось хитрецам делать свои сделки — тайно давать и получать калым в любой форме.

Забот у комиссии много, потому что много сторон имеет и быт людей. По два и три раза в год вновь собираются сельские сходы, чтобы послушать комиссии о том, как выполняются их решения.

ЛЕКЦИИ НА ДОМУ

Газеты, радио и телевидение ежедневно по крупице собирают, сообщают и показывают своим читателям, слушателям и зрителям те новые формы и методы массово-политической работы среди населения, которые используют разные партийные организации. Там, где внимательно следят за сообщениями прессы, где бережно собирают эти крупицы и складывают их в целое, а затем применяют их в воспитательной работе, партийные организации имеют успех.

Республиканская газета сообщила читателям, что в одном из районов республики появилась новая форма работы по месту жительства людей — непосредственно в домах трудящихся читаются лекции.

В райкоме этим живо заинтересовались.

— Много в районе читается лекций, — говорил Алиев. — Много у нас хороших лекторов. Но ведь пенсионеры, домохозяйки, люди больные не ходят в клубы, дома культуры, чтобы слушать лекции. Да и не разместишь всех жителей в сельском клубе или Доме культуры. Стало быть, наши лекторы выступают перед наиболее активной частью населения, а чтобы охватить всех, нужна для нас эта новая форма.

— Кому, как не вам, учителям, показать действенность этой формы у нас в районе, — говорил Иванов Гапуру. — Тебе и карты в руки — ты секретарь партийной организации школы.

— Мы в школе уже думали об этом, — обрадовался Гапур.

В райкоме одобрили предложение парторганизации школы по чтению лекций непосредственно и в домах населения.

Райцентр был разделен на несколько микроучастков, в них входило по десять-пятнадцать дворов. В одном из домов с согласия его хозяина и работал лекторий. Каждую неделю здесь читают лекции, проводят беседы. Это делают учителя. Темы лекций определяет партийное бюро школы. Они в основном по интернациональному, атеистическому, правовому воспитанию. Партбюро составляет график выступлений лекторов на квартал. Каждый учитель знает заранее, где и когда состоится его выступление. Этот же график имеется и в лекториях. Намечая тематику, партбюро учитывает интересы слушателей. И это обеспечивает хорошую явку на лекции.

Все учителя школы — члены общества «Знание». Для них лекции — ответственная работа, она не из легких. И еще сложнее оказались выступления с лекциями на дому. Здесь собирались люди разного возраста, разного уровня образования, разных профессий. Приходилось много работать над лекцией для того, чтобы сделать ее одинаково доходчивой для всех. Да и вопросов здесь задают больше, они сложнее и разнообразнее. Соседи, хорошо знающие друг друга, не стесняются спрашивать обо всем, что их интересует, не боясь показаться смешными. Здесь часто возникают споры. И все же всегда удается уяснить интересующие вопросы, потому что лектор и слушатели сообща разбираются в них...

Сегодня вечером на лекции Гапура присутствовали все пятнадцать человек. Такая хорошая явка обеспече-

на успехом и предыдущего лектора, хорошо раскрывшего свой вопрос, и интересом слушателей к сегодняшней теме.

«Что же он назовет суевериями и какой же вред они приносят людям?» — думали одни.

«Как весь этот рассказ подействует на наших бабушек и дедушек, да и на некоторых мам и пап? — думали отдельные старшеклассники. — Ведь мы и заикнуться боимся о суевериях, чтобы не озлобить старших».

А Гапур смотрел на своих слушателей, которые собрались в непринужденной домашней обстановке и не спеша рассаживались, изредка переговариваясь, и волновался. «Сумею ли я разоблачить вред суеверий и сделать это тактично, чтобы не оттолкнуть людей, а пробудить у них желание узнать больше об окружающем мире, подготовить почву для следующих лекций?»

Гапур начал свой рассказ, он старался говорить четко и ясно. С собой он принес эпидиаскоп и свои слова подтверждал показом диафильмов. Он разоблачал суеверия, привлекая факты из жизни села, которые были всем известны и делали лекцию особенно убедительной. Ему задали много вопросов. Ответы еще более заинтересовали слушателей. Это была победа лектора. Не обошлось здесь и без таких реплик: «До сих пор верили, что это так, и дальше будем верить. А все же странно и интересно». Это была победа — у верующих людей пробудилась любознательность, возникли сомнения в том, что внушала им религия и ее защитники.

На другом участке в этот же вечер выступал директор школы Асиев. Опытный педагог и лектор, он умело и доходчиво разъяснял своим слушателям содержание советского патриотизма и пролетарского интернационализма. После лекции началась живая беседа. Каждый из слушателей приводил факты дружбы наших народов из практики своей жизни. Здесь не было споров, неясных

вопросов. Эта тема вызвала интерес людей, и оказалось, что одной лекцией ее не раскроешь.

На следующий день после школьных занятий все двадцать пять лекторов-учителей собрались в кабинете директора и живо обсуждали итоги выхода к населению. Не обошлось и без недостатков. Их причины выясняли сообща.

С этих пор лекции на дому стали одной из форм работы с людьми в районе. Они помогали партийной организации в воспитательной работе доходить до всех слоев населения и лучше изучать запросы людей, их жизнь и быт.

Вскоре эта форма, проверенная на практике работы партийных организаций нескольких районов, была одобрена обкомом партии и рекомендована всем районам республики. Она отвечала ленинскому требованию «жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд».

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРИХОДИТ К НАРОДУ

Райком партии не останавливался на одних и тех же формах работы с людьми. Постоянно совершенствуя их, он искал новые. И они находились.

— Раз партия требует от нас доходить до каждого, то почему мы, все руководители района, тоже не можем идти по пути тех же учителей-лекторов? — спрашивал Алиев на бюро райкома при обсуждении постановления

обкома об участии руководителей в воспитательной работе. — Почему наша сфера воспитательной работы должна быть ограничена только пределами производства?

Никто с ним не спорил. Никто не сомневался в подсказанной самой жизнью форме воспитательной работы среди людей.

Сорок руководящих работников вечером собрались в зале заседаний райкома партии. Это партийные, советские, комсомольские работники, хозяйственные руководители, которые представляют группу докладчиков райкома партии. Теперь им предстояло выступать не в привычных для них аудиториях клубов, домов культуры, красных уголков животноводческих ферм, на полевых станах бригад, а встретиться с людьми непосредственно у их собственных домашних очагов.

Райком не вручал заранее подготовленные доклады.

Руководители поехали в одно из сел с тем, чтобы без бумажной преграды, по душам побеседовать с людьми, кратко изложить итоги работы съезда партии и задачи района.

В селе их ждали. Были определены квартиры для встречи с людьми. С каждым руководителем был сельский активист. Комнаты были полны народа. Всем хотелось послушать сообщение. У многих имелись свои наболевшие вопросы.

Началась беседа. Люди слушали внимательно, стараясь уловить каждое слово.

Затем перешли к вопросам и ответам. Вопросов было много, среди них и такие, которые вместе с ответом требовали и конкретного решения. Руководители записывали эти вопросы, чтобы решить их в ближайшее время в районе с помощью республиканских органов.

Эта форма массово-политической работы приблизила руководителей к массам.

Райком партии для руководителей организовал семинар. Здесь им читаются лекции по темам очередных

встреч. Руководители чувствуют себя более подготовленными, увереннее идут на встречи с населением.

Эта форма массово-политической работы также стала популярной в районе.

— Ездят домой к старикам, детям, авторитет свой этим подрывают, — говорили тамады сект,— раньше, бывало, целый месяц ожидали приема к приставу. Зато, как увидишь его в селе, волосы поднимаются дыбом. Все боялись попасться ему на глаза. Скажет он слово — закон для людей. А сейчас все одно, что начальник, что не начальник.

— Хорошими хотят показаться перед людьми, — говорил Хасан в кругу своих друзей-клеветников. Он уже успел написать анонимку, будто руководители района часто ездят по домам и там для них устраивают банкеты с пьянством.

В другом письме он писал, что секретарь райкома Алиев вместо того, чтобы заниматься по-настоящему идеологической работой, начал какие-то безликие митинги устраивать, назвав их сельскими сходами. А решения сходов, призывающие население к борьбе с элементами отсталого быта, за прогрессивные традиции и обычаи, в своей анонимке он назвал попытками подменить советские законы.

Без приглашения он появлялся на идеологических совещаниях или семинарах в районе и на следующий день отправлял анонимку с искаженным описанием того, что там было.

Несколько раз Алиеву приходилось писать объяснения по этим «сигналам». Хотя в областных учреждениях и знали, что Хасан клеветник, все-таки нет-нет, да и посылали в район представителя, чтобы проверить его доносы. И если среди сотни ложных фактов оказывался один правдивый, то иной представитель из области говорил, что нельзя Хасана привлекать к партийной ответственности, потому что это будет зажимом

критики. А в справке руководству он сообщал, что часть фактов подтвердилась. В таких случаях Алиев и писал объяснения.

— Анонимщики, клеветники, — говорил Шаимов в беседе с Алиевым, — имеют свой расчет. Они хотят и этим методом ослабить нашу работу. Если напишет честный труженик, то он подпишется, так как в его письме только правда. К его жалобе надо прислушаться, его критику надо признать и принять нужные меры. А анонимщик и клеветник скорее будут пытаться травмировать принципиальных работников. А беспринципные работники им не мешают. Потому они на них и не пишут, не клевещут.

— На Хасана-то никто еще не клеветал, — пошутил Иванов, — на Иналукова не жаловались известные у нас клеветники, да и сектанты его не трогали. В нескольких селах при нем они нарушали советское законодательство о религиозных культах, а он на это смотрел, как говорят, сквозь пальцы и никаких мер не принимал сам и сельсоветам не рекомендовал пресекать эти нарушения.

— Конечно, — рассуждал Шаимов, — недостатков у нас еще очень много. Их надо устранять. Много нам нужно работать и с большим напряжением. Поэтому некогда нам прислушиваться к шепоту каждого клеветника. Наши успехи — лучшее наказание для них.

По разговору чувствовалось, что Шаимов был доволен новыми формами и методами идеологической работы в районе.

— Вся наша воспитательная работа,—говорил он,— останется пустым разговором, если не организуем массы на решение экономических и культурных задач в районе. Не сразу, сегодня же каждая новая форма поможет решать эти задачи. Но они верно влияют на перспективу... О действенности идеологической работы принято судить по ее реальному воздействию на сознание, трудо-

вую и общественную деятельность и поведение людей, по развитию творческой инициативы в борьбе за выполнение конкретных хозяйственно-политических задач трудящихся района.

ПРАЗДНИКИ ТОЖЕ ВОСПИТЫВАЮТ

Шло заседание бюро райкома партии. С отчетом об организации массово-политической работы среди населения выступал секретарь парторганизации одного совхоза.

— И в заключение, — говорил он, — хочу остановиться еще на одной форме работы парткома. У нас в совхозе мы проводим праздники села, ферм, бригад. Они помогают нам в интернациональном воспитании нашего многонационального коллектива. Не только труд, но и общее веселье, общая радость сплачивают людей.

— Вам и работать некогда, — бросил реплику один из членов бюро райкома, — вы там все празднуете да веселитесь.

— Мы празднуем свои трудовые успехи, — ответил докладчик. — Ферма празднует выполнение своих социалистических обязательств, бригада тоже. А совхоз радостно и с весельем подводит итоги перевыполнения всей своей годовой программы.

— Правильно, — заметил Иванов, — хорошие трудовые успехи нужно отмечать радостным праздником.

Опыт совхозной парторганизации использовали для проведения в районе праздников сел, совхозов, бригад, ферм. На эти праздники приглашаются только те, кто своим трудом добился права участвовать в общей радости коллектива. Этого права не имеют лодыри, тунеядцы, хулиганы.

Первый праздник своего села готовил и Султан. Ему помогали учителя, директор Дома культуры. Устроили несколько воскресников по уборке и санитарному благо-

устройству села. Красочно оформили дома и улицы. Праздник наметили провести под девизом «Слава подвигам трудовым». Люди заранее знали, что в центре внимания всего села будут передовики производства.

Наступил долгожданный день праздника. Сотни нарядно одетых жителей собрались на митинг. Площадь украшена по-праздничному. На стендах портреты передовых рабочих и представителей сельской интеллигенции. Играет оркестр. У трибуны победители соревнования. Султан как председатель сельского Совета поздравил собравшихся с праздником села. Коротко рассказал о производственных успехах, назвал имена лучших людей — передовиков соревнования. Им вручили памятные красные вымпелы, Почетные грамоты, денежные премии.

А затем начался большой концерт художественной самодеятельности.

На праздник собрались и стар и млад. Это сделало торжество действительно массовым. Лишь несколько далеких от людского счастья и радости труда сектантов и тунеядцев были в стороне от этого торжества.

Совместный напряженный коллективный труд, совместный радостный праздник. Это сближает людей, укрепляет братскую дружбу между жителями различных национальностей, помогает интернациональному воспитанию.

— О аллах! — воскликнул один из предводителей секты. — Все смешалось ныне, не поймешь, где ингуши, где другие народы, где мусульмане, где христиане.

— Последние времена, — вздохнул другой, — нужно готовиться к светопреставлению.

Затаив глубокую ненависть к происходящему, они стали собираться на тайные сборы, грозя расправиться с теми, кто, по их мнению, виновен в приближении конца света, в распространении среди правоверных безбожных мыслей. Они протягивали к небу руки, прося аллаха по-

карать «безбожников», и распускали различные ложные слухи, чтобы чем-нибудь подорвать их авторитет среди людей.

Тем временем в районе все выше поднимались роль и значение идеологической работы, все больше углублялся ее творческий характер. Росли идеологические кадры, целеустремленно воспитывающие людей настоящими интернационалистами и патриотами. Они стали чаще выступать с лекциями, докладами, помогать людям убеждаться в мудрости и силе национальной политики нашей партии, в том, что дружба народов — движущая сила советского общества, что без нее нет расцвета ни экономики, ни культуры никакой национальности.

Руководители района систематически стали выступать с лекциями, докладами, пропагандируя эти высокие идеи. На занятиях политической учебы опытные пропагандисты глубже стали раскрывать интернациональную сущность марксизма-ленинизма — проявление ее в решении конкретных задач в районе.

Всюду: в циклах лекций, в беседах, на сходах граждан, в лекториях на дому — широко популяризировались ленинские идеи пролетарского интернационализма.

Больше внимания обращалось на интернациональное воспитание молодого поколения. Старые коммунисты района — ветераны войн и труда заняли в этом деле важное место. Велика была их помощь райкому партии в разоблачении старых реакционных привычек, что насаждались среди молодежи ревностными защитниками религии и национальной замкнутости. Постепенно, но верно уходит почва из-под ног сектантов и мулл. Многие из них возлагали надежду на то, что им удастся, перекрашивая пережитки прошлого в национальные традиции, сохранить под своим влиянием молодежь. Но вся интернациональная жизнь района разбивала замыслы ревнителей старых порядков на возможность противопо-

ставлять людей по национальному признаку и религиозному верованию.

Бюро райкома ясно видело особое значение антирелигиозной работы и научно-атеистической пропаганды в районе. Оно готовило кадры атеистов-пропагандистов. В этом району помогали республиканские организации.

И Гапур был среди пропагандистов района. Он продолжал преподавать историю, но по-прежнему не замыкался в рамках школы, теперь он четко представлял, что может сделать для просвещения народа. Он стал опытным пропагандистом, и район доверил ему ответственное и трудное поручение — быть руководителем методического совета района. Этот совет помогал установить систему разнообразных антирелигиозных мероприятий — лекций, бесед, тематических вечеров, антирелигиозных спектаклей.

Гапур своей бескомпромиссностью, честностью, принципиальностью, а главное постоянным стремлением к борьбе со всем старым и затхлым пробуждал у окружающих людей горение к настоящей боевой работе, к преодолению пережитков в сознании людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Боков Хаджибекар Хакяшевич

ЗАПИСКИ ПУБЛИЦИСТА

Редактор Г. И. Яблокова
Худож. редактор Ю. А. Шевченко
Техн. редактор А. Н. Поздняков
Корректоры Л. Ф. Григорьева и О. В. Черная

Сдано в набор 27.II 1973 г.
Подписано к печати 31.V 1973 г.
Формат 70х108 1/32. Бумага типографская № 1
Объем 7,87(11,0) + 0,08 накид. п. л. Уч.-изд. л. 11,2 + 0,13 накид.
Тираж 15000. СФ06071.

Чечено-Ингушское книжное издательство
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, 21, улица Ленина, 14

Заказ № 1009
Типография имени И. Н. Заболотного
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров
Чечено-Ингушской АССР,
Грозный, улица Интернациональная, 12/33
Цена 49 коп.